

Тайный советник императора Николая II Александровича

Коробов Виктор

Виктор Коробов

**Тайный советник императора
Николая II Александровича**

«Автор»

2021

Коробов В. А.

Тайный советник императора Николая II Александровича /
В. А. Коробов — «Автор», 2021

Попаданец в 1903 год встречается с Николаем II, Витте, Ниловым,
Победоносцевым, Менделеевым, Лениным и другими историческими лицами.
Занимается моторостроением, авиацией, танками.

Виктор Коробов

Тайный советник императора Николая II Александровича

1. Отец Михаил.

Природа Соловков по-своему красива. Но именно по-своему. Красоту Кавказа каждый оценит, а здесь... Ну, море, плоское, холодное. Ну, острова. Может быть, даже, унылые. Чтобы оценить местную красоту, мне пришлось отойти от толпы паломников. Вроде, православные люди, сдержанные, а всё равно находятся болтливые пожилые дамы, и толпа в целом галдит. Не итальянцы, но отвлекают. А отойдя метров на двести и постояв несколько минут, я услышал здешнюю тишину. Шуршат волны, ветер хорошо слышен, птицы. Но всё это успокаивает и перестаёт замечаться. И становится понятно, что молиться здесь очень хорошо. Какое-то глубокое спокойствие кругом. Вот сюда уходили монахи, молились здесь годами, работали фактически на себя. Не надо думать о семье, об обидах, некому завидовать. Обеспечь себе скромное питание и дрова, и молись, и размышляй, и это до смерти.

Теперь, конечно, всё по-другому. Монастырь возрождён, но... Паломники, и особенно паломницы накидываются на каждого монаха как чайки на кусок хлеба. Что такого особенного они хотят услышать? Что может им сказать человек, заплативший дорогую цену за то, чтобы из мира уйти? Что все их проблемы это суета? Что путь у каждого свой, и чтобы его найти надо молиться? Читали бы книги святоотеческие, нет, каждой надо, чтобы ей индивидуально всё разъяснили про её проблемы. Сюда, в Савватиевский скит, вообще бы их не пускать, но всем нужны деньги...

Монахи спасаются в кельях, наружу стараются не выходить. Вон один вышел, вёдра тащит. Сразу к нему больше десятка моих попутчиков устремляются. Остановили, разговаривают. И это простого монаха так атакуют, а ведь все мечтают поговорить со знаменитым отцом Михаилом, старцем. А что может сделать старец для такой толпы, которая скоро сменится другой толпой? Разве что сказать какие-то общие слова. Так главное уже сказал Иисус, потом ещё книг написали немало...

Я в атаках на монахов не участвую. Довольствуюсь ролью экскурсанта, посмотрю, что здесь и как, и всё. А чтобы глубже понять здешний мир, это надо сюда поступить трудником, и прожить зиму. Да и то – вряд ли кто-то труднику всё объяснит, живи, работай, молись, наблюдай. Что сумеешь понять, то и твоё.

Вот слух среди паломников: отец Михаил выйдет к народу. Пройдёт от своей кельи до храма Смоленской иконы Пресвятой Богородицы. Народ планирует кампанию так: не кидаться на него всей толпой, а выстроиться коридором, и пока идёт, пытаться задавать вопросы. Я не планирую ничего спрашивать, постою в стороне, посмотрю, послушаю. И так желающих много.

А вот и он, старец. По виду обычный бородатый дед, в чёрном, конечно. Идёт по живому коридору, вопросы игнорирует. Больше половины прошёл, и вдруг стоп! Остановился, медленно поворачивает голову, и смотрит на меня. А народ его постепенно окружает, вопросы задают, пытаются заговорить. А мы стоим в 15 метрах друг от друга, и смотрим друг другу в глаза. Вот Михаил двинулся ко мне, раздвигая толпу как ледокол.

– Сергей? Зайди ко мне после службы, тебя пропустят, – и, не говоря больше ни слова, двинулся снова к храму.

На меня посматривают, кто я: старый знакомый старца, или его знаменитая прозорливость проявилась? Я молча иду за старцем в храм. Надо ещё выстоять долгую службу, неудобно теперь отлынивать, все на меня смотрят. Да и вообще, перед такой встречей, наверно, надо усердно молиться.

Служба была такая долгая, что к концу я совсем увлёкся, смотрю, а народ уже расходится. Где теперь его искать? Иду туда, откуда старец вышел. Но дверь закрыта, стучу – не отвечают. Молитву прочёл – без толку. Есть ещё сбоку дверца, иду туда, снова молитва вслух – дверь открыли.

– Я... меня отец Михаил приглашал.

Монах кивает, и я иду за ним. Останавливается у какой-то двери, всё молча. Я снова вслух молюсь, из-за двери слышится «Войдите». Места в келье мало, но, кроме кровати, есть столик и два стула. Правда, сидеть приходится боком к столу.

– Сейчас чай принесут. Вы ведь Сергей?

– Сергей Михайлович. Но я простой прихожанин, даже не очень усердный. Причащаюсь в год несколько раз, посты не все соблюдаю.

– Да... Со мной многие хотят поговорить, но... По большей части, особо сказать мне им нечего. Вы... вам я могу время уделить. Как у вас с верой, есть проблемы?

– Проблем немало. Я ведь от мира не отказался, а это источник многих проблем. Да я вообще недалеко ушёл от простых оглашенных. Вот хоть возьмём новомучеников. Понятно, что многие честно пострадали за веру. Но есть и такие, что шёл против власти, иногда и с оружием. Вот читал я о священнике, который благословил восстание крестьян против советской власти. Точнее, против призыва в красную армию. А его и расстреляли. Так он кто – мученик или уголовный преступник?

Отец Михаил лишь кивает молча.

– Вообще, вот, допустим, христианин с кем-то поссорился. Осуждать врага не дело, хотя на это все мастера. Лучше разобраться, а в чём виноват я? Найти и покаяться. А с его виной разбираться – не моё дело. Церковь же – знай осуждает богоборческую власть. Хоть и ясно сказано Павлом, что власть от Бога. А покаяться за тех, кто встрял в политику, да даже и в гражданскую войну – об этом я пока что не слышал.

Тот же монашек, что меня сюда привёл, принёс чай. Точнее, отвар шиповника. Налил в кружки из большого чайника, и чайник на подставочку поставил. Две вазочки варенья, блюдце с просфорами посредине. Отвар вкусный и явно полезный, варенье – так вообще земляничное. Я считаю – деликатес. Монашек скромно уходит. Местные, вообще, умеют молчать.

– Или возьмём главного новомученика – царя, – я с удовольствием ем просфоры с вареньем, запиваю чаем, – Мне вообще непонятно, разве его расстреляли за веру? Да пофиг была его вера большевикам. Просто бывший царь, ну и на всякий случай... Конечно, расстрелять всю семью... Вкусное у вас варенье, вообще отличное. Но ведь сколько таких семей погибло в гражданскую. А в мировую? Миллионы людей! А кто её начал? Николай, Вильгельм и Франц-Иосиф, на троих сообразили. А с Японией война? Сотни тысяч погибли, неизвестно, за что. Я уж не говорю о кровавом воскресеньи, хотя убить ни за что, самых доверчивых... Но вот его иконы во многих храмах видел.

– Я вам сейчас на этот вопрос не отвечу, но, думаю, ответ вы получите. И скоро. А вот скажите мне, как вы относитесь к своему возрасту? Пятьдесят лет, в этом возрасте многие мужчины начинают жалеть о прошедшей молодости, о женщинах.

– Да, бывают такие мысли. Но это же так, пустые мечты. Молодости не воротишь.

– А если бы можно было вернуть? Вы читали Гайдара «Горячий камень»?

– Да. Никогда не понимал, почему старик отказался. Ну ладно взрослый мужик – ему семью надо кормить, но старик... И под надуманным предлогом, как мне кажется.

– А для нас, монахов, это естественно. Ведь молодость... Гормоны давят, далеко ли тут до греха?

– А это всегда грех?

– Часто. Женщина хочет, чтобы на ней женились, помогли детей вырастить. Это естественно. Часто ещё и хочет жить богато, красиво. А кто должен это обеспечить? Вот вы – на каждой женились?

– Конечно, нет. Я всего один раз женился.

– Вот. А остальные женщины – они могли и обидеться. Я уж не говорю об изменах. Был грех?

– Ну да, если подумать... Но я ведь не монах. Да, наверно, некоторые обижались.

– Да и потом – вот вы женились. Надо кормить семью, детей выращивать. Можно сказать, вас запрягли на четверть века, если не больше. Не мудрено, что старичок отказался, он-то всё это понимает. Молодость... Всё время должен, должен. А уйти в монастырь – так ведь это подвиг. Многолетний подвиг, а старость, тем более смерть – как награда. А вы добровольно готовы?

– Ну, я особо не думал... Но ведь если не потерять память – это какое преимущество. С теми же женщинами... Хотя, конечно, грех... а вы почему об этом спросили?

– Узнаете, раб Божий, всё узнаете. И скоро. Но сначала надо вам кое-что сделать. Прямо сейчас. Берите лодку, они просто на берегу стоят, и отправляйтесь на остров Анзер. Знаете, как добраться? Из бухты выйдете, и направо, а там не так далеко.

– Ну хорошо, на Анзер, я помню схему. А там что?

– А там – не волнуйтесь, там всё будет хорошо. И с вами, и с женой. Вам главное до туда добраться. Прямо сейчас и отправляйтесь с Богом, – отец Михаил меня крестит. Наверно, я должен руку поцеловать? Но я просто встаю, кланяюсь, поворачиваюсь к двери.

– Да, и ещё – не держитесь вы за лодку, если вдруг перевернёт – просто плывите вплавь.

Старец замолкает, и я выхожу. Ничего себе, это последнее замечание. Температура воды сейчас градусов десять, наверно. Долго не проплаваешь. Есть, наверно, тренированные люди, но я вряд ли долго продержусь.

Сейчас вечер, но июнь, белые ночи. Надеюсь, ветер к ночи стихнет. Хотя – погода, кажется, портится. По небу летят с юга тучи. Ветер не слишком сильный, но это здесь. А в открытом море? Пожалуй, идти на лодке несколько километров я бы не рискнул. Но ситуация уникальная: старец меня из всех выделил, побеседовал, дал прямое указание...

На берегу три лодки, перевёрнутые. А вёсла где брать? Рядом никого не видно. Ладно, перевернуть лодку я смогу. Вот эту, она ближе к воде. Так, в ту сторону, совсем почти в воде окажется. Эээ... Застрял, надо руки перехватить... Коленкой помогаю... Ещё немного... Получилось. Запнулся за вёсла, чуть не упал. Они под лодкой лежали. До воды полметра, но сдвину ли я лодку с места? Получилось, по мокрой грязи лодка хорошо скользит. Но кроссовки все в грязи теперь. Наверно, не только кроссовки. Ладно, хоть сортир чистить не поручили. Снимаю кроссовки и с лодки полощу их в море. Пусть пока посушатся на ветру, на кормовой лавке.

Грести я в целом умею, приходилось. Да и дело это нехитрое. Пожалуй, дойду за пару часов. Сразу забираю к восточному краю бухты, волн почти нет, ветер попутный. Когда выхожу из бухты, вижу, как быстро уходит берег. Кажется, до 7 км/ч разогнался. Поворачиваю правее, на восток, вдоль берега. Лодка по инерции продолжает от берега отходить. Или это не инерция? Точно, южным ветром относит! Как бы в море не унесло, у меня ведь никаких запасов, даже бутылочки воды нет. Разворачиваюсь носом на юго-восток – теперь я уравниваю ветер и уверенно иду на восток. Если скорость сохранится, то мне до Анзера меньше полутора часов. Скорее, час с небольшим.

Вдруг справа ударил порыв ветра – я с трудом удерживаю лодку. Разворачиваюсь к ветру кормой, чтобы не перевернуло. А, вот в чём дело – я вышел из под защиты острова в пролив, а тут южный ветер дует в полную силу. А ещё – здесь несутся волны высотой выше лодки. Они догоняют лодку, сильно бьют в корму, разлетаются брызгами. Так я совсем промокну, брызги

на меня летят. Меня быстро несёт на север – срочно надо грести, а то унесёт в море. Надо развернуться носом на юг, грести против ветра, и отклонив нос чуть в восток от ветра, буду скользить к Анзеру. Даже если мне понадобится на это два часа или больше – другого выхода нет. Или лучше вернуться? Тоже непросто против ветра. Ну и, находясь в опасной ситуации, идти против воли старца? Нет уж, ему виднее.

Тут как раз и ветер стих, срочно разворачиваюсь. И тут лодку сильно качнуло – я растопырил вёсла, расставил ноги – еле удержался. Ветер снова подул, следующая волна бьёт в борт и заплёскивает ведра три. Начинаю грести в разные стороны, тяжёлая лодка разворачивается градусов на 30 носом к югу, и тут ещё одна волна бьёт в правую скулу, её верхушка рушится в лодку, и это уже немало воды. И меня снова поставило бортом к югу. Что делать? Снова начинаю разворачиваться в том же направлении, но на этот раз успеваю ещё меньше. Волна заплёскивает, и воды уже пол-лодки. Продолжаю грести, но я уже не понимаю, держится ли лодка, или она уже в воде и плавает за счёт того, что дерево легче воды. Следующая волна проходит поверху, и становится понятно, что лодка ещё держалась, а вот теперь она полностью заполнилась водой. Я даже не очень чувствую, что вода холодная.

Что теперь? Я сейчас севернее Реболды, километрах в трёх. До Анзера километра четыре на восток. Старец говорил, не держаться за лодку. Действительно, так меня просто снесёт ещё севернее. Впрочем, я быстро замёрзну. Да, единственный шанс – это плыть. И на Анзер даже лучше – подальше немного, но хоть не против ветра и волн.

Плыть на восток, стараясь согреться движением. Но за несколько минут устаю, в таком темпе я плыть не могу. Ладно, придётся экономить силы, на воде я держусь довольно уверенно. Не то, чтобы я не чувствовал холода – скорее, он воспринимается по-другому. Тело как-то деревенеет, и сознание... Как будто отвлекаюсь на что-то важное и интересное, а то, что тело барахтается в холодной воде – это как-то надоело, не интересно, с трудом на этом сосредотачиваюсь. Так всё-таки я утону или замёрзну?

2. Яхта "Штандарт"

Все, наверно, слышали о втором дыхании. И вот я его почувствовал, и очень явно. Как будто вдруг прибавилось выносливости – да я, по ощущениям, могу и час плыть! И надо скорость увеличить. И, кажется, и волны поменьше стали. Или я переоценивал их высоту? А ведь у меня появляется шанс! До Анзера плыть не так далеко, может, и доплыву? Нет, вода холодная – раньше я этого так не чувствовал, а теперь – очень холодно, я замерзаю. Дай-ка кролем проплыву хоть сколько-то. Вдыхаю воздух, конечно, слева, с подветренной стороны. А что это там чернеет? Прекращаю ритмичный кроль, и высовываю голову повыше. Корабль, и довольно большой. Станный. Две трубы, и три мачты. Не нормальные мачты, для радиоборьбы и локации, а с вантами. Наверно, учебный. Или какого-нибудь олигарха яхта под старину. Начинаю махать руками – впрочем, кажется, меня умудрились заметить ещё раньше, уже спускают шлюпку. Странно, пловца среди волн разглядеть трудно. Хотя... волны явно стали меньше. Такое впечатление, что шлюпке ничего не грозит. Она, правда, большая, одних гребцов шесть, и отдельно рулевой.

Шлюпка мчится, совершенно не замечая волн. Матросы как на картинке, одеты в грязно-белое с отложными воротниками. Здоровые усачи – выдёргивают меня в шлюпку за руки как кролика за уши. И тут же мчатся обратно, к кораблю.

– А ты не оттуда? – рулевой кивает в сторону Большого Соловецкого.

– Оттуда, но я простой паломник. Плыл в лодке на Анзер по благословию старца, но лодку затопило. Вон волны-то какие.

Рулевой с сомнением смотрит на волны – а они что-то действительно не впечатляют. Стихли, что-ли? Даже странно, что такие волны так легко заплёскивали в лодку. От матросов пахнет потом, но гребут они как спортсмены – шлюпка летит со скоростью 12 км/ч (это я глядя на GPS научился скорость на глаз определять).

– Это что у тебя, часы? Промокли, да?

– Что с ними делается, они водоупорные. А чей это кораблик такой красивый?

– Самого государя. Яхта Штандарт, слышал о такой?

Кажется, так и в самом деле называлась царская яхта. Вроде, она ещё долго потом служила, в войну даже. Потом не знаю, может, стояла где-то, а теперь, наверно, реставрировали? Да, какой-нибудь олигарх мог додуматься, и теперь, типа, как царь.

– А сейчас там кто?

– Не видишь? На мачту посмотри. Сам Государь.

Рулевой так верноподданно это выговорил, «Государь». Я бы ни за какие деньги так не стал. А на мачте и в самом деле чёрно-жёлто-белый царский штандарт с орлом. Кажется, этот богач серьёзно играет в царя. Блин, куда только деньги уходят...

– А ты вообще кто, мил человек? С часами, вон. Не из благородных?

Явная подача – назовись дворянином, или даже князем, и прими участие в нашей игре. Но мне это противно, быть клоуном неизвестно для кого.

– Я предприниматель, из Москвы.

– Это что-же, из купцов?

– Ну, можно и так сказать.

– И чем же ты торгуешь?

– Владелец логистической фирмы. Товары вожу для других купцов.

– Это по рекам?

– Нет, в основном автотранспорт. Европа, Финляндия, ну и по России.

Рулевой смотрит на меня как-то странно, вроде даже чуть испугано, как на психа.

– Если купец, так надо бы ребят наградить. Кто тебя увидел, кто шлюпку спустить повелел. А то ведь как есть, замёрз бы в такой воде.

– Да я не против. Но смартфона, как видишь, нет. Там остался – я указываю на остров. Все сдали в самом начале, не благославляются на Соловках смартфоны.

– А по иноземному ты говоришь? – не только рулевой, но и матросы смотрят на меня как-то подозрительно.

– Ну, как все – по-английски через пень-колоду.

На этом фарсовый диалог заканчивается – шлюпка ловко подходит вплотную к борту, прямо к свисающей верёвочной лестнице.

– Взойти-то сможете? Павленко, давай ты первый, если что – поможешь сверху.

Один из матросов взбегаёт по лестнице так ловко, что становится ясно – он много тренировался. Пальцы у меня, вроде, работают, хоть и замёрз я сильно. По верёвочной лестнице лазить трудно, ладно, попробую. Неожиданно тело работает лучше, чем я надеялся, видимо, адреналин. Я забираюсь на палубу не очень ловко, но уверенно. За мной и матросы один за другим выскакивают на борт как пробки, только рулевой остаётся цеплять тали.

На борту тоже всё под старину. Меня встречает офицер, тоже в старинной форме, и сразу ведёт в каюту.

– Раздевайтесь, вас спиртом оботрут.

В каюте потеплее, ветра нет, но я всё равно дрожу. Вместо кушетки здесь крашеная деревянная скамья. Входит доктор, да какой! Кроме усов, которые, кажется, здесь у всех, у него ещё и ухоженная бородка, и, главное, пенсне. Да, здесь забавляются всерьёз. Видимо, бюджет неслабый. Доктор добросовестно трёт меня мочалкой (кажется, натуральное мочало из коры уж не знаю чего, липы, наверно) щедро расходуя спирт. К счастью, все части тела эту мочалку хорошо чувствуют.

– Не соизволите ли и внутрь принять?

– Нет уж, спасибо.

– Так вы из купчиков, из Москвы? Верно, старообрядец?

– Чё бы я тогда на Соловках делал?

– Действительно. Покорно прошу извинить.

Доктор, всем своим видом вызывавший доверие, уходит. Надевать мокрые трусы и всё остальное не хочется – кажется, снова тогда замёрзну. Но тут снова заходит офицер, который меня сюда привёл. У него в руках одежда и грубые ботинки.

– Вот, пожалуйста одевайтесь. Не знаю, подойдут ли вам ботинки, кажется, у вас большой размер.

Одежда здесь тоже старинная: трусов нет, есть кальсоны. На них штаны парусиновые, как у гребцов в шлюпке, и подобная же рубашка, одевается через голову. Тельняшку не дали. Носки странные – где такие взяли? Ничего похожего на резинку сверху не видно. Грубые тяжёлые ботинки оказываются мне по размеру, но, если в таких пройти хотя бы несколько километров, мозоли гарантированы.

Одеваясь, я замечаю некоторую странность: ну ладно кожа хорошо выглядит – это можно объяснить купанием, протиркой спиртом и массажем, но я, кажется, похудел. Серьёзно так похудел. А ведь у меня было какое-то подобие провала в памяти. Я совсем уже терял сознание, и вдруг – второе дыхание, много сил, и волны почему-то меньше стали. Похоже, что несколько дней из памяти выпали, не меньше трёх, иначе я бы так не похудел. С другой стороны, есть особо не хочу. Странно всё это.

– Как вы себя чувствуете? С вами сам адмирал хочет поговорить. Вы готовы?

– Спасибо, неплохо себя чувствую. Да, готов поговорить.

Подошва у ботинок жёсткая, идти в них неудобно, к тому же я громко топая на деревянной палубе. А ведь, кажется, здесь уже был отбой.

В довольно большой, но не слишком роскошной каюте нас встречает невысокий полный человек. Издалека мне кажется, что наконец-то кто-то без усов. Нет, некое подобие усов у него есть. Усы типа «небрито под носом». Он жестом предлагает мне сесть перед столом, а сам садится за большой, массивный стол. Сбоку присаживается офицер, который меня сюда привёл.

– К вашим услугам, контр-адмирал его величества императора Нилов Константин Дмитриевич.

– Простите мне мою излишнюю официальность, а не могли бы вы полностью назвать императора?

– Со всеми титулами?

– Нет, конечно нет. Только имя и страну.

– Император всероссийский Николай второй Александрович.

– Вы имеете ввиду, что яхта ему принадлежала. А сейчас кому вы служите?

– Государю и служу. И яхта как ему принадлежала, так и принадлежит.

Да, похоже, я попал к опасным маньякам, и очень богатым. Если они сбросят меня обратно в море... Тогда, только если команда проболтается, а иначе и не накажут никого. Да и то, просто пропустят мимо ушей, а болтунов накажут. Может быть, этот олигарх друг Путина. Или... А что – встреча Путина с Меркель на той самой яхте, где встречались Николай с Вильгельмом. В этом что-то есть. Паузу прерывает адмирал:

– Молодой человек, потрудитесь представиться. Тем более, после того, как я, человек старше вас во всех отношениях, представился первым.

– Простите. Попов Сергей Михайлович, предприниматель из Москвы.

Адмирал не выглядит старше моих пятидесяти, но не спорить же с маньяком, от которого я завишу.

– Да, мне говорили, купец. Расскажите, пожалуйста, о вашей торговле.

– Я владелец и директор ООО «КаргоРусТранс».

– Гм... Ну хорошо. И как же вы стали владельцем в таком возрасте?

– Ну, я ещё в девяностые начинал. А последние 17 лет КРТ возглавляю.

– Так сколько же вам лет? С какого вы года?

– С 70-го.

– А не похоже. Тридцати трёх лет вам не дашь.

– Разумеется. Мне далеко уже не столько.

– А сколько?

– Пятьдесят, как нетрудно посчитать. Я в апреле родился.

– Молодой человек, потрудитесь подойти к зеркалу.

Зеркало здесь тоже как из музея, и чтобы к нему подойти надо оказаться сбоку от стола адмирала. А вот и матросик без усов. Что? Это я? Снимаю бескозырку. Вместо лысины (ну, не на всю голову, но очень заметной) короткая стрижка. Борода, кажется, только начинает расти. Но это я. Да, где-то на первых курсах я так и выглядел.

– Так что же – будем признаваться? Для шпиона вы ведёте себя слишком глупо. Вы спятели, или авантюрист? Сколько времени вы пробыли в воде?

– Мне казалось, что минут 15-20. Но теперь я ничего не понимаю. Не подскажете ли, какой теперь год?

– Вашей лодки мы не видели, а за такое время далеко уплыть вы не могли. А год теперь, как известно, 1903-й. Июнь, 23-е число.

– Простите, напомните пожалуйста, как вас зовут по имени отчеству?

– Константин Дмитриевич.

– Скажите пожалуйста, Константин Дмитриевич, это в вашей игре сейчас 1903-й год, или во всём мире? Если телевизор включить, там что скажут, какой теперь год?

– В цивилизованном мире, в Европе, год 1903-й. Мне говорили, что вы заговариваетесь непонятными словами, теперь я и сам убедился.

– Да, после вашего зеркала я уже ничему не удивляюсь. Или это не зеркало, а экран?

Начинаю себя разглядывать, даже рубашку задираю. Телу явно не 50, кажется, дело не в зеркале.

– А у вас, господин Попов, вероятно, готова своя картина мира. Я слышал, что у сумасшедших так бывает. Ну-с, расскажите, хотя бы в общих чертах.

– Родился я в 1970-м году, 7 апреля, в Лобне под Москвой.

– В каком, простите, году?

– В 1970-м.

– И кто же у вас там царствует?

– Президентом теперь Путин, Владимир Владимирович. То есть, в 2020-м он президент.

А в 1970-м – тогда был генеральный секретарь ЦК КПСС, Брежнев Леонид Ильич.

– И много вы таких знаете, кто из будущего?

– Думаю, не меньше, чем вы. Вы скольких людей знаете?

– В общем, ясно одно – никакой торговли у вас в Москве нет. И, кажется, вообще ничего нет, даже сапог. Или вы вспомните, что у вас что-то есть в нашем времени? Возможно, родственники, семья? Просто знакомые?

– Разумеется, нет. Откуда, я здесь оказался меньше двух часов назад.

– А у нас некоторые надеялись на награду от вас. Зря, значит.

– Да уж, деньги я теперь не перечислю. Только и есть у меня, что часы и знания тут, – стучу себя по голове.

– Не дадите ли взглянуть на ваши часы? Может быть, они позволят что-то о вас узнать?

И что же это за часы? Это что за цифирки?

– Ну, часы, минуты, секунды. Здесь год, месяц, число, день недели.

– А как вы эти цифры меняете?

– Да, теперь придётся поменять, год-то изменился. Ну и всё остальное выставить. Вот эти кнопки сбоку нажимаю, и так можно изменить.

– И так каждую минуту? А как вы узнаете, сколько минут? Есть другие часы?

– В смысле? Смотрю сюда, и узнаю. А иначе зачем часы?

– Как цифры минут меняются? Это такой механизм?

– Да. Батарейка, микросхема, жидкие кристаллы. Да вот, посмотрите на секунды.

– Странно... Это электричество?

– Электроника. Да, на основе электричества. Но это не важно, такого в ваше время всё равно не сделать. Важнее мои знания. Вас, ваш экипаж, я хочу отблагодарить песней.

– Споёте песню? Вы певец?

– Нет, я плохо пою. Но, разумеется, я знаю песни, в ваше время ещё не сочинённые. Передам такую вашему экипажу, и у вас будет своя песня.

– А что, интересно. Своя песня, как бы гимн корабля. Ладно, послушаем. Господин Тузовский, пригласите, пожалуйста, запевал. Разбудите человека два-три. Надеюсь, песня будет стоить того.

Офицер уходит, и мы с адмиралом остаёмся наедине.

– А чем вы намерены заняться, господин Попов? Вот мы вас спасли, высадим на берег, а что дальше? Жить вам нечем, человек вы, по-видимому, образованный. Уж не хотите ли вы уехать за границу? В Англию или в Америку? Может быть, желаете места гувернёра в каком-нибудь хорошем доме?

– Константин Дмитриевич, вы ведь патриот? Представьте себе, какое преимущество получила бы Англия. Научные знания из будущего, техника, которую изобретут ещё не скоро. Наконец, просто знания будущего, что случится через год, через десять, через сто. Не лучше ли будет, если эти знания получит Россия? Вероятно, Господь не случайно послал меня на эту яхту, и я, как и вы, должен служить России через службу императору.

– Да... Этого бы многие хотели, место при императоре. Разумеется, есть и защита от толп подобных авантюристов. Я бы вас немедленно выпроводил, если бы не ваши часы. Ага, вот и наши песенники. Так как же вы хотите передать им... э... э...

– Просто напою, надеюсь, этого хватит. Нот я всё равно не знаю.

И я, как могу, исполняю Любэ «Там за туманами». Уже после первых двух строчек выражение лица адмирала меняется. Похоже, до этого он со мной говорил из снисхождения. Или, скорее, набирал смешных деталей для будущего рассказа о чудике, выловленном из моря.

Несмотря на некоторую одутловатость, лицо у него выразительное, и человек, кажется, непосредственный. Дослушав песню не перебивая, он с силой бьёт себя по ляшкам:

– Ну Попов! Ну удружил! А ведь я над тобой чуть не посмеялся: человек хочет наградить, спев песенку, как маленький мальчик. Но такая песня – это другое дело. Она не только нашему кораблю – всему флоту не помешает. Ну-ка, Ванюша, теперь ты.

Один из песенников, молодой парень, вряд ли и 20 лет есть, голубоглазый блондин, начинает петь. Как ни странно, мне только один раз приходится подсказать ему слова. И ещё раз я поправляю мелодию, когда он уж очень по-своему её трактует. А поёт он... Да, у него, вероятно, абсолютный слух, красивый баритон. Но откуда у молодого парня столько уверенности? Он не повторяет моё исполнение, он прямо с ходу переделывает трактовку песни. Я совершенно уверен, что он сознательно пытается её улучшить.

– А теперь, Михалыч, ты присоединяйся.

Я тоже Михалыч, но это адмирал явно говорит второму песеннику, хмурому мужику под сорок с чёрной бородой. Основную мелодию снова ведёт Ванюша, а Михалыч басом даёт второй голос, эхом повторяя за Ванюшей. В результате они без единой репетиции и без музыки так исполняют известную песню, что становится очевидным – вся наша эстрада – это дешёвка. И есть в их пении что-то церковное – наверняка оба были певчими. А скорее всего, и остаются.

– Ладно, ступайте, но будьте готовы и перед Государем спеть. Сергей, ладно, будь по-твоему, замолвлю о тебе словечко государю. А вы, Станислав, отведите, пожалуйста, нашего гостя на ночлег. Ну, найдите для него что-нибудь.

Всё тот же офицер – не разбираюсь я в морских званиях – Станислав Тузовский, ведёт меня вниз по трапу, и в каком-то закутке, чуть ли не в коридоре, предлагает гамак. Условия, на мой взгляд, более чем спартанские.

– Где галльон, надеюсь, найдёте?

– Нет, лучше покажите.

С неохотой, но гордый поляк показывает мне необходимое заведение. Снимаю тяжёлые ботинки, забираюсь в гамак. Самое время поразмыслить, как я тут оказался и что теперь делать. Как назло, ни одной умной мысли в голову не лезет, и вдруг я понимаю, что эта бегодня, которую я в последнее время слышу, неспроста – я незаметно заснул, и теперь уже утро. В галльоне нет не только душа, но и умывальника, и где умываться – мне неясно. Выбираюсь по трапу на палубу – да, чем хорошо это лёгкое молодое тело – по трапу лазит даже с удовольствием. А матросов на этом корабле явно немало – похоже, что он рассчитан на движение под парусами и под паровой машиной, гибридный тип, популярный в середине XIX века. А к парусам, конечно, прилагаются матросы, и в большом количестве. Но парусов сейчас нет, дымят трубы, а матросы, значит, есть лишние. И с десяток этих матросов усердно моют палубу. Другие умываются из своеобразных мягких вёдер, типа брезентовых. Я тоже с удовольствием умываюсь, подойдя к такому ведру.

Делать мне особо нечего, внимания на меня не обращают. Возвращаться в гамак не хочется категорически. Тут с помощью дудок подаётся какой-то сигнал, и матросы начинают куда-то уходить. Иду и я за ними. Ага, это столовая. Сажусь вместе со всеми на лавку. Молодое тело не страдает отсутствием аппетита. Соседи, кажется, тоже не дураки поесть. Но и кормят неслабо: кроме первого, второго и третьего дают ещё пирожки и десерт, всё довольно вкусно.

Завтрак – это хорошо, но после этого на меня обрушивается тяжёлое, утомительное безделье. Мне буквально некуда деваться. На палубе негде сидеть. Некоторое время я разглядываю берег, недалеко от которого остановилась яхта. Но на этом развлечения заканчиваются. Но вот появилось что-то новое: девочка в большой шляпе и светлом платье. По виду младшая школьница. А ведь это... Да, больше некому – наверняка принцесса, дочка Николая. Сколько ей жить осталось? 15 лет. Наверно, будет ей уже за 20. Вот ведь несчастная судьба – родиться принцессой, просидеть всю жизнь взаперти и умереть в молодости...

И тут ко мне подходит здоровый мужик лет тридцати, разумеется, с усами:

– А ты чего уставился? Нельзя так смотреть на великую княжну.

Кажется, он даже дёрнулся замахнуться, но передумал. Я бы, конечно, ответил, и он, наверно, это увидел по глазам. Но вот чем бы закончился поединок? У меня когда-то был оранжевый пояс по карате, но мужик в матросской форме весит, наверно, килограмм 80 и выглядит сильным. А моё новое тощее тело тянет, вероятно, на 70 или чуть больше.

Тут принцесса скрылась из вида, и мужик трусцой устремился за ней. Да, торчать на палубе мне теперь хочется ещё меньше. Пойду уж лучше опять в столовую.

– Мужики, могу вам помочь, мне всё равно делать нечего.

– Сам ты мужик, а мы матросы.

– Точно. Как я не заметил? Так что – дайте работу какую-нибудь.

– А что можешь? Картошку чистить умеешь?

– Чего там уметь, дело не хитрое.

– Ну пошли, поможешь.

Два матроса с несчастным видом чистят картошку. В одном ведре моют нечищеную, в другое чищеную бросают. Присоединяюсь к ним и я, благо, табуретка есть. Вялый разговор идёт... конечно же, о бабах. Обсуждают каких-то знакомых, кажется, из Кронштадта. Я так

понял, что этим бабам надо платить. Не уверен, что это профессионалки, может, просто подрабатывают.

– А ты, паренёк, что скажешь?

– Я? У меня таких знакомых нет.

– Уж не монах ли? – вопрос явно с насмешкой.

– Не сподобил господь.

– Он тебя вообще сподобил на что-нибудь? В смысле баб?

– Да особо не об чем рассказать, – разумеется, им я ничего такого не расскажу уж точно. Больше ко мне не пристают, а чишу я хорошо. Вдруг влетает Ванечка, тот, который песенник.

– А, вот вы где. Вас ищет адмирал, пойдёте скорей.

– А, вот вы где. Вас ищет адмирал, пойдёте скорей.

Матросы бросили чистить, смотрят на меня. А я, сполоснув руки, иду за Ваней в каюту адмирала.

– Господин Попов, тут такое дело... – кажется, Нилов немного смущён, – Государь вас принять не соизволил. Он ведь на отдыхе, а вы как бы работать предлагаете, – адмирал делает паузу, но видно, что мне пока надо продолжать слушать, – Он вообще-то добрый. Он был готов вас принять как спасённого, но вам же надо не этого.

Ещё одна пауза.

– Но я кое-что придумал. Есть тут один важный генерал. Барон Мейендорф Александр Егорович. Командует конвоем Его Величества. Там у него всякие есть, есть и казаки. У них песенники неплохие. Я с ним поговорил, а ты бы не мог им какую-нибудь казачью песню подсказать? Если понравится, они исполнят перед Его Величеством, а там... Или Государь сам спросит, или Мейендорф о тебе упомянет.

– Я-то не песенник. Но одну-две песни на казачью тему знаю.

Адмирал лично ведёт меня к «важному генералу»:

– Извини, Сергей Михайлович, но ты... Видимо, купцы в ваше время... Вести себя ты совершенно не умеешь.

Мейендорф производит двойственное впечатление. Каюта у него меньше, чем у Нилова, раза в два. И выглядит он – я бы его не за немецкого барона принял, а за русского казака из зажиточных. Летом он сидит в папахе. Ещё и борода – у него голова не перегревается? Лицо довольно простое. Но, с другой стороны, мундир с невероятным количеством каких-то шнурков и висюлек, важная манера себя держать. Нилов строго взглянул на меня – мол, не ляпни лишнего. Я невозмутимо молчу. Нилов доверительно приобнимает барона за талию, что-то негромко говорит. Барон с русским именем Александр Егорович важно кивает. Затем пожилые сановники достают бутылку, и наливают в рюмки. Кажется, это хороший французский коньяк. Меня они воспринимают как предмет мебели. Вряд ли кому-то придёт в голову предложить шкафу коньяк.

А вот заходят ещё двое в папахе, это явно казаки. Да, зря я думал, что Мейендорф похож на простого казака. Видимо, моё представление о казаках из кино не соответствует действительности. У этих бородатых господ отсутствие образования буквально на лбах написано. Мейендорф важно кивает.

– Господин Попов, будьте добры, для этих господ что-нибудь казачье, – адмирал строит мне гримасы – мол, спрячь куда подальше свой демократичный стиль поведения. Вроде, я и раньше вёл себя с уважением к адмиралу, но теперь понимаю, что он терпел мою грубость за счёт своего ангельского характера. Бородатые в папахе внимательно на меня смотрят, и я в медленном темпе начинаю:

– Задремал под ольхой есаул молоденький...

Второй и третий припевы казаки поют вместе со мной, причём один из них посвистывает и как-то прищёлкивает. Разумеется, со слухом и голосом у них порядок.

– Теперь сначала, – распоряжается барон.

Казачи, даже не глядя на меня, начинают петь. И получается у них просто классно! Удивительно, люди по виду простые и грубые, но вкус и чувство меры у них на месте. Свист и щелчки звучат приглушённо, как бы опасаясь разбудить есаула. Тон песни доверительный, а при упоминании станицы явно чувствуется ностальгия. Барон внимательно слушает, а потом подходит ко мне и начинает разглядывать. Как шкаф.

– Но ведь это не казачья песня. Я такой не знаю. Уж не вы ли сочинили?

– Нет. Один человек из Питера, – не уверен, что стоит называть его национальностью. Кто их знает...

– А вы... – барон вопросительно поглядел на адмирала

– Попов Сергей Михайлович.

– Сергей Михайлович, песня хорошая. А нет ли ещё песни, что-нибудь в том же роде.

– Есть, Александр Егорович, одна песня, мне нравится, хоть и не совсем казачья.

– Ну так пойте, голубчик.

И я начинаю: – Выйду ночью в поле с конём...

Пою снова неторопливо. Но что это? Меня поддерживают мощные басы казаков. Они что – знают слова? Ага, они поют то, что повторяется, а новые слова пропускают. Кажется, песня нравится Нилову – он даже хлопнул себя по ляжкам, не вполне по-адмиральски. Впрочем, кажется, он не боится вести себя как угодно. Песня заканчивается, и становится понятно, что Мейендорфу она понравилась, он просто сияет. Но со мной больше не разговаривает.

– Константин Дмитриевич, вы были совершенно правы! Сегодня же доложу Государю. А вы, бездельники, – надеюсь, это он казакам, – Сейчас же отправляйтесь репетировать, да так, чтобы не стыдно было петь для Его Величества.

Один из бородачей шепчет мне на ухо, щекоча усами: – Как второй куплет начинается?

– Ночью в поле звёзд благодать.

– Ага, – и бородачи быстро уходят.

Барон Мейендорф из напыщенного индюка вдруг превращается в нормального милого человека:

– Сергей Михайлович, а что – образование у вас есть?

– Да, Бауманку закончил. Это университет.

– Что-то немецкое? В общем, личное дворянство у вас есть. А если вблизи Государя окажетесь – тут и до потомственного дворянства недалеко. А со временем, может быть, и титул... Особенно, если удачно женитесь. В общем, я понимаю – метите вы высоко. Но если не выйдет – вы тогда меня разыщите. Я что-нибудь для вас найду, место гувернёра, или учителя. Может быть, вы не только песни, но и сказки знаете? А специальность у вас какая? Конечно, юриспруденция?

– Что вы, как вы могли подумать. Физика и математика, с некоторым уклоном в технику. А сказки – да, кое-что знаю, особенно для среднего возраста, для подростков.

– И что же, хорошо знаете математику? Насколько хорошо?

– Ну, наверно, на профессора не тяну. А вот физику – пожалуй, даже излишне хорошо. Есть здесь бумага? Давайте с вами, например, интегралы брать.

– Э... Я больше по конно-гвардейской части. В общем, не артиллерист. Но сообразить, что одеты вы неправильно, мне ума хватает. А ведь возможен и интерес к вам Государя.

Тут встречается адмирал:

– Александр Егорович, я уже и сам это понял, и здесь, на корабле, мне будет удобнее обеспечить Сергея Михайловича. А вам ещё к Государю надо не опоздать.

И мы с адмиралом покидаем баронскую каюту. По пути в адмиральскую каюту к нам подходит Тузовский, адмирал его вызвал незаметно для меня.

– Станислав... э... Егорович. Вот господин Попов у нас, как видите, в матросской одежде. Вы его, пожалуйста, отведите, пусть ему подберут офицерский мундир. Но, разумеется, без знаков отличия.

Тузовский как-то странно покраснел, как будто его оскорбили. Когда мы немного отошли, он пояснил:

– Разумеется, я не Егорович. Моего отца звали Ежи.

Он начал как-то прищепётывать, вероятно, это польский акцент. Но ведь он говорил без акцента? А со мной, значит, можно?

– Господин Попов, если я правильно понял из того, что расслышал... Вы знаете будущее? Не скажете ли, что будет с Польшей?

– Всё будет хорошо. Через 16 лет Польша станет независимым государством.

– 16 лет? Долго. А границы? В границах 1648 года?

– Я не настолько знаю историю Польши. Но, кажется, вы слишком далеко вглубь веков смотрите.

– Но не только на территории России будет Польское королевство?

– Не только. Часть территории всех трёх империй войдёт в состав Польши.

– Так значит, Польша будет великой!

– Во всяком случае, будет независимое государство, признанное в мире.

– Не будет великой? Почему?

– Я в этом не слишком разбираюсь. Вот Румыния – независимое государство. Она великая?

– Вы меня оскорбляете! Как вы можете сравнивать?

– А что не так с Румынией?

– То, что это не Польша! А румыны – это не поляки!

– Все не поляки. Весь мир. За исключением одних только поляков.

Кажется, рука Тузовского дёрнулась меня ударить. Я инстинктивно готовлюсь ответить серией, включающей лоу-кик. Кажется, в это время офицерам разрешается бить матросов? Но я-то не матрос. Поэтому, или из-за неминуемого ответа, поляк бить не стал, и убегает, кипя от возмущения как самовар.

Станный человек. Я ему бесплатно подарил драгоценную информацию, очень благоприятную для его Польши. И вот, никакой благодарности, кажется, я же и виноват оказался. Ему что – нужна Польша обязательно великая? А просто Польша его не волнует?

И убежал он, не выполнив поручение адмирала. Я нахожусь где-то в глубине корабля, в узком коридоре. Из железной двери выглядывает пожилой усатый моряк, не простой матрос, но и вряд ли офицер. Не знаю, как называется такой флотский аналог старшины царских времён.

– Убежал поляк? Ну и хорошо. Без него способнее. Вы ведь не матрос? Вас как звать?

– Попов Сергей Михайлович. Да, я сухопутный. Но адмирал Нилов велел подобрать мне офицерский мундир без знаков отличия. Только как я это вам докажу? Тузовский-то убежал.

– Да уж понимаю, что адмирал велел. То-то я удивился – гордый поляк, и простого матроса ведёт. По приказу адмирала, не иначе. А врать вам не с руки, соврёте, и что с вами будет? Сбежать-то вам некуда.

Так, почти не прекращая добродушного ворчания, пожилой моряк Тимофеич полчаса тщательно подбирал мне мундир по размеру. Моё мнение в расчёт не принималось, я только надевал, снимал. Да и зеркала не оказалось. Под конец он напомнил мне, как выбраться на палубу, и я отправился к адмиралу. Да, вот так вот, без приглашения. Показать, как исполнен его приказ. Ну и потом – а куда мне?

Никакой охраны перед каютой адмирала нет. Захожу туда в новой чёрной форме и сапогах.

– Сергей Михайлович? Ну что – совсем другое дело. Признаться, эта форма вам больше идёт. Ну не похожи вы на матроса, несмотря на возраст. Выражение лица не то, и все манеры. Но где же мне вас разместить? Вы где ночевали? А гамак где? Гм... Этот Тузовский... Впрочем, корабль хоть и не маленький, но поймите – Государю прилична свита. Тут ещё и матросов много. В общем, живём тесновато. На мою каюту не смотрите – сюда сам Государь заходит. Ну, я выясню, возможно, в офицерском кубрике... Хотя, нет там свободных мест. Пока не знаю. Вы пока тут посидите, у меня. Может, желаете что-то почитать? Газеты? Они не совсем свежие.

– Константин Дмитриевич, я ведь газет начала этого века не читал совсем. Для меня всё новое.

– А, ну читайте, читайте.

Вскоре колокол сигналит обед. Я на этот раз обедаю в офицерской кают-компании, но ни с кем там не разговариваю, да меня и не представил никто. Нилов обедает где-то в другом месте, составляет компанию самому царю.

После обеда снова читаю газеты, привыкая к наличию лишних букв и странному стилю местных журналюг. Кроме обычного для их профессии желания погромче крикнуть и привлечь внимание, я замечаю ещё и желание этих образованцев выглядеть прогрессивными. В наше время это так в глаза не бросалось. Кажется, даже в перестройку чувство меры не настолько изменяло этим «зверькам». А вот манера ориентироваться по запаху присуща им в полной мере.

Нилов приходит гораздо позже меня, и ничего не говорит. Перебирает бумаги за своим столом. А, должно быть, скучно им без компьютеров. Затем снова уходит. Хорошо, что газет у адмирала много. Издалека слышатся песни, и довольно долго, около часа. Не только три моих, но и другие. И снова появляется Нилов:

– Собирайтесь, Сергей Михайлович. Вы удостоены Высочайшей аудиенции. Не робеете?

– Собрать мне нечего, что у меня есть в этом мире? А робеть... Вы же все давно умерли, вы исторические персонажи. Это как такая странная игра.

Нилов осуждающе качает головой, но ничего не говорит. Молча ведёт меня на корму. Ага, это, видимо, и есть царь. Стоит, слегка выдвинув вперёд одну ногу. Усы, борода, фуражка в значительной степени скрывают его лицо. Впрочем, и в видимой части лица я особых эмоций не замечаю.

Вряд ли это его каюта, скорее, одна из небольших гостиных. Есть столик, кресла. Но садиться меня не приглашают. Я слегка наклоняю голову, царь продолжает стоять как истукан.

– Здравствуйте, Николай Александрович. Разрешите представиться, Попов Сергей Михайлович, предприниматель.

Ну, не знаю, что ещё сказать или сделать. Он так и будет стоять и молчать? Наконец, как бы желая сгладить неловкость, Николай начинает говорить:

– Сергей Михайлович, я тут слушал песни... Мне сказали, что это вы научили матросов и казаков. Вот и Константин Дмитриевич за вас хлопотал. И я согласился с вами встретиться в надежде, что и мне вы что-то споёте. Что-то новое, необычное, – царь делает неопределённое движение правой рукой.

– Охотно, Ваше Величество. Но, вероятно, Константин Дмитриевич вам рассказал, что дело обстоит очень серьёзно. У меня есть уникальные знания, не только песен, но и будущей истории, науки, техники. Думаю, нам с вами предстоит большая работа. Возможно, есть смысл начать прямо сегодня.

– Господин Попов, я разрешил вам одну песню, на ваш выбор. Что касается всего остального – это меня не интересует. Возможно, когда-нибудь я вас призову, но не советую на это рассчитывать.

Он что – не понимает? Он что – идиот? Но прямо идти против воли царя – вариант не лучший. Где-то я читал, что волю Николаю заменяло упрямство. И я врубаю, правда, вполголоса:

– В куски!

– Разлетелася корона честь России и законы всё к чертям!

Нилов выглядит испугано, а Николай внешне невозмутим. Но когда он начинает говорить, я понимаю, что привёл царя в ярость.

– Так вы... Вы из этих писак... Из тех, кто всеми силами стремится опозорить...

– Он из купцов. Но родился в 1970 году, а к нам попал из 2020. Ему 50 лет. Поэтому и знает столько. Песни, математику, ещё много чего. Машины, которые ещё не изобретены. Представляете, если попадёт к немцам, и они эти машины сделают? – это Нилов неожиданно показал, что сохраняет полное присутствие духа.

Царь молчит. Наконец, начинает говорить, голос его звучит глухо:

– Хорошо, давайте пройдем в кабинет.

До кабинета недалеко, и успокоиться Государь не успевает. Лицо он, видимо, привык держать кирпичом, но дрожащий голос его выдаёт:

– Вы, конечно, станете предлагать конституцию, и всё сделать как во Франции. Поверьте, всё это я уже не раз слышал.

– Россия не Франция, и сделать как во Франции здесь невозможно. А конституция – это всего лишь основной закон, но, кажется, в ваше время это слово имеет и другое значение.

– Значение очень простое: отнять у меня власть, и отдать... Писакам, адвокатам, болтунам...

– Вот уж такого безумия я точно не хочу. Можно же прямо написать в конституции: верховная власть принадлежит монарху, который вправе отменить или издать любой закон. Да что угодно можно написать. Зато под это дело можно изменить судебную систему. Если я правильно помню историю, у вас сейчас суд присяжных, и иногда трудно осудить политических преступников. Приходится их ссылать в административном порядке. Это большой недостаток. А можно было бы вывести преступления против государства в отдельную категорию, судить особым судом. Всяких террористов, шпионов, даже тех, то запрещённую пропаганду ведёт.

– Да, эта последняя мысль мне нравится. Но ведь какой поднимут вой... И даже если это назвать конституцией – тем больше будут злиться и насмехаться. А ещё вы что предлагаете?

– Очень многое надо сделать, большой комплекс взаимосвязанных дел. Но есть и попроще дела, которые тем более надо поскорее сделать. Вот, патриарха вернуть. Не думаю, что это мелочь. А церковь вас поддержит, ваше положение укрепит. В наше время патриархи есть. Это долгая история, когда и как их стали избирать.

– Но это была реформа моего великого предка. Если начать менять все основы... Вам надо поговорить об этом с Победоносцевым, Константином Петровичем.

– Разумеется, нужна преемственность, без этого не может быть нормальной жизни государства. Но и изменения нужны обязательно, и без них тоже нельзя. Можно всё заморозить на короткое время, но если сделать крайний консерватизм постоянной политикой – всё рухнет, и довольно скоро.

– Вы, господин Попов, вероятно, считаете себя очень умным. И на этом основании полагаете, что лучше меня знаете, что нужно России. Но не забывайте, что я помазанник Божий. Меня ведёт Его промысел. С этим как быть вы полагаете?

– Мой ум? Не думаю, что он имеет решающее значение. Я неглуп, но таких неглупых людей немало. Есть и поумнее. Моя уникальность не в уме, а в знании будущего. И в знаниях, которые станут известны в будущем. Скажите, я такой один? Или появлялись уже люди из будущего?

– Я ничего о таких не слышал, пока вы не появились.

– И я не слышал. Или таких больше нет, или это строжайший секрет. А что касается промысла... Да, он действует. Раньше я бы усомнился, но после вчерашних событий сомневаться уже нельзя. Бог не говорит с вами, как с Моисеем, Бог послал вам меня. Ну а если вы такой щедрой помощью Бога не воспользуетесь...

И я развожу руками.

– Хорошо. У вас, вероятно, уже есть программа?

– Спасибо. Меня вчера выловили из моря, я долго не мог поверить, что теперь 1903-й год. И вот, не прошло и суток, а вы полагаете, что я уже и программу выработал для всей России. Вы и верно считаете меня чрезвычайно умным. Я, признаться, полагал, что моя задача – передать вам мои знания, а дальше – ну, помогать по мере сил.

– Хорошо, но что вы считаете самым главным?

– Думаю, комплекс мер по преобразованию аграрной России в индустриально-аграрную. Развитие тяжёлой индустрии, и, главное, моторостроения и машиностроения. Войны 20-го века – это войны моторов. Ну а чтобы индустрию развивать – надо и с крестьянством разобраться. Имеющаяся система крайне неэффективна, крестьяне сами всё съедают, при этом ещё и голодают. 90% населения не могут получить образование. Вы представляете, сколько талантов пропадает? А это именно те, кто может вывести Россию в первые ряды в науке и технике.

– Вы намерены искать таланты среди крестьян?

– Думаю, процент талантов примерно такой же, как и среди дворян. Надо создать систему их поиска, и обеспечить таким образование. Ну и, конечно, дать им возможность трудиться в науке и технике. А по поводу крестьянских хозяйств... Постоянное деление земли на ничтожные клочки неминуемо ведёт к голоду и крайней бедности. Эффективны только большие хозяйства капиталистического типа, с наёмными работниками, техникой, сортовыми семенами, удобрениями, породистым скотом, переработкой сельхозпродуктов.

– Это у вас такое мнение откуда? Вы в деревне-то были?

– В этом времени я нигде не был, кроме этой яхты. А мнение – из будущего, конечно. Техникой – тракторами, комбайнами – легче обрабатывать большие поля. Ну и экономится труд, а рабочая сила направляется в промышленность, стройки, большие проекты.

– Вот именно. Вся эта техника, удобрения, вероятно, минеральные. У нас с этим небогато. Возможно, сначала надо научиться эту технику производить, а уж тогда... А то создадим систему под несуществующую технику.

– Ну, возможно, вы и правы... Вы же понимаете, что простой человек не может знать всего, а тем более о том, что было давно, 117 лет назад.

– Знаете, господин Попов, я ведь тут на отдыхе. Признаться, от вас ждал короткого разговора, возможно песни. Да уж, получил песню. Если это можно назвать песней. Давайте о делах ещё завтра поговорим, я через Константина Дмитриевича вас приглашу. А сейчас... Думаю, мне потребуется время в себя прийти, после этой вашей песни и всего остального.

Я слегка кланяюсь, и задумываюсь о том, найду ли с первого раза путь обратно в адмиральскую каюту. Но уйти далеко мне было не суждено, меня уже поджидали. Тот самый амбал матрос, что чуть не дал мне в морду.

– Вас приглашают. Извольте пройти.

Теперь я в офицерском мундире, и он держится почтительно, но непреклонно. Ясно, что за ним стоит кто-то значительный. Ладно, пройдем.

Передо мной довольно высокая дама в старинном длинном платье и большой шляпе. Где-то я её видел... Да и кому здесь ещё быть? Могут быть служанки, но теперь я вспомнил, это она.

– Александра Фёдоровна?

– А вы господин Попов.

Говорит она с ужасным немецким акцентом. Всё понятно, но слушать неприятно.

– Государыня, я не знаю вашего старинного этикета, и могу объяснить, почему. Прошу простить моё неумелое поведение и отсутствие манер.

– Мне рассказал Константин Дмитриевич, и я слышала ваш разговор с Его Величеством. Мне придётся потерпеть ваши манеры ради того, что вы знаете. А теперь давайте пройдем туда, где нас будет сложнее подслушать.

Надо же, я наедине с императрицей, и у нас конфиденциальный разговор. Она отводит меня на некое подобие балкончика на корме. Здесь слышен стук паровой машины и бурление воды за кормой. Да, подслушать и впрямь труднее. Дверь императрица оставляет открытой, нам будет видно, если кто-то приблизится.

– Я слышала ваш разговор с Государем, но мужчины... Вы почему-то часто забываете о самом главном. Я хочу вас спросить... Возможно, вы даже догадываетесь, если вы и в самом деле...

– Конечно, догадываюсь. Возможно, вы хотите спросить о наследнике. Вы скоро отправитесь в Дивеево, на прославление Серафима Саровского. После этого зачнёте, и в следующем году родите мальчика, цесаревича Алексея.

Ого, какая реакция! Глаза... такое впечатление, что они стали лучиться. Ну а щёки покраснели явно. Пожалуй, можно понять Николая, в ней что-то есть, когда она так волнуется.

– Я так счастлива! Я так вам благодарна!

– Вы слишком рано обрадовались, Александра Фёдоровна. Вы ведь знаете о вашей наследственной болезни?

Её как будто ударили дубиной. Она замерла, даже взгляд в одну точку устремился, и вдруг начала бледнеть. Я испугался – а если в обморок упадёт? Что делать – держать её? Но нет, она не падает.

– Гемофилия... Это ужасно... Он умрёт?

– Мы все умрём. Знаете, в наше время есть такая поговорка: кто не курит и не пьёт, тот до смерти доживёт. Именно это и случится с Алексеем. Он будет болеть, страдать, но не умрёт до самой смерти. Которая наступит не от гемофилии.

Царица быстро приходит в себя. Метания в крайние эмоции закончились, и она говорит уже более официально, устанавливая дистанцию:

– Я должна спросить вас о Государе. Долго ли он проживёт? Вам должен быть известен год его смерти.

– Даже месяц и число известны. 17 июля 1918 года, рано утром.

– Как, всего через 15 лет? А наследник... Ему тогда будет 14? Станет ли он императором в таком возрасте?

– Нет, Александра Фёдоровна, стать императором ему не суждено.

– Понятно... И как же я буду без него? Не лучше ли мне с детьми уехать за границу?

– Не беспокойтесь об этом, вы без него не останетесь. Вы с ним будете жить счастливо, и умрёте в один день.

– В один день? Кажется, я поняла. Бомба?

– Нет, вы с ним умрёте от пуль.

– Так нас застрелят эти ужасные террористы? Эсеры, да?

– Я точно не знаю, может, и будут среди них эсеры, но в основном это будут большевики. В общем, тоже революционеры, но с несколько другими идеями.

– Я бы их всех повесила.

– Но могу вас утешить: через несколько десятилетий церковь признает вас страстотерпцами.

– А дети? Кто позаботится о них? Здесь, в России... Если бы вы знали... Эти великие князья, мои родственники... Не лучше ли им будет в Англии?

– Всего лишь страстотерпцы, но вы в России будете популярны. Я во многих храмах видел икону, где вы все всемером, вы с Государем, четыре дочери и сын. Больше у вас детей не будет.

– Семеро? Они посмеют... Мой сын, мои девочки!

– Да, это ужасно, но плохого будет много. Две войны, две революции, потом ещё гражданская война, эпидемии, голод. После вас монархии уже не будет.

– Да, теперь я понимаю Ники. Это я так называю Государя...

– Знаю. И про Санни, и про солнышко. А Алексей будет лучик.

– В общем, я его понимаю. Так сразу это трудно переварить. Так вот что значила та ужасная песня... Я... Я больше не вынесу. Давайте всё это отложим на завтра. А мне... Мне надо укладывать детей. Как это делать в таком состоянии? Ольга... Она может догадаться. А вы... Я слышала, вы и сказки знаете? Ольга – она очень любит что-то новое услышать. Не будете ли вы так любезны...

– Охотно. Я и своей дочке сказки рассказывал, пока она не выросла.

– Ваша дочь... выросла? Да, Константин Дмитриевич говорил про ваш возраст. Но поверить в это трудно. Хотя я уже верю. Хорошо, пойдёте.

У великих княжон, оказывается, имеются отдельные каюты, хотя и небольшие.

– Ольга... Вот, господин Попов, он знает сказки... Надеюсь, тебе понравится, а я пойду, уложу Настю.

И императрица уходит. Кажется, она совершенно выбита из колеи. Ну, убьют её семью, но ведь есть ещё 15 лет, многое можно сделать. Та самая девочка, которую я видел на палубе, уже лежит под одеялом. Выглядит она обыкновенно. Учись со мной в первом классе – не входила бы ни в число красивых, ни дурнушек. Средняя девочка.

– Господин Попов? Я вас не помню. Вы откуда взялись?

– Меня в море выловили вчера. Но лучше называй меня Сергей Михайлович.

– Лучше Попов, так легче запомнить.

– Я сейчас тебе расскажу, запомнишь.

Рассказываю анекдот про ноту и часть тела. Кажется, Оле нравится – она дважды с удовольствием повторяет: «Си – рожа». Моей дочке почему-то в детстве нравилась сказка о мальчише-кибальчише, я её наизусть знаю, ну и рассказываю царевне. Кажется, ей понравилось.

– А красная армия это кто? Это англичане?

– Нет, это наши, русские. Только пока такой армии нет.

– Она очень могучая будет?

– В общем, да. Победить её будет очень трудно.

– А пионеры это кто?

– Дети, чуть старше тебя. Про американцев бойскаутов слышала?

– Да, это очень интересно!

– Вот, как они, только в России. У них будут красные галстуки, горн, барабан. А приветствовать друг друга будут салютом, вот так.

Неожиданно снова заходит Александра Фёдоровна.

– Она не спит. Мне трудно успокоиться, а она чувствует. Рассказали сказку?

– Да, мутер, интересная сказка. Только... Все сказки как бы из старины, а эта...

– Господин Попов, может быть, вы поможете, я уже не знаю, что делать...

– Вряд ли я смогу что-то интересное рассказать маленькой девочке... Ей сейчас сколько лет?

– Два недавно исполнилось.

– Но мне говорили, что голос у меня монотонный и усыпляющий. Колыбельную я могу спеть.

Каютка Анастасии рядом. Если у Ольги на лбу написано «вот обычная средняя девочка», то Анастасия... В целом, похожа, но другое выражение глаз, и девочка выглядит интереснее.

Ольга как будто задумчивая, а Анастасия как бы слегка вредная. В общем, покрасивее. Но лежит смиренно под одеялом, претворяется хорошей.

– Привет, Настя. Я знаю одну колыбельную, её никто ещё не слышал.

И я начинаю петь «Спят усталые игрушки». Анастасия смотрит с интересом, но когда песня заканчивается, она продолжает смотреть всё также.

– Гм... Ну хорошо. Даже не знаю, для этого возраста... Ну... Жили были дед да баба, была у них курочка Ряба...

Анастасия слегка кивнула, типа, да, знаю эту сказку, и продолжает молча слушать. Зато вмешивается Ольга. Она, оказывается, незаметно прокралась в каюту. Одета она в длинную ночную рубашку, выглядит вполне пристойно. Но императрица покачала головой осуждающе.

– Бессмысленная сказка. Только для маленьких детей и годится.

– В писании сказано, что Господь скрыл от мудрых, и открыл детям. Может быть, это сказки и есть.

– Знаю. «Сказка ложь, да в ней намёк». Но в этой сказке какой намёк?

– Ну сама прикинь. Вот дед и баба, простые люди. Но судьба даёт им что-то великое и необычное: золотое яичко. И что же они? Начинают яичко бить, сами не знают, зачем. И даже с этим не могут справиться. Когда же мышка яичко разбила, они видят, что стремились к глупой цели и начинают плакать.

– А курочка хочет их утешить простым яйцом.

– Ну да. То есть им даётся простая судьба, задача по силам.

Несколько секунд все молчат.

– А мышка это кто? Ангел, который помог, или наоборот?

– Вырастет над лесом сон-трава

– Ты в лесу не бойся ни слона, ни льва

– Только серой мыши бойся иногда

– С серой мышью в сказку приходит беда.

– Странные стихи. Как будто заклинание.

– Это из одной сказки, про одного мальчика.

– Расскажите?

– Конечно, если будет время.

– Выходит, господин Попов, мы с мужем и есть те самые дед и баба? И наше яичко разобьёт мышка.

– Ну, вам Бог послал меня. Может быть, с моей помощью вы найдёте, что делать с яичком. И тогда мышка вам не так страшна.

– Ну, чем вы можете помочь... Вы ведь даже не князь. А вот если бы эту мышку повесить...

– Увы, в подполье много мышей. И становится всё больше. А что касается князя... а почему вы думаете, что князь вам поможет лучше, чем я? «Не надейтесь на князя, на сына человеческого».

– Понятно, что у дворянина возможностей больше. Тем более у князя.

– Не понимаю, о чём вы. Вот вы – целая императрица. А что вы можете, чего не может простая женщина?

– Я могу приказать... Или попросить мужа...

– Ну да. То есть дело не в возможностях человека, а в его положении.

– То есть, вы хотите сказать, что если я могу приказать сама, мне не нужны те, кто может приказывать...

– Ну, командиры нужны разных уровней. Как в армии: от отделения до фронта, офицеров и генералов нужно немало. Но я – совершенно другое дело. Должности у меня нет, и даже если

мне даруют княжеский титул, я не стану полезнее. Моя сила – в знаниях. Я передам вам свои знания, ну а если вам это не поможет... – и я развожу руки.

– Так вы хотите, чтобы вам даровали титул?

– Мне это неважно. Если вам так будет легче – ну, даруйте. Но ведь если я послан Богом, в чём я не сомневаюсь, то, получается, моё звание повыше княжеского?

– Вы ангел? – это уже Ольга вмешалась.

– Так называют тех, кого посылает Бог. Но обычно он служебных духов посылал, а теперь вот меня, в человеческом теле, только помолодевшим.

– В ваше время о таком слыхали?

– У нас целая отрасль литературы есть, про «попаданцев». Вот я и есть попаданец. Но чтобы такое на самом деле произошло – никогда не слышал. Но, есть такая версия, что если люди чем-то активно интересуются, то Бог как бы вносит уточнения... Ну, типа, небесные светила, это только картина. Но когда люди их изучают, эта картина становится всё сложнее, подробнее. Если то же самое верно и про попаданцев...

О, а Анастасия-то уснула. Видимо, наш разговор для неё был неинтересен.

– Ну, слава Богу. Маша, конечно, опять у Тани. Пойду и я к ним. А ты, Оля... Ты уже большая, можешь и сама заснуть. Или тебе господин Попов ещё сказку расскажет?

– Да, ту, из которой стихи. Вы ведь расскажете, дядя Си-рожа?

– Ну, могу начать рассказывать. Но она длинная.

– Я и хочу длинную. Лучше на всю ночь.

– А спать когда?

– Я уже наспалась. Скучного много, а интересного мало.

Мы направляемся в каюту принцессы, даже не спросив разрешения императрицы.

– Ты, наверно, ещё маловата для такой сказки. Но надо же тебе расти. Если что – переспрашивай. Называется сказка «Лётчик для особых поручений».

– Лётчик?

– Да, он летает на самолёте.

– Я знаю, ковёр-самолёт.

– Нет, просто самолёт. Их как раз сейчас начинают делать. Если твой отец согласится, я бы тоже занялся самолётами для России.

– Это не сказка? Это на самом деле?

– Увы, надо делать самолёты на самом деле. И в ближайшие годы, чтобы не отстать от Европы.

– А они какие, самолёты?

– Ну, крылья неподвижные, мотор, тянущий винт-пропеллер. Сзади хвост, управлять направлением полёта и высотой. Завтра можно будет нарисовать, если дадут бумагу и карандаши.

И я начинаю рассказывать сказку Крапивина. Ольга всё проглатывает, и про драмкружок, и про зелёный билет, и про лётчика. Когда доходит до чёрного кота, её глаза начинают слипаться, но она изо всех сил таращится. Наконец, когда Алёша уже со смотрителем маяка беседовал, снова появляется Александра Фёдоровна.

– Ольга! Имей совесть! Меня нет, и ты готова не спать всю ночь?

– Но мутер, ведь интересно! Так хочется узнать, что было дальше.

– Прошу прощения, господин Попов, не смею вас больше задерживать. Думаю, завтра Государь найдёт для вас время. А ты, если хочешь услышать продолжение, спи сейчас же!

И царских апартаментов я выхожу один. Часы я уже выставил на здешнее время, и они показывают 22:37. Но, кажется, здесь распорядок как в армии: в 22 часа отбой. Во всяком случае, лишних людей я нигде не вижу, только вахтенные. Пойти к Нилову? А если он уже

спит? А, наверно, так и есть. А, ладно! Направляюсь опять в свой закуток к гамаку. Зато никого не потревожу.

А, пожалуй, эта царица Александра нормальная тётка. Я бы лучше с ней работал, чем с Николаем. Он, вроде, не глуп, но... Как будто устал. Причём раз и навсегда. Или это шапка Мономаха его так придавила? Да уж, эта шапка не по всякому Сеньке.

Похоже, здешние матросы управляются сигналами дудок. Вчера я сигнал подъёма не слышал, крепко спал, да и здесь, в коридоре, не так слышно. А сегодня проснулся – да, ровно 6:00. Слышен топот матросов, причём они не ходят, а бегают. Ну, валяться в этом гамаке нет смысла, пойду хоть умоюсь. А вот и адмирал на палубе, наблюдает за началом уборки. Смело иду к нему.

– А, Сергей Михайлович. Как спалось? И где?

– Спасибо, очень хорошо в молодом теле спится. Да там же, в гамаке.

– А ведь я вам приготовил местечко в лоцманской каюте.

– Вчера её Величество уже в половине одиннадцатого отпустила, не стал вас беспокоить.

– Хорошо, ваше место вам покажут. Что-нибудь ещё?

– Константин Дмитриевич, простите, я привык мыться часто, а тут ведь приходится и с Государыней разговаривать, и с великими княжнами. Хочется быть чистым, а то невымытое тело так пахнет...

Взгляд адмирала становится гордым:

– В этом нашему кораблю есть чем похвастаться. Как никак, паровая машина. Ну и устроены три бани, царская, офицерская, ну и для матросов тоже. Они, конечно, и морской водой могут помыться, но когда холодно, по очереди баню посещают. Да вот, господин Тузовский вас проводит. И вашу каюту вам покажет.

Поляк, кажется, всё время отирается вблизи адмирала. Кажется, он сменил гнев на милость, и смотрит на меня чуть ли не дружелюбно. И он не просто ведёт меня в баню – он собирается мыться вместе со мной! Вот так честь.

Адмирал, кажется, этой баней гордится. Но мне она напоминает заводскую баню в глубинке, которую я однажды посетил. Такой же пар из трубы, регулируемый вентилем и даже шипящий похожим образом. Разумеется, никаких ароматов пива, масел и т. п. нет и в помине. Краны с горячей и холодной водой без смесителя и тазики. Душа нет. Ладно, не очень комфортно, но помыться можно неплохо. Есть и мыло, но хозяйственное, с не слишком приятным запахом. После такой бани одеколон – это нормально.

– Господин Попов, простите, я вчера вспылел. Да, Польша – это боль всех нас, поляков. Но теперь, поразмыслив, я хочу поинтересоваться у вас некоторыми подробностями.

– Станислав Ежевич, как вас лучше называть, подчёркивая уважение?

– Лучше господин Тузовский.

– Господин Тузовский, я вчера имел аудиенцию у Государя. И мне теперь строго запрещено что-либо рассказывать (Николай не догадался запретить, но я и сам понимаю).

Поляк молчит, стараясь скрыть разочарование. Ведь сам виноват, мог бы вчера узнать побольше. Теперь, наверно, разговоров не будет. Но нет, поляк находит тему:

– Господин Попов, а вы лично как к Польше относитесь?

– Вы знаете, даже с симпатией. Несмотря на недостатки, эта страна...

– Какие недостатки?

– «Как говорила моя бабушка Ядвига, мы, поляки, добрый народ, но не спрашивайте нас, как мы относимся к русским», – это цитата, но я говорю как бы от себя, – Я в основном русский по крови, и чувствую себя русским, но признаю, что поляки иногда способны на многое. Вот Шопен – это же целое явление в мировой культуре. Есть и литература польская, даже в науке кое-что.

– А шляхетство, сама идея?

– Мне ближе служение народу, стране. Конечно, выглядит красиво – обширные права, выборы короля. Но к чему это Польшу привело?

– Разве шляхтич не может служить стране?

– Может. И иногда даже получше русского служивого дворянина. Но при такой воле шляхетства и требования к их моральным качествам очень высоки.

– Вы сомневаетесь в моральных качествах шляхетства? – кажется, поляк снова оскорблён.

– Лучшими представителями шляхетства можно восхищаться. Будь все такими, или хоть половина, и Польша непременно была бы великой. А что мы видим? Страна, которая могла стать одной из влиятельнейших в мире, разделена, как туша убитой коровы. И это стало возможным только потому, что многие шляхтичи свои права хорошо помнили, а вот свой долг перед страной поставили куда-то на третье место.

– Да, это наша проблема. Каждый пан не может поступиться... Даже иногда ради Польши... Не то, что своим положением, даже тенью славы своих предков. Так вы, значит, видите главный недостаток Польши в отношении к русским?

– Ну, это только для русских главное. А по сути, для Бога... Видите ли, я полагаю, что национализм проклят Богом. А такое проклятие... Взгляните на евреев.

– Национализм? Почему? Чем плохо любить Родину? Разве это не благородное чувство?

– Видите ли... Иудеи не приняли Христа. А ведь он пришёл в первую очередь «к погибшим овцам дома израилева». Как же так, ждали-ждали, и не узнали? Несмотря на все чудеса, на всю мудрость. Это надо очень хотеть не увидеть очевидного. Я думаю, они ждали героя на коне, грозного царя. Он легко победит весь мир, иудеи станут намного выше римлян, ну и будут править миром. Богоизбранные же. А он – бродяга нищий, воевать не собирается, израилю не то, что мировое господство – независимости не собирается давать. А уж когда въехал в Иерусалим издевательски, на ослёнке, насмехаясь над чувствами патриотов, тут уж и Иуда не выдержал, решил подстегнуть события. Ведь не может мессия позорно умереть? Значит, начнёт крушить, завоевывать...

– Так вы думаете, прокляты не только евреи?

– Евреи само собой, но также и национализм. Сейчас националистов всё больше становится, вы присмотритесь к их судьбам.

К этому времени мы уже вытираемся, и Тузовский ведёт меня в каюту лоцманов – одна из четырёх коек теперь моя. Комфорт здесь – как в общежитии. И мы снова вместе идём на завтрак. В кают-компании я явно чужой. Кажется, господа офицеры не только со мной не говорят, но и между собой говорят сдержанно при мне. Впрочем, вскоре незнакомый офицер приглашает меня к их Величествам к восьми. Как раз успею неторопливо поесть.

Офицер провожает меня на корму. Мы проходим комнатку, где я вчера с Николаем беседовал, и ещё через одну комнату попадаем в довольно обширный кабинет, заставленный книжными шкафами. Кроме Николая и Александры в кабинете ещё и Нилов. Офицер, поклонившись и щёлкнув каблуками, уходит, а инициативу берёт на себя Николай:

– Здесь нас вряд ли подслушают, но на всякий случай говорите вполголоса, мы все будем сидеть здесь, за одним столом. Не хотите ли кофе, сигару?

– Я не курю, в будущем определённо выяснят, что это вредно для здоровья. Может быть, и вам об этом подумать? Или, как минимум, не курить при детях.

– Но ведь вы сказали, что...

– Я надеюсь это изменить. Кто предупреждён, тот вооружён.

– Знали бы вы, сколько раз уже мне говорили о революции. Победоносцев, Витте, Дурново. Но рецепты лечения болезней у них разные. Есть ещё либералы, тех я вообще не слушаю. Давайте сделаем так: вы нам сейчас расскажете будущее, которое для вас история. Согласны?

– Разумеется. Кому ещё рассказывать, как не вам.

– Дмитрию Константиновичу я доверяю, кроме того, он и так уже кое-что знает.

– Вот только... Я ведь знаю историю до лета 2020 года. Там много всего было интересного. Давайте пока сосредоточимся на предстоящих пятнадцати годах. А если и дальнейшее вам понадобится – я скрывать не буду, готов рассказать. Ну и научные, технические достижения. Я, хоть и по-вашему из купцов, кое-что знаю, хоть и поверхностно.

– Хорошо, начинайте ваш рассказ, господин Попов.

И я начинаю с войны с Японией, до которой ещё больше, чем полгода. О лесной концессии в Корее, о переодетых солдатах, о внезапном нападении. О Варяге, Порт-Артуре. О Мукдене и Ляояне. О гибели Макарова и эскадре Рождественского. Нилов, услышав о Макарове и Рождественском, что-то шепчет себе под нос. А когда я перехожу к Цусиме, он не выдерживает, начинает шептать громче и с горестным чувством. И становится слышно, что многие слова в таком обществе неприличны.

Далее я перехожу к миссии Витте, «графа Полусахалинского», оценивая её как успешную.

И прямо в процессе войны началась революция. Отмечаю связь между этими событиями. Дальше – о кровавом воскресеньи. Дальше я плохо знаю, но осенью была всеобщая забастовка, парализовавшая всю страну, и вооружённое восстание в Москве, на Пресне, подавленное семёновским полком. Потом октябрьские указы, созыв думы, выборы по куриям. Разгон первой и второй думы, изменение выборного закона, третья дума, октябристы, Столыпин.

Дальше о Столыпине: назначение премьером в 1905-м, военно-полевые суды, переселение в Сибирь, отруба, убийство в 1910-м в Киеве.

– А ещё кого террористы убьют? – это уже Александра вмешалась.

– Ещё Плеве, это скоро, и ещё какого-то великого князя, кажется, Сергея, в общем, он в Москве был главным. Это самые известные.

– Что? Сергея Александровича убьют?

– Да, но дату не помню.

– Как вы можете не помнить? Ведь это великий князь, сын государя Александра II!

– Ну, великих князей много, толку от них мало...

– Отвратительные всё же у вас манеры, не уверена, что вам следует позволить влиять на великих княжон.

– Так ведь я и не придворный, да и вообще, в наше время всё гораздо демократичнее.

– Аликс, ну чего ты хочешь? Поверь, есть люди и ещё грубее. Продолжайте, господин Попов.

– Ну, революцию только в 1907-м подавят, не без помощи военно-полевых судов Столыпина. Но в основном в конце это будут уже деревенские бунты или банды в провинции. Да, ещё броненосец Потёмкин. Но дат тоже не помню.

Рассказываю про броненосец, сбежавший в Румынию. Ну а затем перехожу уже к отношениям с Германией и Австрией, о ложной панславянской идее, об аннексии Боснии Австрией. О позиции Вильгельма, мол, пусть Россия Азией займётся. А в Европе немцы разберутся. О плане Шлиффена. Затем перехожу к убийству Фердинанда в Сараево, ультиматуму Австрии, ответу Сербии. Рассказываю о телеграммах Вильгельму и от него, и, наконец, о мобилизации. Разумеется, Германия немедленно напала на Францию, но не так решительно, как предлагал Шлиффен. Дальше – армии Самсонова и Рененкампа в восточной Пруссии, разгром Самсонова, Людендорф и Гинденбург. Чудо на Марне. Окопная война, снарядный голод, большое отступление 1915-го. Возглавление армии самим Николаем, усталость от войны, военно-промышленные комитеты, земгор, выступления в думе, речь Милюкова. Распутин и его убийство, травля царской семьи. Ну и, наконец, бунт в Питере, миссия Иванова, отречение в пользу Михаила. Рассказываю о Родзянко, Алексееве. О Гучкове с Шульгиным. О Рузском и Пскове.

О временном правительстве, князе Львове и компании. О совете рабочих и солдатских депутатов. О кори, домашнем аресте.

– Подождите, – вдруг вмешивается Александра Фёдоровна, – вы рассказываете о многих предателях, но я ничего не слышу о тех, кто остались верными. Что делали они? Или вы к этому сейчас перейдёте?

– Монархисты были, и даже в наше время, через сто с лишним лет, они есть, хотя их и немного. Но они были деморализованы газетной клеветой, ну и тем, что сам Государь их не жаловал. В общем, серьёзной силы они собой не представляли. Но с чем я согласен – так это с тем, что хватило бы десятка толковых офицеров, чтобы спасти всю вашу семью. Ведь солдаты, которые вас охраняли, в значительной степени разложились. Неожиданное продуманное нападение, и вывезти вас в Финляндию, а оттуда в Швецию.

– Надо было призвать решительных людей, таких, как Воейков, – это уже Николай.

Рассказываю о Воейкове.

– Измена... Кругом измена... Продажные твари... – Николай хорошо владеет лицом, а вот голосом – гораздо хуже. Лицо почти не изменилось, а вот голос так дрожит, что становится понятно, почему он избегает публичных выступлений. – Неужели совсем нет в России честных людей?

– Честных много. Но вы бы кого предпочли к себе приблизить – человека деятельного и самостоятельного, или того, кто не создаст вам проблем, не будет беспокоить?

– Вы... Я полностью согласен с Аликс, вы совершенно не умеете себя вести. Константин Дмитриевич меня предупреждал, но с меня довольно.

– Ещё раз прошу прощения у ваших Величеств, – я встаю и слегка кланяюсь.

– Подожди, Ники. Пусть ещё расскажет о том... О том злополучном дне...

Я смотрю на царя, он слегка кивает. Усаживаюсь обратно на некий гибрид стула и кресла.

– Ну, вас тогда перевели из Тобольска в Екатеринбург, в дом Ипатьева. Но наступали войска Колчака и чехи, и местный совет...

– Кто, простите, наступал?

Рассказываю о Колчаке, чешском корпусе и его мятеже, о Самарской директории.

– Колчак – я его знаю. Так он остался мне верен?

– Он себя называл английским кондотьером. Был тесно связан с Англией, есть версия, что англичане и отправили его обратно в Россию.

Нилов опять бормочет, я разбираю нецензурное слово.

– Хорошо, они наступали. С запада или с востока?

– С востока. Вся Сибирь тогда была колчаковской, яицкие казаки. И вот местный совет, одни считают, что самостоятельно, другие, что после тайного указания из Москвы...

– Из Москвы?

– Да, столица в Москву вернулась. И по сей день так, то есть и в 2020.

– И что же они, вывели нас на площадь, на эшафот?

– Нет, что вы. Проводили в подвал, там же, в доме Ипатьева, и стали стрелять из револьверов. Тела тайно захоронили.

Некоторое время все молчат. И снова Николай берёт решение на себя:

– Хорошо, мы уже почти четыре часа беседуем. Думаю, хватит на сегодня. Скоро уже обед, а затем... Господин Попов, я передам вам моё решение через адмирала Нилова.

Я снова откланиваюсь. Но и адмирал делает то же самое, и мы выходим вместе. Нилов угрюмо молчит. До обеда ещё есть немного времени, и адмирал отводит меня к перилам фальшборта:

– Сергей Михайлович, тяжело всё это слышать, но расскажите мне коротко, что было дальше, чем война закончилась? Это временное правительство собиралось воевать до победы вместе с союзниками, а дальше?

Мы с ним склоняемся над водой, смотрим вниз.

– Потом состав правительства много раз менялся. Премьером стал Керенский, в состав вошло много эсэров. Было неудачное наступление летом 17-го, а в конце октября произошёл переворот, власть захватили большевики. Как позже выяснилось, это была великая революция, изменившая весь мир на десятилетия. И вот они, в феврале 1918-го, заключили с немцами сепаратный брестский мир.

Нилов теперь ворчит под нос громче, и я могу оценить, что ругается он разнообразно и изобретательно, не то что молодёжь в наше время. Когда я начинаю рассказывать условия мира, ругательства становятся громче, затем адмирал выпрямляется и даже машет руками:

– Молчите! Не желаю слушать эту галиматью! – по его щекам текут слёзы.

– Не расстраивайтесь, Константин Дмитриевич. Бог на стороне России, эти условия действовали не долго. В 1945-м наши войска захватили Берлин.

– Я уж думал, вы только гадости рассказываете. И почему это как пророк – так такое несёт, хоть святых выноси. Где добрые пророки?

– Ну, я же не будущее рассказываю, а прошлое. Поверьте, через сто лет народ будет жить получше, чем сейчас.

– Ладно, в больших дозах всё это может аппетит испортить. Пойдёмте лучше обедать.

– Константин Дмитриевич, а не позволите ли после обеда в вашей каюте посидеть? А то мне решительно нечем заняться.

– Да уж сидите. Чего уж теперь. Теперь уж хуже некуда...

На этот раз адмирал обедает в кают-компании, а я сижу с ним рядом. Но он угрюм, и почти не разговаривает. Атмосфера за обедом снова мрачная.

После обеда ситуация не лучше: адмирал мрачно молчит, газеты мне надоели своим претенциозным враньём. Но, может быть, ему интересно о боевых кораблях?

– Константин Дмитриевич, а что вы думаете о флотах будущего?

– Ничего не думаю, – угрюмо бормочет адмирал.

– Но ведь если строить новые корабли, то зачем тратить деньги на старьё?

– Я сейчас не в силах думать. А уж каково ему... Ну, расскажите, что там через сто лет. Будет мне как сказка.

Начинаю с подводных ракетноносцев. Нилов плохо понимает, что такое ракеты. Долго ему объясняю.

– Теоретически я понимаю, что такая штука может полететь. Но как её наводить? И вообще, какая у неё дальность и точность?

– Ну, наверно, тысяч восемь километров.

– А в милях это сколько?

– Точно не знаю. Тысяч пять, или около того. В общем, как раз до Америки.

– А Америка нам зачем?

– А чем её ещё достать?

– Так что – попадёт она в Америку, а куда – неважно?

– Метров на сто можно промазать. То есть, на пару кабельтовых.

Начинаю ему рассказывать про инерциальную систему наведения. Минут пятнадцать он честно пытается вникнуть, но затем машет руками:

– Всё, запутал меня совсем. Ты лучше вот что скажи: эти дуры можно только из-под воды пускать? А с земли нельзя?

– С земли, наоборот, проще. Первые ракеты как раз с земли пускали, летели они миль на триста всего. Потом стали держать их в шахтах.

– Как так в шахтах? Зачем? Они разве на угле работали?

– В шахте ракету трудно поразить, а она оттуда стартует свободно.

– Ну да... Поразить в шахте... Если только закидать бомбами.

– Шахты в глубине территории. Например, вблизи Оренбурга.
– Ну, тогда вообще никак. А эти подводные лодки – как же они под водой? Воздух как – по трубе получают? Дым от машины куда?

– Электрический двигатель, дыма нет, воздух не нужен. А для дыхания воздух – в баллонах, под давлением. А ночью она всплывает, и дизелем аккумуляторы заряжает. Основное оружие – торпеды. А потом изобрели такой котёл, который без воздуха работает, и стали ставить ракеты.

Нилов заметно оживился. Но тут появился снова тот же офицер, что меня сегодня утром приглашал. И снова с тем же сообщением: меня вызывают к их Величествам. Он ведёт меня в то же помещение, теперь я уже знаю, что это библиотека. Их величества встречают меня стоя.

– Господин Попов, а как вы видите свою миссию, чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы не было ни войн, ни революций, а Россия развивалась без помех.

– Это хорошо, а в политическом плане? Вы предлагаете конституцию?

– Да при чём тут конституция? Это вообще не важно. Просто не воевать ни с Японией, ни с Германией. Сохранить мир, даже ценой уступок.

– Если пойти на уступки, они потребуют дальнейших уступок.

– Нужно развивать промышленность и производить хорошее оружие. Я подскажу, что именно. И тогда с нас не очень-то потребуешь.

– Ну а революции? Как их избежать? Отдать крестьянам всю землю?

– Увы, это мёртвому припарки. Крестьяне быстро размножатся, и земли снова будет не хватать, даже ещё острее. Но если искать решения проблем, делать то, что можно – то зачем революция? Сейчас многие думают, что при вас никакие изменения невозможны, а значит, если хотим что-то улучшить... А если путь разумным улучшениям открыт, то и надо работать над этим. Ну и сочетать это с полицейскими мерами, и даже суровыми. Ну и, конечно, не будет войн – больше шансов революций избежать.

– Хорошо, я вижу, у вас не только расхожие представления о необходимых улучшениях. Но какой вы видите свою роль? Хотите быть премьер-министром?

– Боюсь, что... Я же не знаю всей этой чиновничьей кухни, а без опыта... Наверно, я могу только советовать, а не вести самостоятельную работу.

– Хорошо. Я дам вам чин тайного советника, и вы будете выполнять мои отдельные поручения. Вы согласны?

– Вам решать, как использовать меня и мои знания. А я постараюсь помочь России помогая вам.

– Хорошо, садитесь, пожалуйста.

Мы все трое рассаживаемся вокруг стола.

– Что вы конкретно предлагаете на первое время, прямо сейчас?

– Есть одна несомненная мера – отмена выкупных платежей и возвращение крестьянам отрезков. Чем отменять их, делая уступку революции, лучше отменить как царскую милость. Уже больше сорока лет это длится, те, кто мог, давно заплатили. Потом, я считаю, надо повлиять на прессу.

– Как повлиять?

– У вас должен быть пресс-секретарь. Он будет рассказывать на пресс-конференциях как о вашей деятельности, различных встречах и переговорах, так и о вашей семье. Предоставит фотографии.

– Я не хочу, чтобы эти... Трепали ещё и мою семью.

– Увы, публичность необходима. Надо создавать любимый образ, это большая и важная работа. В том числе и будущего наследника использовать, как предмет сочувствия и любви. Но это пряник, а ещё важнее – кнут. Я расскажу вам об опыте будущего: владельцы прессы предупреждают о недопустимости антироссийской деятельности. А деятельность против династии

как раз типичный случай. И если они не прислушаются, то не только прямые меры к нарушителям закона, но и проверки, например, налоговые. Иногда в таких обвинениях трудно разобратся. В общем, это средство давления. Не очень хорошо, но что делать. По поводу персоналий: Столыпина, наверно, надо министром сельского хозяйства поставить, пусть уже сейчас свои реформы начинает. А больше я и не знаю столь значительных персон, разве что... Есть такой Ульянов, Владимир Ильич. Кажется, ссылку он уже отбыл. Наверно, в Женеве сейчас, или в Лондоне. Может, попробовать его пригласить через посольство?

– Со Столыпиным я поговорю. Вот буду в Сарове, его туда вызову, там и поговорю. А этот Ульянов – кто же он, что из ссылки в эмиграцию отправился?

– Это революционер, пожалуй, самый талантливый и влиятельный. В будущем станет широко известен. Пожалуй, больше, чем вы или любой другой царь. Но сейчас он ещё мало чего достиг. Вот переманить бы его на нашу сторону... Я-то обычный человек, а он, если и не гений, то уж точно умный, волевой и очень работоспособный. Он бы под вашим руководством горы своротил.

– Дам такое поручение Ламсдорфу, если вы считаете это важным. Насчёт выкупных платежей и отрезков: я уже слышал такое мнение. Да, такая милость к нашему крестьянству, думаю, это правильно. Я поставлю этот вопрос перед государственным советом. Что касается вас: здесь, на яхте, мы ещё два дня пробудем. Потом в Петербург, там я представлю вас Сергею Юльевичу, и начинайте работать. Когда я буду в Петербурге, у вас будет один час в неделю для доклада мне.

Я так понимаю, что царь объявил решение. Поэтому поднимаюсь со стула, лёгкий поклон:

– Благодарю вас, ваше Величество. Со своей стороны, не только свои знания, но и способности и усилия намерен использовать в интересах России и её народа. В общем, постараюсь в ваших интересах действовать. Я думаю, Россия пока не готова к отмене монархии.

Тут и императрица тоже подымается:

– Господин Попов, Ольга желает непременно дослушать вашу сказку. Но поймите меня правильно: ваши манеры, некоторые ваши идеи... Вы не против, если я тоже послушаю?

– Александра Фёдоровна, разумеется, слушайте. Вы как мать, конечно же, должны контролировать... Поверьте, я не хочу никакого вреда ни Ольге, никому. Но в наше время нравы действительно гораздо свободнее, я могу и сам того не замечая...

При моём появлении Оля... Не то, чтобы улыбнулась, а скорее просияла. Всего на секунду. Ей так нравится сказка, или... Наверно, в 8 лет уже возможна детская влюблённость. Её круг общения ограничен, а я как бы ангел, так что возможно. Усаживаемся с императрицей на мягкие стулья, Оля залазит с ногами на кровать, и я рассказываю. Волнующую сцену с вручением ракушки, затем визит к сапожнику, на стадион, где идёт ремонт. Тут императрица не выдерживает:

– Ольга, это что, так интересно?

– Очень! Мутер, ты прослушала начало. Там эта девочка, Маша...

Императрица что-то бормочет, я разбираю слова «к девочкам», и уходит поджав губы. Вскоре и сказка заканчивается.

– Серёжа, но как же так, – она от волнения даже забыла сказать Си рожа, – Почему? Он вон что для неё сделал, а она...

– Ну, так бывает. Он влюбился, а она нет. Ей нравится, что в неё влюбился мальчик, но жертвовать для него и для его любви она не хочет ничем.

– А я бы всем пожертвовала для любви. Кроме мамы, папы и сестёр.

Кажется, она скорпион по гороскопу. Тогда понятно, любовь для неё – это главное.

– Оль, если ещё хочешь сказку...

– Да! Хочу ещё. Вы так смешно меня называете, без «гэ».

– Есть сказки того же писателя, Крапивина, а есть английская, с гномами и эльфами.

– Русскую. Я же русская принцесса.

Нда, а сказки-то советские. Но ребёнку это рассказывать не стоит.

– Выбери, «Ковёр-самолёт» или «Дети синего фламинго».

– А вам что больше нравится?

– Обе. Но лучше, наверно, фламинго.

Оля удобнее устраивается на кровати, и заранее улыбается. И я начинаю:

– В тот день мы играли в войну. Но не в современную войну, с дымом и взрывами...

Слушать Оля умеет прекрасно. Когда я упоминаю «мультки по второй программе», она не перебивает. Я уверен, что она бы спросила, но надеется использовать время лучше: послушать, что там дальше. А дальше там про автобус, и снова она молча слушает. Мне приятно, что она ловит каждое слово, и я рассказываю, рассказываю...

Когда императрица приходит звать дочь на ужин, она с удивлением обнаруживает меня. Я к тому времени уже почти закончил легенду об учёном и правителе.

– Ольга! Вы что – так и просидели всё это время?

– Мутер, там так интересно! Мне так хочется узнать, что будет дальше. Там такой ящер, он гигантский! Его сделал один учёный...

– Простите, господин Попов, но... Ольга! Сейчас же на ужин!

– Но мутер... А когда будет продолжение? Я хочу узнать...

– Господин Попов, много там ещё до конца?

– Да, наверно, половина. Немало.

– Ну, тогда, наверно, завтра. Я думаю, время найдётся. Господин Попов, вы не против?

– А вечером он, значит, должен Настьку укладывать?

Блин... Кажется, меня ревнуют к двухлетней девочке. Что-то я слышал, что старшие дети могут ревновать к младшим. Но там, кажется, речь шла о родителях.

– А может быть, все вместе соберёмся после ужина? Господин Попов, а нет ли такой сказки, чтобы не для одной Ольги, а для всех девочек?

– Есть одна сказка, но она с песнями, а пою я не очень.

– Решено – после ужина сказка для всех, а потом в постель.

– Но ваше Величество – Ольге тоже надо будет рассказать вторую часть сказки. Например, завтра (а то маленький скорпиончик сочтёт меня изменником).

– Да, хорошо. Может быть, поужинаете с нами?

Но в её голосе я слышу сомнение, и отказываюсь. В кают-компании ужин уже в разгаре. Но адмирал меня заметил, и пригласил рядом усаживаться.

– Сергей Михайлович, не идёт из головы ваша сказка. Неужели всё это правда? Может быть тогда нам начать делать эти ракеты, пусть пока не с такой дальностью...

– Это возможно. Да, понадобится несколько лет упорного труда, но возможно. Однако, я думаю, что на данный момент лучше заняться другим. Понимаете, ракеты когда хороши – это либо когда они несут очень мощный заряд, а такие заряды только через полвека появятся, либо когда есть система самонаведения, а это совсем сложно, я в этом плохо разбираюсь.

– Самонаведение? Что, ракета сама решает, куда наводиться? Или по приказу наводится сама?

– Нет, это когда она в полёте видит цель и меняет направление, чтобы точно попасть.

– Но разве такое возможно?

– Да, и через сто лет будет обычным делом. А начнут делать даже раньше.

– Зря я не послушал, что же будет, скажем, через десять лет. После ужина расскажете?

– Увы, приглашён Государыней рассказывать сказку её девочкам.

Такой вот парадокс монархии: сказка детям важнее, чем обсуждение перспективных вооружений с адмиралом. И никакого недовольства от Нилова, вероятно, он считает, что всё правильно.

В царских апартаментах есть некое подобие гостиной, примерно 40 квадратов. Там мы и собираемся, все всемером, Государь тоже решил послушать. Когда я объявляю название сказки, Ольга сильно разочарована:

– Но мутер замучила нас этой сказкой на немецком языке.

– Я расскажу, что было после того, как они стали бродячими музыкантами. В давние-давние времена, когда на свете жили глупые короли, прекрасные принцессы и весёлые трубадуры...

Когда я дохожу до разбойников и их песни, Ольга не выдерживает: вскакивает с кресла, за руки вытягивает из кресел Таню и Машу, и устраивает хоровод: они, взявшись за руки, кружатся подпрыгивая, и выкрикивают, что запомнили:

– Завтра дальняя дорога выпадает королю!

Дальше следует много «ой-люлю» и «ой-ляля». Наконец, они успокаиваются, рассказываются, и сказка продолжается. Когда я пою во второй раз «Ничего на свете лучше нету» и сказка заканчивается, императрица кажется очень довольной этим. По лицу Николая, как обычно, ничего не ясно, а вот Ольга явно хочет ещё.

– Но что же было дальше, неужели ничего?

– Есть ещё продолжение, но после него уже ничего.

– Рассказывай, – юная принцесса категорична.

– А может быть, хватит на сегодня, – это, конечно же, императрица.

– Мутер, Настьке, может, и хватит, а мы уже большие. И нам нужны большие сказки.

Как она власть прибирает к рукам в таком возрасте... Ладно, рассказываю.

–... а когда его величество проснулось, оно обнаружило, что его дочь...

Песня сыщика неожиданно нравится императрице. Но она ограничивается неясными восклицаниями. Зато когда я спел вторую песню разбойников, Оля опять командует:

– А теперь вместе, чтобы я запомнила. «Пусть нету ни кола и ни двора...»

А вот колыбельная нравится Анастасии, и она начинает смеяться. Но сказка скоро заканчивается, и девочки с разочарованным видом расходятся. А меня императрица снова ведёт на балкончик на корме. А ведь, будь я Распутиным, могли бы заподозрить...

– Господин Попов, я признаю, что ваша сказка талантлива и детям интересна. Но девочки неопытны, и этот яд, который в ней содержится... У них нет от него защиты. Вот это скрытое восхваление разбойников, через песни. Вы видите, как это действует на Ольгу. Да и многое другое. Что это такое, «глупый король»? Зачем так говорить? А финальная сцена, где народ прямо противодействует страже? Нет, я хочу оградить девочек от вашего влияния. К сожалению, я не могу отказать Ольге, и дослушать окончание вашей сказки я ей позволю, но не более того.

– Для детей мать – главный человек. Вам виднее. Для меня же важнее, чтобы Россия избежала войн и революций, и ещё новое оружие, которое, как я надеюсь, удастся создать с моей помощью.

– Ну и, разумеется, на этот раз я всё внимательно выслушаю.

На этом аудиенция заканчивается. Сегодня я ухожу от высочайших особ раньше, и есть время поговорить с адмиралом. А он идёт мне навстречу: вызван к Государю. Ну ладно, до отбоя не так долго, и я разваливаюсь на своей койке, с целью спокойно обдумать ситуацию. Вообще-то я не монархист, и даже патриот весьма умеренный. Считаю русских обычным средним народом. И вот стремительно попал в окружение императора, о котором читал в основном не лестные отзывы. Кажется, судьба меня толкает помогать царской семье. Или правильнее помогать России? Вариант помощи всему человечеству я не рассматриваю, как малореальный. Проблема в том, что я не уверен, что задачи помощи царю и России совпадают. Но если я попал именно сюда, на Штандарт, рассказываю сказки царской дочери, наверно, у меня нет выбора. Да я им уже помог, Николаю и Александре, рассказав им будущее. Возможно, это

больше половины того, что я вообще могу. Я ведь не учёный, не конструктор, даже не врач. А то было бы неплохо – вылечить наследника. И вообще поднять уровень медицины.

Сегодня воскресенье, и с утра подвахтенные идут на службу. На самом деле служат в трёх разных местах: для матросов, для офицеров, и для царской семьи. Но я этого не знал, и отправился на литургию вместе с матросами. И через привычные полтора часа с ними же отправился на завтрак – а офицеры всё ещё на службе. Может, на водосвятный молебен остались?

После завтрака я в очередной раз в этом времени не знаю, чем заняться. Но длится это недолго: меня вызывает Государь. На этот раз казак охраны мне это сообщает. Николай и Нилов только что вернулись с молебна и начали завтрак. Приглашают и меня, но я уже позавтракал. Государь заводит светскую беседу:

– Так вы, Сергей Михайлович, были на литургии с матросами? И как вам понравилось, есть разница с вашим временем?

– Да, ваше Величество, большая разница. В наше время на литургию, наверно, один человек из ста приходит. Понятно, что все ведут себя с благоговением, молятся, кто как может. А здесь... Видимо, посещение службы обязательно, и матросы, кажется, совсем не хотят молиться. Переговариваются о посторонних вещах, иногда бормочут, без религиозного чувства, крестятся и кланяются для вида.

– Гм... Но ведь они люди необразованные, надо делать на это скидку.

– Апостолы тоже были простыми рыбаками. Да и сейчас, глубоко верующие люди есть, но их немного, а молиться заставляют всех, вот и лицемерие получается.

– Лицемерие? Не слишком ли резко сказано?

– Я вырос в такое время... Долго рассказывать, но я особенно чувствителен к лицемерию. Как и всё наше поколение. Вот священник – вроде, так же служит, как в наше время, но я вижу разницу. Основное внимание – внешней красоты, а чувств, веры я в его голосе не заметил вообще.

– Нда... Вам бы прийти на нашу службу...

– А вам бы на матросскую, но как вас замаскировать? Если только сбрить бороду и усы.

– Сбрить совсем? Нет, я для таких игр не гожусь. Вижу, не удалось мне выбрать такую тему, чтобы вы меня не расстроили. А такт – не самая сильная ваша сторона, не так ли?

– Я думал, вам интересно. Ведь не каждый день можно сравнить...

Этим приглашением я обязан адмиралу. Оказывается, он вчера сообщил царю, что я знаю не только песни и сказки, но и об оружии рассказываю всякие чудеса. И вот они вместе хотят меня послушать. Мы втроём переходим в библиотеку, Николай курит. Немало времени уходит на то, чтобы объяснить им, что такое самолёт и убедить, что это вполне реально уже в ближайшие годы. Рассказываю про танки, броневики, разные виды ракет. Отмечаю эффективность миномётов. Время проходит быстро, и меня приглашают пообедать в том же составе, втроём. Николай за столом деловых бесед не ведёт, а вот адмирал неожиданно заинтересовался реактивными самолётами. Моё предупреждение, что они только через сорок лет появятся, его не смущает, и я довольно подробно рассказываю всё, что знаю по этому поводу. После обеда возвращаемся в библиотеку, и Николай снова берёт бразды правления беседой:

– Сергей Михайлович, все ваши знания, со всеми подробностями, мы сейчас не усвоим. Давайте так: что вы считаете в этой области самым важным?

– Разумеется, танки и самолёты. А для их производства самое важное – это, несомненно, моторы. Двигатели внутреннего сгорания. Они же пригодятся и для гражданской техники, тракторов и автомобилей. Впрочем, грузовики нужны как армии, так и народн... гражданскому хозяйству.

– Слово «самолёты» мне нравится, а вот «танки»? Это что, сокращение? Транспортные автомобильные... что там дальше?

– Нет, это от английского бак, цистерна. Сначала для маскировки так говорили, а потом прижилось. Немцы говорят панцеркампфваген, это в переводе...

– Я знаю немецкий. Но как сказать это по-русски?

– Ну, я бы сказал бронеход. Броневи́к – это колёсная техника, бронетранспортёр – это для перевозки пехоты, БМП тоже.

– Хорошо. И когда же сможет наша армия получить всё это, бронеходы, самолёты?

– До японской войны считанные месяцы, а вот к мировой можно успеть. Одиннадцать лет – достаточно, если работать энергично и с умом.

– Говорите, говорите. Как это – работать с умом?

– Думаю, понадобятся иностранные специалисты, возможно, оборудование. В Америке, Англии, Франции, Германии уже делают моторы, пока маломощные, несовершенные. Нам нужен их опыт, возможно, лицензии. Ещё лучше было бы переманить лучших конструкторов. А потом, на этой основе, уже развивать своё моторостроение. В XX-м веке это будет одна из главных тем.

– Найти за границей специалистов, оборудование, купить лицензии. Примерно это предложил бы мне какой-нибудь авантюрист, оказался он на вашем месте. А как же ваши знания, о которых вы мне столько говорили?

– Я ведь предприниматель, по-вашему – купец. Многие купцы сейчас смогут организовать производство паровой машины без специалистов? Я знаю, что получится, а что нет, что главное, а что не очень важно. Это уже кое-что. Но стать самому конструктором двигателей... Это возможно, и, вероятно, я был бы не худшим. Но пока что я не конструктор, а времени терять нельзя. Кроме того, я хочу сделать больше, чем может один конструктор. Для этого надо быть организатором.

– Хорошо. После вашей сказки, после этих фантастических рассказов о ракетах и самолётах, я вам поверил. Если вы и обманщик, то чрезвычайно ловкий. Но понимаете ли вы, что развитие целой отрасли промышленности требует больших ассигнований?

– Что бы я был за купец, если бы не понимал.

– Многие знают, как потратить деньги. Думают, что знают это лучше меня. Но пока никто не сказал, где их взять. Во всяком случае, не сказал ничего разумного.

– Флот, разумеется. Дорогая игрушка, от которой Россия не получила никакой пользы. Или почти никакой. А тут ещё десятки кораблей погибли на дальнем востоке, им на замену стали строить новые... Да если бы эти деньги вложить в авиа и автомобилестроение, польза была бы огромная! Конечно, нужна и артиллерия, да я вам говорил о снарядном голоде 1915-го.

– Флот? И вы говорите это при адмирале? А ведь наш флот и без того... Вы говорите, мы даже с японцами не справились?

– Ну и не надо нам с ними справляться, лучше вообще не воевать. А Константин Дмитриевич разумный человек. Я думаю, он поймёт, что тракторы перевернут всё наше сельское хозяйство, в чём Россия остро нуждается. А если кто-то сунется – бронеходные дивизии разгромят любого врага.

– Хорошо, я могу поверить, что такие дивизии сильнее конной гвардии. Но может ли Россия быть великой мировой державой без сильного флота?

– России сейчас не время нести бремя белого человека. Своих проблем более чем достаточно. Живём беднее Европы, да что там – просто голодает народ. В науке и технике отстаём. А вот земли неосвоенной у нас уже достаточно. Та же Сибирь... Да что Сибирь – разве мы умеем хозяйствовать на земле и здесь, в средней полосе? И что же мы принесём в тот же Китай? Нет, нельзя тратить средства на то, что где-то там, за границей. Нам самим на себя не хватает, надо развиваться, нужна мощная промышленность, эффективное сельское хозяйство. А без этого претендовать на величие...

– Всё-таки язык у вас... Россия – великая держава, и с этим согласны...

– Кузен Вилли? А через 11 лет он не захочет ничем помочь в вопросе с Сербией, а затем и просто объявит войну. Войну, которую российская империя не переживёт.

– Вы не должны влезать в мои отношения с родственниками, да ещё и в таком тоне. В конце концов, это семейные дела, а вы не член семьи. Мне и от великих князей хватает критики.

– Да, но война – мировая война с миллионами погибших. А потом революция, гражданская война, разруха, голод, эпидемии – ещё миллионы погибших. Разве это семейное дело?

– Я согласен, что войн и революций лучше избегать. Но, как я понимаю, вам известен только один вариант истории, где их избежать не удалось. А как их избежать – это уже не ваши положительные знания, это предположения, которые могут быть и неверными.

Вот так, чередуя деловую беседу с препирательствами, мы и проводили время. Оба моих собеседника немало курили, и я внутренне страдал, понимая, как портится мой молодой организм.

– Хорошо, господин Попов, и как же вы оцениваете необходимые на реализацию ваших проектов ассигнования?

– Но ваше Величество – я в этом времени совершенно не знаю расценок, в наше время рубль стоит недорого, да и соотношения цен изменились. Но чтобы понять порядок величин – сколько в этом времени стоит линкор, или лучший броненосец?

– Много. До миллиарда рублей может доходить, если всё считать, – это уже Нилов встрял.

– Ну, тогда, вероятно, программа построения моторов, и бронеходов и самолётов обойдётся примерно в два миллиарда. В год надо выделять миллионов двести, а иногда и больше, например, на первоначальные закупки за границей. Ну и если оснащать армию этим оружием – вы понимаете, что это сотни машин? А лучше даже тысячи, особенно с учётом грузовиков.

Об оружии Николай говорит относительно охотно, Нилов в основном слушает, но явно с интересом. Время проходит быстро и незаметно, и вот в библиотеку входит императрица. Она морщится от табачного дыма, вентиляция здесь не очень.

– Господа, вы уже давно здесь сидите, уже пора ужинать. И господин Попов – вы не забыли об Ольге? Она мне уже напоминала о вашей сказке, и я вижу, что она будет очень разочарована, если не дослушает до конца.

– Разумеется, ваше Величество, как только позволите вы и Государь...

Николай демонстративно поднимает руки:

– Ну, перед Ольгой я бессилен, разумеется, армия и Россия подождут.

На этот раз я и Нилов приглашены на ужин, и я впервые кушаю со всей царской семьёй. Ужин проходит спокойно, пока Ольга не заявляет капризным тоном:

– Си-рожа, вы почему ничего не рассказываете?

– Но ведь сказка будет после ужина, и остальные не знают начала.

– А вы смешное расскажите, можно опять про грузин.

И я рассказываю про урок географии в грузинской школе и «земной ос», потом про урок русского языка. Первый анекдот очень нравится Нилову, он громко смеётся, и потом ещё сдерживает смех. Второй, кажется, оценила императрица. Возможно, она тоже настрадалась от русского языка. Государь лишь милостиво улыбается, Ольга... Она совсем не смеётся, но смотрит на меня... Мне кажется, с восхищением. Странная реакция на анекдоты.

После ужина мы втроём направляемся в спальню Ольги. Девочка с видом победительницы, а вот Александра Фёдоровна поджимает губы. Когда речь заходит о том, что жизнь в приюте «как тоскливый дождливый день», потому что детям запрещают дружить, глаза Оли наполняются слезами. Затем, когда намечается стрельба из мортиры, царица не выдерживает:

– Но если этот ящер так опасен, этим должны заниматься солдаты!

– Мутер, ты не понимаешь! У них не солдаты, а слуги ящера, и они только притворяются хорошими, а сами не станут его убивать.

– Но тогда кто же эти дети? Они бунтовщики? Не лучше ли тогда им вернуться к родителям, или даже в приют?

Оля может сказать не то, поэтому я вмешиваюсь:

– Да, конечно, надо слушаться взрослых. Но в сказках... И даже в жизни – так бывает не всегда. Я думаю, Ольга поймёт, что девочке, а тем более принцессе, нельзя без защиты. Другое дело рыцари. Их судьба – совершать подвиги, убивать драконов, спасать принцесс.

– Но ведь речь идёт о мальчишках и даже негодных девчонках.

– Это юные рыцари из древней легенды. Там вначале...

– Ладно, постараюсь не перебивать, продолжайте.

Дальше в сказке всё грустно, предательство Юльки, гибель и похороны Дуга а затем и Птицы. Мама осуждающе качает головой, а дочка не плачет, и лишь, как мама, поджимает губы. Когда дети на плато видят памятник, императрица извиняется, и ненадолго уходит.

– Наверно, опять к Настьке. Скоро её укладывать надо.

Я бы поставил на посещение туалета.

– А давай я тебя научу одной колыбельной. «Белая метелица замела тайгу...

Когда я дохожу до «Мамонты, мамонты мчатся напролом!», Ольга, после секундного испуга, начинает смеяться. Вскоре и императрица возвращается:

– Там дальше смешно?

– Нет, это я Ольгу учу колыбельной, чтобы она могла помочь укладывать Анастасию.

Глаза Оли блестят, она очень довольна. И я продолжаю рассказывать. Снова отшельник, затем Тахомир Тихо. Разговор с правителем императрице снова не нравится. Она шепчет «точно бунтовщики», но на этот раз не перебивает. Сказка закончилась, и императрица отводит меня, взяв за локоть.

– Господин Попов, я внимательно слушала. Я могу понять Ольгу, ей не хватает дружбы с другими детьми. Но это судьба всех принцесс. Мне же ваша сказка не нравится категорически. Сломать устоявшийся порядок, и, как я понимаю, не самый плохой, это вы выдаёте за доблесть. Не случайно только незрелые юнцы могут поддерживать такие идеи. По сути, такими сказками вы развращаете ребёнка, готовите её к восприятию революционных идей. К счастью, завтра наше пребывание на яхте заканчивается, и я приму меры к тому, чтобы эти сказки прекратились. Но и вы должны меня поддержать, не создавать у неё иллюзию, что я запрещаю ей что-то хорошее.

– Александра Фёдоровна, я всегда на стороне матери. Воспитывать дочь вопреки воле матери совершенно нельзя, ведь разлад с мамой – это для девочки травма. Поддержу вас как смогу.

И тут из-за угла выглядывает Оля. Не знаю, может, подслушивала.

– Мутер, ты сейчас будешь укладывать Настьку? Я хочу помочь, спою ей колыбельную.

Желаю дамам спокойной ночи, кланяюсь и ухожу. Неплохо бы ещё с адмиралом поговорить, но Нилов оказывается занят. В связи с окончанием плавания, у него много хлопот. Мне он уделяет только пару минут:

– Я передал просьбу найти этого Ульянова. И что же? Это тот ещё фрукт. Убеждённый революционер, один из руководителей. Зачем он вам?

– Хочу переманить на нашу сторону. Человек очень способный.

– Думаете, Государю такие нужны? – адмирал делает скептическое лицо, и отвлекается на очередного подчинённого.

Делать мне нечего, и я перед сном посещаю баню.

3. Витте.

Понедельник оказывается для меня тяжёлым днём. Все кругом суетятся, и только мне делать нечего. От безделья я ещё раз парюсь в бане. Но всё время на это не убьёшь.

В полдень «Штандарт» уже у причала, начинается переноска вещей и перемещение людей в поезд. На меня никто не обращает внимания, и я обедаю в кают-компании. Наконец, в начале третьего, ко мне подходит Тузовский:

– Господин советник, вам выделено купе в поезде свиты. Адмирал приказал проводить вас.

Никаких разговоров мы не ведём, да и путь занимает всего несколько минут. Купе похоже на современное, в нём только две нижних полки. Разумеется, я не сижу в купе, а с удовольствием прогуливаюсь по окрестностям. Я бы и газету купил, но денег у меня нет.

Я не знаю, когда тронется поезд, поэтому далеко не отхожу. А гулять по одним и тем же местам надоело. Но, оказывается, в вагоне есть свежие газеты. Хоть чем-то займусь.

К трескучему стилю местных газетчиков я начал привыкать, а к тому, что в газетах интересного немного, привык уже давно. Лишь одна тема относительно интересна: предстоящая канонизация Серафима Саровского. Вроде как, рановато его канонизируют, не по правилам. Но впечатление складывается такое, что газетчикам Серафим пофиг, зато им сильно не нравятся «царизм» и «церковники», а их «произвол» с канонизацией – очередной повод их поругать. И, кажется, хотя прямо нигде не сказано, им неприятны в целом православие и Россия. Да, при Путине такое разве что «Дождь» или «Эхо Москвы» себе позволяли. Я уж не говорю о Сталине.

В 17 с минутами поезд трогается, а в 19 мне и ужин в купе приносят. Вполне приличный, и даже с вином. Я спрашиваю пива, но его как раз нет.

Ещё через час поезд останавливается. Я хочу выйти поразмяться, но проводник сообщает, что мы только подбираем кого-то из поезда Государя, а это пара минут всего.

– Ого, сам Сергей Юльевич. Он ведь наш, из железнодорожников, – в голосе проводника гордость за столь успешного коллегу.

Я не привык, что высокое начальство напрягается из-за меня, но уже через несколько минут после остановки некий гражданский чин (неплохо было бы получше понимать, кто здесь кто) приглашает меня к премьер-министру, Витте Сергею Юльевичу. Мы проходим два вагона, и оказываемся... Я неоднократно читал о таком, но лично вижу в первый раз. Половина вагона или больше – это кабинет, обитый тёмно-багровым бархатом и богато обставленный. Премьер сидит в кресле и мне навстречу не встаёт.

– Спасибо, Иван Кондратьевич. А вы, господин Попов, садитесь. Я имел разговор о вас с Государем. Не знаю, сколько вы продержитесь, но начало впечатляющее: двести миллионов в год вы хотите, не так ли? Вы понимаете размер этой суммы – это около полутора процентов бюджета империи. Зачем вам столько? Хотите сбежать за границу обеспеченным человеком? Может быть, вы удовлетворитесь меньшей суммой?

– Лично я удовлетворюсь гораздо меньшей суммой. Мне сказали, что моя зарплата тайного советника – это 500 рублей в месяц. Мне этого более чем достаточно. Миллионы же, на мой взгляд, следует тратить на развитие моторостроения и машиностроения. Но причём тут я? Я не претендую ни на эти деньги, ни на заводы, построенные на эти деньги.

– Да, Государь сказал мне, под каким предлогом вы претендуете на столь щедрые ассигнования. Ну а конкретно – как вы хотите распорядиться этими деньгами?

– Вот как раз с вами, Сергей Юльевич, собирался посоветоваться. Я очень надеюсь, что мы с вами будем сотрудничать и в этой области, и в других.

– Сотрудничать со мной? Да что вы себе позволяете! Вы не первый жулик авантюрист в окружении Государя. Мсье Филипп – с ним вы знакомы?

– Слышал, но не знаком. Скажите, Государь рассказал вам обо мне?

– Нет. Только о сотрудничестве с вами в области производства неких фантастических бронеходов и самолётов, и что-то по поводу прессы. Но последнее вам лучше обсудить с господином Плеве.

– Скажите, Сергей Юльевич – я понял ваше отношение ко мне, но как вы относитесь к необходимости развития в России моторостроения и машин на основе двигателей внутреннего сгорания? Вам не нравится сама идея, или при некоторых условиях вы считаете её здоровой?

– Россия много в чём нуждается. Например, в железных дорогах. Есть и другие реальные нужды. И есть нужды фантастические, типа ваших ковров-самолётов. Есть люди дела, и есть паразиты, желающие жить за счёт России. Вы что думаете о развитии железных дорог?

– Что тут думать, достаточно взглянуть на карту. Россия велика, и традиционно развивалась вдоль рек. А теперь появилась возможность развивать страну вдоль железных дорог. Думаю, уже из этого понятно их значение. Ну и, конечно, единство страны – дороги связывают хозяйство в одно целое.

– Вы можете, оказывается, сказать что-то разумное. Понятно, как вы обошли Государя. Ну и, конечно, воспользовались его интересом к армии. А в современных вооружениях он разбирается слабее, чем в армейских делах. Если бы железные дороги имели военное значение...

– Разумеется, они имеют. Это ещё крымская война показала. Перевозки войск, снабжение...

– Да, но не непосредственно оружие. Снабжение Государю не так интересно.

– Ну и зря. Это очень важно. Ну и, конечно, бронепоезда – в ближайшие годы это будет грозное оружие, одно из важнейших.

– Как вы сказали? Бронепоезда? Это вы о чём?

– Эх, нарисовать нечем... Ладно, на словах: что вам мешает поставить на вагоны броню и пулемёты? А два вагона сделать пушечными, лучше, если с пушечной башней, как на кораблях. Паровозов два, они в середине и тоже бронированы от пуль. Это проще бронеходов, и можно делать уже сейчас. И вполне можно успеть к войне с Японией.

– К какой такой войне?

Рассказываю о корейской лесной концессии и всё остальное. Называю Безобразова и Абазу.

– Сергей Юльевич, я рассказал об этом государю. Но вы премьер-министр, и вы завещаны Государю его отцом. Надо предотвратить войну, это очень важно. Нам сейчас не победить там, на дальнем востоке. Даже с бронепоездами.

– Гм... Кажется, я поторопился и вы не так просты. Эта идея бронепоездов – надо подумать... Хотя... а вы учли, что сам путь может быть уязвим? Враг взорвёт путь, или разберёт, и всё, поезд в ловушке. А ещё хуже – мину поставят на пути.

– В поезде ремонтная бригада, запас шпал и рельсов. И как раз первой идёт платформа с этим запасом, на случай подрыва. Мелкие же повреждения, от небольших взрывов – просто сверху накладка П-образная...

– Долго ли выдержит такая накладка? Путь просто станет небезопасным!

– Так один раз проехать, медленно, на цыпочках, и снять.

Витте молчит и хмурится.

– Да я не говорю, что это абсолютное оружие. Есть слабые стороны, но есть и сильные. А вообще – будущее именно за этим сочетанием: подвижность, броня, огневая мощь.

– Так может, и строить тогда бронепоезда. По крайней мере, это не фантазии, это действительно можно сделать. И развивать сеть железных дорог.

– Мы будем дураками, если не станем делать бронепоезда уже в ближайшее время. А сеть железных дорог развивать и поддерживать – это постоянная задача на много лет вперёд. Но один вид оружия не решит всех проблем. Вот представьте, надо наступать, через поле. А там враг с пулемётами. Что именно в этом месте окажется железная дорога – это вряд ли. Пехоту гнать на пулемёты, а тем более, конницу – дело глупое. Скосят всех. А бронеходы, и под их прикрытием пехота – другое дело. Тоже броня, подвижность, огневая мощь. На первых бронеходах будут только пулемёты, но дальше будут машины с пушкой и двумя пулемётами, курсо-

вым и башенным. Но ещё и, в отличие от бронепоездов, проходимые машины. На гусеницах. Ну и, конечно, такая машина без брони и оружия – это трактор. Можно пахать намного быстрее, чем на лошадях или быках. Можно цеплять бороны, сеялки, косилки. Наконец, перевозить тяжёлые грузы, например, пушки.

– Слов хороших можно сказать много. Пока что это фантазии, не так ли? Когда это может стать реальностью? Я не спрашиваю про ваш прожект, тут вы наговорите... Скажите, когда в Европе появятся все эти бронеходы, трактора?

– Через пятнадцать лет бронеходы уже будут грозным оружием и будут стоять на вооружении ведущих европейских армий. Самолёты уже через десять лет будут важны для разведки и связи, а через пятнадцать будут и бомбардировщики, и истребители. Рассказать, что это такое?

– Ну, в основном ясно из названия. Истребители кого будут истреблять?

– Другие самолёты. Пулемётным огнём. У нас, у России, считанные годы на то, чтобы научиться всё это делать, не отстать. А строить моторы, это, пожалуй, посложнее паровоза. Развить целую отрасль, почти с нуля. Вы понимаете, какая это работа? И, может быть, двести миллионов в год это не такая большая сумма для такого дела.

– Может быть, может быть... Но это при условии, что вы и вправду всё это сможете осуществить. И если и вправду хотите. И что же – это не единственный ваш прожект?

– Далеко не единственный. Электрификация, нефтехимия и нефтедобыча, добыча природного газа, производство удобрений. Много всего России необходимо, как вы верно заметили. И есть такая большая тема – крестьянский вопрос. Скажите, у вас есть план?

– И есть женский вопрос, и еврейский, и ещё много вопросов.

– Да, но крестьян 90% населения. И если дать права женщинам и евреям относительно легко, то что делать с крестьянами? Вы понимаете, что им нужно земли больше, чем её имеется у всех собственников? И что отдача крестьянам даже всей земли проблемы не решит? Так что же вы собираетесь делать?

– Ничего не собираюсь. В этом вопросе можно увязнуть, как в трясине, а я в сельском хозяйстве небольшой специалист. А то, что женщинам и евреям легко дать права – это ваше заблуждение. Значит, есть у вас прожект и по крестьянству? Не многовато ли прожектов в вашем возрасте? Скажите, кто за вами стоит?

– Увы, совсем никого. Трудно поверить, но я знаком всего с несколькими людьми, всего десяток, это считая вас и дочерей Императора. И ещё: я выгляжу молодо, но я окончил университет и, по сути, человек уже взрослый.

– Во всяком случае, то, что вы говорите, это мысли взрослого человека. Но ваши ли они? Уж не меня ли вы хотите подсадить? На какую должность вы претендуете? Или, скорее, кого поддерживаете?

– Я в премьер-министры, разумеется, не гожусь. Просто не знаю, как эта машина работает. Ни опыта, ни связей. Я уже тайный советник его Величества, мне этого достаточно, выше не мечу. Вас я уважаю, разумеется. Но, действительно, знаю одного человека, который так же годится в премьеры, как и вы. Это Столыпин Пётр Аркадьевич. Я просил Государя сделать его министром земледелия, теперь и вас прошу. Мой, как вы выразились, прожект, по крестьянскому вопросу во много совпадает с его идеями. Ну и человек он дельный, как и вы.

– Так вот чей вы ставленник. Он, кажется, в Саратове губернатор? Вы из Саратова?

– Никогда там не был, и Петра Аркадьевича не видел. А он обо мне и не слышал.

– Значит, не хотите говорить... Ладно, все мы служим Государю. Так значит, вы утверждаете, что через десять лет люди будут летать на крыльях с мотором? Если такое и вправду случится, то... В этом случае, пожалуй, вы кое в чём правы. Но мне не верится, признайтесь, вы это сказали желая произвести впечатление на Государя.

– А вам я сказал, что через десять лет самолёты уже будут иметь реальное военное значение. Летать начнут раньше, в ближайшие годы. Сначала в Америке, затем и в Европе. Да, не верится. Но не слишком давно парижская академия заявила, что камни не могут падать с неба, ибо на небе нет камней. И уж совсем недавно известный учёный заявил, что люди никогда не узнают химический состав звёзд.

– А разве узнают? Как взять кусочек звезды на анализ?

Рассказываю о спектральном анализе. Витте снова хмурится, кажется, пытается понять. Возможно, что-то и понимает.

– Хорошо, давайте встретимся ещё раз, уже в Санкт-Петербурге. И я попрошу Вячеслава Константиновича встретиться с вами в ближайшее время. Вы ведь поселитесь в Зимнем дворце?

– Я не знаю, где поселюсь. Если меня высадят на вокзале, мне некуда идти и нет денег. А кто такой Вячеслав Константинович?

– Государь о вас позаботился, вам предоставят квартиру. А Вячеслав Константинович Плеве – это министр внутренних дел. Вы не знали?

– Фамилию слышал, но не имя отчество.

– Станный вы человек. То знаете слишком много, то слишком мало. Но извините – мы уже беседуем в несколько раз дольше, чем я собирался.

Разумеется, я возвращаюсь в своё купе и ложусь спать.

4. Зимний дворец.

Поезд периодически останавливается – в этом времени паровозы необходимо дозаправлять водой и углем. Но в целом мы едем не намного медленнее, чем в 21-м веке. Меня кормят завтраком и обедом, с доставкой прямо в купе, но в остальном мне делать нечего. Я бы ещё поговорил с Витте, но он, оказывается, на одной из остановок перешёл в поезд Государя. Поскучав минут сорок, беру у проводника бумагу и перьевую ручку с чернильницей, и пытаюсь вспомнить всё, что мне известно о моторах, тракторах, танках, маленьких самолётах. Оказывается, знаю я не так много. Например, не могу изобразить коробку передач, не знаю, как она устроена. Ну и мне некуда деть исчерканные листы, только в карман. Советник без портфеля.

Гражданские чиновники здесь носят некое подобие мундира. Только я в них пока не разбираюсь. Один такой встретил меня прямо в вагоне, и повёз в экипаже с двумя лошадьми и кучером. Запах специфический, зато нет выхлопных газов. Он принадлежит к ведомству графа Фредерикса, министра двора.

Моя квартира теперь прямо в Зимнем дворце, на первом этаже, вход со стороны реки. Чиновник извинился, что квартира мала. На мой взгляд, квартира для одного вовсе не мала, но весьма своеобразна. Гостиная, в которой аж три дивана и три кресла, но только один столик типа журнального, наверно, метров пятьдесят по площади. Из неё двери ведут в спальню и в кабинет. Спальня метров двадцать, но из-за высоких потолков смотрится как закуток. Кабинет – самое симпатичное помещение. Шкафы с книгами под самый потолок, весьма высокий. Капитальный стол с зелёным сукном, рабочий стул и три кресла. Окно закрыто замысловатыми гардинами. Ничего похожего на санузел и кухню я не заметил.

– Пока что из слуг только истопник имеется и кухарка. Платить им будете из вашего жалования.

– Но я не получил ещё никакого жалования.

– Ну, они пока потерпят. Жалование... Я скажу, к вам подойдёт человек...

И чиновник торопливо уходит. Кажется, он понимает, что у меня есть проблемы, и не хочет о них даже слышать. Ну, логично. Вещей у меня нет, за исключением четырёх листов бумаги, где я пытался изобразить двигатель, трактор и самолёт. Прячу их в ящик стола и начинаю изучать местность. Все три комнаты отапливаются, но в них выходит задняя часть печи.

А как дрова подкладывать? Оказывается, это делается из коридора, куда есть отдельный «чёрный» ход. А вот и какой-то мужик – уж не хочет ли он меня прогнать?

– Вы барин? Господин Попов?

– Да, Попов Сергей Михайлович. Вот в эту квартиру меня поселили.

– А я Еремей, ваш истопник. Ещё есть Глаша, она кухарка, но может и постирать.

– Еремей, так я теперь буду тебе платить?

– Так точно, в месяц 25 рублёв. Не сердитесь, здесь не деревня, дешевле не найти хорошего истопника. И ещё 12 Глаше. Но она хорошая.

– Еремей, а ты здесь давно?

– Давно. Почитай, уж скоро четверть века здесь служу. Прошлый-то барин был коллежский советник, а вы, говорят, аж генерал?

– Я тайный советник.

– Генерал и есть. Вам, наверно, ещё слуги нужны. Или вы переедете куда попросторнее?

– Насчёт слуг пока не знаю, простора мне много не нужно. А вот лучше скажи мне – а где здесь туалет, или как-бы нужник?

– Да зачем вам? Горшок у вас под кроватью, а Глаша вынесет и помоев. Нева-то рядом.

– А кухня где?

– Вам зачем? Разве баре заходят на кухню? Здесь же она, в подвале. Людская и господская, обе рядом. Вы барин, ужинать где будете? Здесь или в ресторан пойдёте?

– В ресторан не пойду, денег нет.

– Вовсе?

– Совершенно.

Истопник скребёт всей пятернёй затылок:

– Не рано уже. Надо бы дать денег Глаше, она как раз успеет купить вам и приготовить.

А если нет денег, что она приготовит? Разве с людской кухни вас покормить, если позволите такое выговорить.

– А хоть и с людской, все мы христиане.

– Да уж не татаре или, прости господи, жидам. Так я скажу Глаше, чтобы подала вам, но ещё не готово. Есть ещё поболее получаса, пока поспеет.

– Еремей, ты тут давно, а я первый день. Расскажи, кто здесь начальство, кто выдаёт жалование, и как вообще устроено.

– У нас дворец самого Государя, батюшки царя. Главный в нашем деле барон Фредерикс, Владимир Борисович. Да только... Сам-то он важный барин, небось, при царе всё время. А здесь всем распоряжается Евтухов Павел Георгиевич. Он камергер, сам бы к вам должен зайти. Вам-то к нему идти не подобает. Да он из простых, из купцов, говорят, вышел. Вот и важничает не по чину. Может, знает, что у вас денег нет, и ждёт, что вы сами придёте.

– Я бы и пришёл, христианину не к лицу гордиться. За еду с людской кухни я должен платить?

– Помилуйте, господин барин, да за что же там платить? Даже мы, люди, не платим. На всех готовит казна. А уж вам и доплачивать бы, что вы не побрезговали.

– Хорошо, тогда пока и без денег обойдусь.

– Да как же барину без денег?

– Да вот уже пять дней без денег живу. Как-то обхожусь. Ты мне вот что скажи: а мыться где? Баня какая-нибудь, ванна, душ?

– Господская баня тут недалеко, ехать пять минут.

– На чём ехать?

– Так на пролётке.

– Нету у меня пролётки, и денег нет. Пешком туда можно дойти?

– Так можно. Напрямки тут минут семь, если бы баре пешком ходили.

– Баня-то коммерческая?

– Тьфу. Простите, ваше превосходительство. Про такую я бы вам и сказать посовестился. Это нашего же, дворцового ведомства баня.

– Платить я должен за неё?

– Нет, для господ чиновников бесплатно. А уж рублик банщику дать – так уж заведено. Они с этого и живут, и делиться должны.

– Еремей, вот ты истопник. Теперь лето, топить не надо. Что же ты летом делаешь?

– На кухне всё равно надо топить. А то – что барин прикажет. Прошлый-то барин всё за покупками посылал, да сильно ругались, не любили деньги давать.

– А если тебя к кому-то из чиновников, или к министру послать – пойдёшь?

– Да мне-то что? А вот вам – как бы урону не было, истопника посылать. Это нужен курьер, или хоть лакей.

– Ладно, пусть там Глаша подаёт, когда будет готово. В кабинет подаст?

– Как прикажете. Лучше, конечно, в кабинет.

Я пока разглядываю книги. В основном это сборник законов Российской Империи, различные указы. Но есть и два собрания сочинений: Пушкина и Державина. Книги старые, им сейчас уже почти полсотни лет, а в следующем веке и вовсе будут цениться. Пушкина я итак читал, пытаюсь читать Державина, но... видимо, это не моё. Тут и Глаша появляется с ужином. Тётке по виду лет сорок, но она явно плюнула на себя. Совершенно не старается выглядеть привлекательно. Само собой приходит в голову, что она и горшок моет, и готовит одними руками, а моет ли руки с мылом? Но если о таких вещах думать, в этом времени не прожить. Да и в нашем нет гарантий.

Ужин и вправду не очень, почему-то напоминает советские столовки, которые я успел застать на первых курсах. Глаша заходит «принимать», Еремей маячит в коридоре. Выхожу к нему.

– Еремей, а тут же много картин разных хороших, а как бы их посмотреть?

– Это вам, барин, надо подняться в бельэтаж, а нам, людям, туды ход закрыт. Там лакей при дверях.

Обычно при слове «лакей» представляется что-то прилизанно-угодливое, или Смердяков. Но, видимо, и тут меня подвели советские фильмы. Я звоню в колокольчик, и дверь открывается солидный мужчина лет сорока в некоем подобии мундира. Он вежливо представляется:

– Иван Алексеевич, служу здесь. А вы?

– Сергей Михайлович, вот, поселился здесь сегодня.

– Так вы тот самый тайный советник? Но ваш мундир...

– Мундира пока нет. Вот, хотел время скоротать, посмотреть здешнюю коллекцию картин, скульптур. Но, конечно, так, чтобы ненароком не зайти на частную территорию, в апартаменты Государя, или ещё куда-то.

– Так я вас провожу, если вы не против. Вы никогда тут не были?

Я вообще-то был в Эрмитаже аж три раза, один раз с женой, и дважды в составе группы, с гидом. Но это будет в будущем, а на данный момент можно сказать, что и не был. Сначала мне кажется, что мало что изменилось, но потом я начинаю замечать: да, те же залы, но многое, похоже, добавили уже в советское время. Как ни странно, добавление хороших вещей, можно сказать, шедевров, дворец не украсило, а превратило в музей. А сейчас это именно дворец, жильё совмещённое с офисом и... скажем, конференц-залом.

Меня и раньше утомляло хождение по Эрмитажу, вот и теперь – пара часов, и я уже устал. Да и вечереет уже, а освещение тут, конечно, естественное, из-за гардин на окнах неяркое. Возвращаюсь в свою спальню и, использовав горшок, опробую кровать. Кровать сама по себе неплохая и большая, но непривычно сочетание твёрдого дна и лежащей на нём мягкой перины. Впрочем, проваливаясь в эту перину, я несколько защищён от холода с боков. Ещё непривычны

простыни: они так накрахмалены, что плохо гнутся. Заснуть на новом месте иногда непросто, но усталость, а скорее, молодой организм берут своё, и я засыпаю.

Горшок утром оказывается, пустым, и я его использую уже на полную катушку. Рядом стоит деревянный ящик с какими-то тряпочками – их я использую вместо бумаги. Да, помнится, в детском саду были горшки. А после этого не припомню. А вот чтобы вымыть руки, мне приходится идти на людскую кухню и там Глаша мне поливает из ковшика. Мыло у них тут есть, хозяйственное, и Глаша уверяет меня, что регулярно моет руки. Еремей обещает поставить мне в спальню умывальник – их несколько штук есть здесь же, в подвале.

На завтрак манная каша, но с ветчиной. И чай с булочкой. Пока я обдумываю, чем бы заняться после завтрака, ко мне гость:

– К вашим услугам, Евтухов Павел Георгиевич, камергер.

– Павел Георгиевич, присаживайтесь, пожалуйста. Или нам лучше пройти в кабинет? Я тут человек новый, мне без вас трудно уяснить некоторые вещи. Вот, например, жалованье. Мне бы скорее получить хотя бы часть, а то вот, вынужден питаться с людской кухни.

– Так у вас, позвольте полюбопытствовать, Сергей Михайлович, нет никаких доходов от имения?

– Не только доходов, но и никакого имения не имею.

– Так ведь жалование – оно через месяц выплачивается. А вы по ведомости на службе четвёртый день-с. Получается, не выслужили ещё жалованье-с.

– В знании порядков я с вами не сравнюсь. Но, может быть, есть возможность получить что-то раньше? Хотя бы и за три дня.

– О таком не слышал-с. Но как молодому человеку, к тому же тайному советнику, рад помочь. Можно написать прошение на имя министра двора, что вы попали в неудобное положение-с, и выдать вам часть жалования, скажем, рублей двести. Да я сам всё сделаю, и прошение, и ответ, и ведомость оформлю-с. А от вас мне награда будет, двадцать рублей-с.

– Павел Георгиевич, мне не жалко, но ведь мы с вами служим России, и в немалых чинах. Достойно ли нам с вами брать и давать мзду?

– А при чём здесь казна? Казна не страдает, ей никакого ущерба. Я вам помогу-с, а вы отблагодарите.

– А просто помочь – такое разве невозможно?

– Возможно, Сергей Михайлович, верю, что возможно. Но мы ведь с вами не в раю-с. И пожалуйста, Сергей Михайлович – не тяните, пошейте мундир. Вот ваш Еремей всё знает, где заказать и сколько дать. А без мундира... Вот это и вправду всему нашему ведомству бесчестье, вот так ходить в морской форме. Понимаю-с, не ваша вина, вот и спешу помочь.

Приходится мне соглашаться, не вижу другого выхода. И даже благодарю камергера.

– Вы не трудитесь, денежки вам поднесёт человек. И ведомость на подпись-с.

Еремей действительно знает, где генералам, как он меня упорно называет, шьют мундиры. Сразу и отправляется договориться предварительно о примерке. Можно вызвать на дом портного, наверно, так и приличнее, но я хочу сам сходить. Дел никаких пока не намечено, а к миру надо привыкать.

Тут и человек от Евтухова прибыл. Расписываюсь в ведомости за 200 рублей и получаю 180. А человек не уходит, ещё что-то хочет. Наконец, выясняю, что он твёрдо рассчитывает получить рубль. Просто уверен, что без этого никак. Ладно, даю рубль. Глаша в месяц получает 12, а она реально работает. В 21-м веке я с такой коррупцией не сталкивался, а я в бизнесе почти 30 лет. Да, было вымогательство и от таможи, и от прокуратуры. Но не так нагло, да ещё и по отношению ко мне, немаленькому чиновнику. А последние годы я вообще без взяток работал.

Еремей возвращается – на примерку я могу идти хоть сейчас. А что, и пойду. Только выдаю Еремею и Глаше их месячную зарплату и ещё Глаше пять рублей на продукты. Посмотрим, как приготовит.

До ателье пешком 20 минут. Я Питер не так хорошо знаю, хоть и бывал тут много раз. Так что иду с Еремеем. Возникает неожиданная проблема: идти генералу рядом с мужиком вроде как неприлично. Но я пренебрегаю приличиями и заставляю Еремею идти рядом. Видно, что ему неловко, но я его спрашиваю о местном житье, и он охотно рассказывает.

Национальность портного сомнений не вызывает, у него даже пейсы имеются. На мой вопрос о цене мундира он тщательно перечисляет статьи расходов. В основном, как я понял, материя, много различной фурнитуры и работа. Но он перечисляет долго, нудно, с подробностями. Типа, генералу и вникать во всё это неприлично. Цену долго не называет. Но после упорных распросов говорит, что примерно в районе сотни рублей получится.

– Ты вот что, любезнейший: напиши мне список расходов.

Это портному явно не нравится, он крутится, как бы разглядывая меня с разных сторон и нудит. Наконец, уходит. Вместо него приходит другой иудей, постарше.

– Ваше превосходительство, я правильно вас называю? Или вы не превосходительство, а желаете нас проверить? Тогда от какого ведомства, по чьему заданию?

– Я не хочу вас проверить. Я тайный советник, и мне нужен мундир.

– Тогда зачем вам список расходов?

– Я люблю понимать, куда уходит деньги.

– Просто приготовьте 120 рублей, из них половина задаток. А мундир будет самый лучший, будете довольны. У нас недёшево, но все значительные люди идут сюда, у нас лучший пошив.

– Хорошо, я вам верю на слово. Задаток сейчас плачу. Ну и список расходов прошу. Вы ведь не обманете, не так ли? Так что этот список вам ничем не повредит.

Иудей хмурится, смотрит на меня внимательно. Но берёт бумагу, ручку с чернильницей, начинает что-то писать, медленно, обдумывая каждую строку.

– Ваше превосходительство, вы ни на кого не сослались, а есть ли у вас протекция?

– Вы, я вижу, человек не глупый. Видите, что выгляжу я молодо. Но уже тайный советник. Думаю, понимаете, что если я вас не обманываю, то протекция есть, и на очень высоком уровне. Но называть имён я вам не буду. Думаю, хватит и того, что я половину денег в задаток оставлю.

Хозяин ателье перестаёт хмуриться, кажется, он что-то для себя решил. Начинает писать быстро.

– Вы, ваше превосходительство, во что оцениваете нашу работу?

– Хорошая работа может стоить как все материалы.

– Меньше, несколько меньше. Но более тридцати рублей. Вот, пожалуйста, список готов.

Сумма внизу фигурирует всего 70 рублей, из них 32 за работу. Я немедленно достаю 35 рублей и прошу иудея расписаться в получении задатка на том же листе. Он смотрит на меня весело, даже с некоторым восхищением.

– Никогда бы не подумал... Но, с другой стороны, деньги... Я даже не буду брать с вас за срочность. Пожалуйста через два дня на примерку, ещё через день на вторую, а через четыре дня готовый мундир извольте получить. И так вам сошьём – будете довольны.

– Ну, вам будет нетрудно. Фигура у меня стандартная, никаких особенностей.

– Э, не скажите. Рост выше среднего, нет пуза. Для пожилого человека можно шить слегка мешковато, скрывая недостатки фигуры, для вас сделаем по-другому: мундир будет такой, что барышни глаз оторвать не смогут.

– Спасибо. Если всё так хорошо получится, буду у вас и другие вещи заказывать. К зиме, например.

– Шинель? Это проще сделать, тут главное материал, нитки хорошие.

– Хотелось бы что-нибудь полегче, поудобнее. Чтобы и руки, и ноги двигались. Возможно, полушубок.

– Полушубок хорошо для молодого человека, но не для генерала. Есть в этом что-то мужицкое.

– Или пуховку. Сверху что-то непромокаемое, возможно, кожа. А внутри утепление пухом.

– Э, ваше превосходительство, пух вниз собьётся, некрасиво будет.

– Прострочить вдоль, как бы с десяток кармашков горизонтальных. Ну и пух брать хороший, не перья.

– Ну, может быть... Не слышал никогда о таком. Надеть на молодого человека перину...

– Не обязательно толстую, если пух хороший. Ну и лёгкая куртка получится, и тёплая. Ещё капюшон на случай дождя.

– Интересно, буду об этом думать. И, если вы не передумаете, для вас цена будет самая маленькая. Времени ещё много, я до зимы найду поставщика лучшего пуха. А кожу достать нетрудно.

– И чтобы чёрная кожа, так изящнее.

Возвращаюсь в хорошем настроении – и поторговался хорошо, и контакт установил, и мундир хороший обещают. Говорим с Еремеем об одежде – надо ведь и бельё, и сапоги. На всё не хватит оставшейся у меня сотни. Хорошо хоть, лето сейчас. Кое-что и для хозяйства не помешает.

Время идёт к обеду, посмотрим, как Глаша приготовит уже из покупных продуктов.

5. Плевце.

Вдруг заходит в гостиную дородный господин в сюртуке. Я не очень знаю, что такое сюртук, но этот капитальный двубортный пиджак, видимо, он и есть. На шее некое подобие чёрного галстука бабочки, и, редкость для столь представительного господина, нет бороды. Зато уж усы прямо моржовые, и седые. И это при тёмной зачёсанной назад шевелюре. Настроение у меня отличное, возможно, прогулка в хорошую погоду повлияла, и я охотно встаю ему навстречу.

Дело ещё и в том, что я в одиночестве оказался, чуть ли не в изоляции. Что делать, с кем работать? А тут на ловца кто-то сам бежит.

– Не знаю пока, кто вы, но с удовольствием вас приветствую. Рад, что вы ко мне зашли. Моя кухарка скоро обед подаст, не изволите ли вместе со мной откусать?

– Вы так смело приглашаете, Сергей Михайлович, а знаете ли, как она готовит?

– Гм... Вы правы, пока не пробовал. А вы, выходит, осведомлены?

– И вы правда не знаете, кто я?

– Увы, уж прошу покорно простить.

– Но уже рады... А может быть, узнав моё имя, станете радоваться меньше? Дело в том, что моя должность нравится не всем. Я министр внутренних дел.

– Так вы Плевце? Вячеслав... Константинович, верно? Напротив, я очень рад, очень хочу с вами поговорить. Но, признаться, я думал, мне придётся к вам идти. Да и то – ещё примете ли.

– Мне о вас говорил Сергей Юльевич. И он меня заинтересовал. По его словам, вы человек необычный и интересный. Я пока знаю о вас очень мало, вот и пришёл познакомиться с особой, вхожей к Государю. Да, вот к вам пришёл. В моём кабинете... Там не подслушивают, но... Людей кругом много, пойдут слухи, а у меня сыщики, мигом всё разузнают. Тут, во дворце... Здесь всё давно затихло. Годами ничего не происходит. Кстати, как вам господин Евтухов?

– Да вот, помог мне получить часть жалования, двести рублей. Себе за это взял двадцать.

Плевце качает головой:

– Да, говорят про него такое... Но мой коллега, барон Фредерикс, человек, безусловно, достойный. Но деятельным его не назовёшь. Меня в рассказе Сергея Юльевича один момент заинтересовал. Но теперь – увидел я вас здесь, и думаю сначала другое спросить. Говорят, у вас есть прожект по земельному вопросу. Не могли бы вы мне изложить вкратце, за несколько минут? Это не по моей части, но...

– Охотно, Вячеслав Константинович. По сути, два разных проекта – временный и капитальный. Временный – это массовое переселение крестьян в Сибирь, Алтай, дальний восток. Ну и разрешить крестьянам выход из общины, на отруб. А капитальный – это образование крупных хозяйств с наёмными работниками. Чтобы были средства на технику, семена, породистый скот, удобрения.

– Крестьян в Сибирь? И что же – дать им землю? Просто в собственность?

– Разумеется. Десятин по 30. Можно и больше, где земля хуже.

– Гм... Смело. Дать землю, и не дворянам, а любому крестьянину. Вас это не смущает? Может быть, дворянам дать имения, а уж они привлекут крестьян, наладят хозяйство.

– Не вижу я у нас таких дворян. Крестьянину трудно с места сорваться, трудно перевезти скот, инвентарь, семью. Дом и вовсе новый надо строить. Но чтобы стать собственником земли – я думаю, смельчаки найдутся. Может быть, в казаки им переход разрешить.

– Ну а крупные хозяйства – это каким же образом вы их создавать хотите?

– Увы, кроме выкупа земли государством иного пути я не вижу. Разве что на юге и по окраинам, там могут быть такие экономии. Но государь считает, что сначала надо производство сельхозтехники организовать, чтобы преимущества крупных хозяйств стали очевидны.

– Да, и впрямь капитальный прожект... Этак вы половину людей с земли сгоните. И куда их?

– Нам надо строить промышленность, индустрию. Заводы, шахты, электростанции. Понадобятся рабочие, и много. Лучших – туда. А кто похуже – пусть хоть каналы роют. Из Дона в Волгу, с Балтики в Белое море.

– Значит, крестьянский мир и святую общину вы не слишком уважаете?

– Всему своё время. Теперешняя община только тормозит любые изменения, консервирует бедность. Впрочем, если получится у крестьян артели организовать и совместно землю обрабатывать техникой – я бы приветствовал. Только не очень в это верю.

– Да, тут я с вами согласен... Сами по себе крестьяне... Вообще-то, я не собирался это с вами обсуждать, но увидел вас... Уж больно вы молоды, а вдруг и суждения ваши незрелые? Земельный вопрос тяжёлый, но вы, кажется, не фантазии предлагаете, а дело. Получается, можно с вами разговаривать. Вы проявили интерес к господину Ульянову. А много ли вы о нём знаете? Например, его брат...

– Да, Александр Ильич. Трагическая история. Его ведь повесили? А Владимир Ильич – да, кое-что знаю, и даже что-то читал. Вот он как раз человек деятельный, трудоспособный, практичный. А главное – лидер, люди за ним идут охотно, даже любят его. Он бы многое мог сделать, будь он на нашей стороне.

– Но он не на нашей. Человек это опасный, несмотря на молодость уже влиятельный в своих кругах.

– Я бы многое дал, чтобы сделать его министром юстиции. А со временем, возможно, и премьером. Это тот самый человек, который может один изменить судьбу страны.

– Если государь ему позволит. Что совсем на него не похоже. Такие люди – от них много беспокойства.

– Как бы нам от этих людей не получить большое беспокойство.

И тут в двери показалась голова Глаши:

– Барин, обед-то не подавать пока?

– Глаша, ты видишь, у нас высокий гость. Как хочешь, но надо нас обоих покормить.

Голова Глаши кивает, и исчезает. Хорошая реакция на неожиданную ситуацию: ни возражений, ни ступора. Сразу выполняет. Через минуту появляются Глаша и Еремей, они несут по тарелке супа, хлеб, приборы, салфетки. Плеве умело заправляет салфетку, и без капризов начинает есть. Гороховый суп неплох, но по мне жирноват. Зато хлеб хороший, хрустящий багет.

– Так вы, Сергей Михайлович, не против отобедать с сатрапом? Или это только непублично? Как вы вообще к нам относитесь, к полиции?

– Надеюсь и публично с вами поработать. А полиция... как же без неё? Где это вы видели цивилизованную страну без полиции? Вот дикари – да, живут без полиции. А времена сейчас такие наступают, что придётся нам и усиливать полицию.

– Хорошо, хорошо. И как же усиливать? Ассигнования? Больше городских?

– Я бы предложил создать отряды особого назначения. Нас вскоре ждут массовые выступления, как с ними бороться? Или, скажем так, проводить их цивилизованно? У городских свои задачи, и их мало, и не привыкли работать вместе против толпы. Казаки могут пригодиться, но они здесь чужие, и не с любой задачей справятся. Нужны отряды полиции с дубинками, щитами, в шлемах. И чтобы умели слаженно работать. Ещё – барьеры сделать переносные, и цепи с замком, эти барьеры сцеплять. Тогда задачу «не пущать» решить можно – барьеры на пути, за ними отряд с дубинками. И этот отряд может просто сомкнуть щиты и не пустить.

– Красиво, как витязи со щитами каплевидными. А послы европейские что скажут?

– Тоже станут перенимать. Но щиты лучше прямоугольные, как у римлян. Ещё – пару отрядов таких волкодавов, которые могут брать вооружённых преступников. По одному здесь и в Москве. Разумеется, без ассигнований не обойтись, но нам сейчас революция грозит, так что...

Тем временем густой наваристый суп съелся, и Глаша вносит второе – свиные отбивные с тушёной капустой. И снова – довольно вкусно, но жирновато. Надо будет ей втолковать.

– Сергей Михайлович, известны ли вам инициативы господина Зубатова в Москве и отца Гапона здесь? Как вы к ним относитесь?

– Да, слышан. Я не против, даже одобряю инициативу – люди пытаются что-то сделать, подойти с умом. Но – тут важно правильно действовать с другой стороны. Вот представьте себе – идут рабочие к Государю во главе с отцом Гапоном. Просят послаблений, то, сё, даже 8-часовой рабочий день. А что им ответит Государь? На ваш взгляд – что?

– Я бы предположил... Думаю, он не станет с ними разговаривать. Возможно, уедет.

– Да. И что тогда толку от деятельности отца Гапона? Один вред. Вот если царь батюшка выйдет к народу, скажет ласковое слово, а главное – и послабления даст, хоть что-то, тогда дело другое.

– Сейчас к народу не больно-то выйдешь. Террористы.

– Да. И больше опасаться надо не Государю, а именно вам, Вячеслав Константинович. Вы бы подумали о комплексе мер, возможно, хорошие телохранители...

– У вас-то откуда сведения? Уж не с той ли стороны?

– Не знаком с ними ни с кем. Нет, сведения не оттуда. Лучше не спрашивайте.

В этот напряжённый момент появляется Глаша с пирогом. Круглый пирог с пиццу размером, но с красной начинкой, не пойму, из чего. Уносит тарелки, и тут Еремей тащит чайник и кружки. Наливает нам чай, я разрезаю пирог. На вкус сразу становится ясно, что пирог с перетёртой клюквой. А вместо чая – отвар шиповника. Сразу вспоминается старец Михаил. А ведь прошло всего... Меньше недели! И вот, вместо старца, с министром внутренних дел сижу.

– Сергей Михайлович, я ведь, признаться, предположил, что у вас есть проект, подобный проекту Зубатова. Но, кажется, вы господина Ульянова намерены по-другому использовать?

– Да, Вячеслав Константинович. Планы большие, вот вы по земельному вопросу спросили, это уже большая работа. Тут я надеюсь на Столыпина Петра Аркадьевича, что он помо-

жет. А ещё важнее развитие промышленности и производство техники, военной и гражданской. Кто этим займётся, кто справится? Нужны люди, а таких, как господин Ульянов... Не то, что мало, боюсь, и вовсе больше нет.

– Ну, вы преувеличиваете. Какой-то помощник присяжного поверенного... Пусть даже умный. Но есть ли у него хоть какое-то понятие о чести?

– Какое-то есть. Он выиграл все дела, кроме одного. Там муж жену избивал, так господин Ульянов молчал весь процесс и проиграл, не защитил этого мужа. Вы, вероятно, знаете – присяжные поверенные на помощников самые безнадёжные дела скидывают. Но этот господин, Ульянов, умеет побеждать.

– А вы, значит, надеетесь приручить тигра и запрячь его в колыхагу нашей империи.

– Возможно, и не получится. Я хочу попробовать. Давайте ещё по кружке выпьем, пирог кисловат, но свежий. Я ведь с вами другое хотел обсудить. Так сказать, ещё один прожект.

– Да уж, идей у вас немало. Насчёт отрядов со щитами и в шлемах – вы это серьёзно?

– Совершенно серьёзно. И считаю важным. Но это дело ваше, я вмешиваться не собираюсь. А вот что вы думаете о прессе? Я нахожу их тон совершенно неприемлемым. Фактически, они действуют против России, расшатывают государство.

– Они с вами не согласятся. У них что ни человек – то спаситель отечества. По меньшей мере, благодетель еврейского народа. Страна, мол, полна недостатков, а они желают их исправления, вот и сигнализируют. Мечтают об идеальном государстве, намного опережающем Европу.

– Для этого не ругань нужна, тем более не оскорбления, а систематическая работа.

– Они считают, что самодержавие тормозит полезную работу.

– Целят по самодержавию, а попадают по России.

– Ха-ха, интересная фраза. Попадают по России – да, так и есть. Не зря к вам приехал, есть теперь, что повторить в обществе. Да я не против, хотите с ними поговорить – говорите. Помогу вам. Соберу этих гавриков, кто повлиятельнее. А они остальным расскажут, ещё и приукрасят. Но здесь неудобно. У меня в министерстве – тоже. А вот что: поговорю я с Фредериксом, есть здесь, во дворце, зал приёмов царский, но им давненько не пользовались. И не собираются. Вот хорошее место для такой встречи. И идти вам недалеко. Вы думаете, будет толк от этого разговора?

– Конечно, нет. С чего им меня слушать, из уважения к чину? Так они его не очень-то и уважают. Сказать им что-то великое я не собираюсь. Нет, всё это будет действительно настолько, насколько настойчивы будут ваши меры. Написал гадость – привлёк внимание налоговых органов, всяких инспекций, пожарной и так далее.

– Значит, опять всё зависит от нас... Не помощи от вас ждать, а дополнительных заданий.

– Ну, это будет совместная операция. Им напрямую подчиняться полиции неудобно, а советник Государя – вроде, другое дело. Кто-то же должен решать, что можно, а что нет. Вот я и буду. Ну и есть у меня для них пряник: хочу организовать пресс-службу, чтобы писали и о царской семье, и о великих князьях. Так сказать, светская хроника. Кто с кем, в каком платье, на каком балу.

– Они итак это пишут. Ну что же, Сергей Михайлович – приятно было поговорить. Это, видимо, и есть ваше дело ко мне – воротил прессы к вам собрать, не так ли? Не слишком я верю в эту затею, но... Вижу, действительно вы несколько с другой стороны берётесь, чем Зубатов и Гапон. Поработаем, а не выйдет – так мы честно старались примирить общество и династию. Если больше вопросов у вас нет...

– Вячеслав Константинович, по главному вопросу, если вы их соберёте и о зале договоритесь – то начало положено. У меня к вам есть ещё просьба – я и сам пока неясно её понимаю. Дело в том, что мне не хватает связей. Кроме Государя, адмирала Нилова, Сергея Юльевича мало кого знаю. Теперь вот вас ещё. Может быть, посоветуете, или даже поможете... С кем

бы здесь, в Петербурге, познакомиться? Меня кроме прессы и господина Ульянова ещё и промышленность интересует, особенно моторостроение. Ну, или ещё кто-то замечательный есть.

– Да теперь, летом, многие разъехались. Тут ещё прославление Серафима скоро, вся знать там соберётся. Ну, с заводчиками поговорить всегда можно. Можно и по железным дорогам, но там Витте... В общем, в обход его не годится. Да, вот Менделеев сейчас здесь. И, как мне донесли, ругается, что сокровища Эрмитажа и зимнего дворца недоступны народу. Ему, правда, уже под семьдесят. Но как прикажете вас с ним познакомить? Я ведь и сам не имею чести быть знакомым лично.

– Да мне бы только адрес, а там я и сам к нему зайду. Надеюсь, он меня примет.

– А вот что тогда: я пришлю вам пролётку с моим человеком, но ничем не отличается от обычного кучера, а он вас и отвезёт. Сегодня вас устроит? Тогда примерно через час он подъедет, вы уж прикажите вашему Еремею ожидать и доложить.

И солидный дородный министр слегка склонив голову «откланивается».

Этот час я использую на то, чтобы договориться с Евтуховым о предстоящем осмотре коллекции. Всё-таки не один я, а с гостем. Камергер колеблется, но когда я сообщаю ему о предстоящей встрече в приёмной Государя, начинает талдычить о правилах поведения: не трогать, не портить, не курить. Я ждал, не скажет ли, не воровать, тогда бы я это не оставил без последствий. Но он от такого воздержался. В общем, принимаю весь этот инструктаж за согласие, а вскоре и пролётка подъехала. Летом передвигаться по Питеру на таком экипаже даже приколно: свежий ветерок продувает, относит лошадиный запах. Сиденье высоко, удобно вокруг смотреть. И сиденье достаточно широкое, чтобы уместиться вдвоём с Менделеевым, даже если он дороден.

6. Менделеев

Живёт Дмитрий Иванович, как выяснилось, в красивом трёхэтажном доме. Сказал бы старинном, но современных домов здесь вообще нет, как и самого нашего времени. Дверь, «парадное», закрыта. Но на стук выглядывает швейцар – пожилой бородатый дядька, но в форме. Называю чин и фамилию, предупреждаю, что без предварительной договорённости, и дядька идёт докладывать, заперев дверь у меня перед носом. Вот дверь снова открывается, но дядька уже другой, седая борода, длинные седые волосы как-то совмещаются с лысиной, пиджачишко потрёпанный.

Да, на этот портрет я несколько лет смотрел в кабинете химии, несомненно, Менделеев. Я успеваю улыбнуться, но прежде, чем я придумываю достойное приветствие, великий химик первым начинает говорить, и весьма неприветливо:

– Молодой человек, что это за чушь насчёт тайного советника? Чей же вы советник? Вы решили меня выманить этой ложью?

– Тайный советник – это мой чин, я это имел ввиду. Советую же я самому Государю. А выманить вас я хотел другим – предлагаю вам осмотреть картины Зимнего дворца и Эрмитажа. Цель же моя – поговорить с вами.

– Так вы тайный советник в таком возрасте, это не ложь? И какой же ваш предыдущий чин? Давно ли служите?

– Я старше, чем кажусь. Никакого предыдущего чина у меня не было, Государь сразу дал мне этот чин. Было это шесть дней назад, так что служу я пока первую неделю.

– И кто же вас представил Государю? Кто вы такой вообще?

– Представил меня адмирал Нилов. Я тонул в море близ Соловков, и меня спасли матросы с яхты Штандарт. Государь со мной поговорил, и вот, произвёл в тайные советники. А вы? Неужели вы и разговаривать не станете? И на порог не пустите?

– Гм... Ладно, мне уже трудно долго стоять. Хорошо, пройдёте. Признаться, принял вас за человека из ведомства господина Плеве. И этот ваш странный мундир...

– Представьте себе – буквально два часа назад беседовал с Вячеславом Константиновичем. Он-то и подал мне идею показать вам картины. Но этим и ограничивается моё сотрудничество с его ведомством, до сегодняшнего дня ни с кем из них не был знаком.

Мы проходим в довольно уютный и не бедно обставленный кабинет, Менделеев тяжело опускается в кресло. Да, немолод уже профессор. Вот не помню, сколько лет ему сейчас и сколько он проживёт ещё... Кажется, до 1917 умер. Я тоже сажусь.

– Так Плеве вас сразу поставил к себе на службу?

– Дмитрий Иванович, я ведь советник самого Государя. И министр сам ко мне приехал. Вы можете оценить, что это значит. Мы просто поговорили. Да, в какой-то степени я готов и вам служить. А уж сотрудничать с вами – это моя мечта. Но я не у вас на службе. Так и Плеве – я надеюсь работать на благо России с ним и с другими людьми, кто готов и может это благо принести.

– Вы, значит, сможете?

– Надеюсь. Вот и Государя убедил. С Сергеем Юльевичем хорошо поговорили, с Вячеславом Константиновичем, теперь вот вы.

– Нда... Вы прямо Хлестаков. Так что – вы можете открыть для посещения Эрмитаж? Лично мне, как вы понимаете, это не очень нужно в моём возрасте.

И был я там уже не раз.

– Что вы, Дмитрий Иванович, конечно нет. Как я могу распорядиться чужим имуществом, да таким ценным, и так радикально? Я думал именно вам показать, ну и поговорить.

– Ну, кажется, первая разумная фраза от вас. А то всё бахвальство. Нда... Есть у меня молодые сотрудники... Не такие молодые, как вы. Им было бы интересно. Можете вы для нескольких человек устроить экскурсию?

– Ну, экскурсовод из меня не очень, но что-то рассказать могу. А несколько – это сколько? Если это тридцать, то мне нужна дополнительная подготовка. А вот шесть, пожалуй, смогу. И плюс вы. Но, конечно, не курить и бережно относиться ко всему. Вы же понимаете – там есть шедевры мирового значения.

– А я, значит, для них как пропуск?

– Дмитрий Иванович, я даже не знаю, что это за люди. Какой мне в них интерес? А вот вы, я надеюсь, кое-что можете.

– Вы сказали, что не служите в ведомстве Плеве. Надеюсь, вы не думаете, что я буду вам служить? Ладно, раз можно получить от вас пользу, я не стану отказываться. Когда вы сможете нас принять и всё показать?

– Да чем скорее, тем лучше.

– Тогда, пожалуй, завтра же с утра, скажем, в 10 часов вас устроит?

– Да, подъезжайте со стороны Невы, подъезд ближний к Эрмитажу, вас встретят.

– А если не встретят? Если вы просто врётё?

– У меня нет доказательств... Разве что – вот 50 рублей, если вас не встретят завтра в 10 утра, оставьте их себе. На извозчика вы потратите гораздо меньше.

– Ладно, посмотрим. – профессор берёт деньги и встаёт с кресла. – А поговорить... На какую же тему вы хотите со мной поговорить?

– Разумеется, о химии.

– Вы химик?

– Нет. Вот физику немного знаю. Математику – уже хуже, а химию – увы, совсем плохо. Менделеев снова садится в кресло.

– Значит, физику. И что же вы знаете из физики? Расскажите, на ваш выбор.

– Ну, например, фотоэффект. Энергия фотона, как известно, равна $h\nu$. И вот, в некоторых металлах, в частности, это рублий, связь внешнего электрона с ядром такова, что фиолетовый свет выбивает фотоны, делая возможным ток, а красный – нет. В общем, нетрудно точно определить границу. Есть у вас бумага и карандаш?

Рисую несложную схему опыта Эйнштейна. Кажется, я его на пару лет опережаю... Менделеев удивлён:

– А вы уверены, что это правда? Это было бы... чрезвычайно интересно. Получается, свет состоит из частиц и вы это доказали?

– Ну, во-первых, проверить несложно, если есть рублий. Во-вторых, это не я доказал, а один еврей из Германии. Ну и в третьих – фотон не только частица, но и волна. Как и электрон. Да и всё остальное в той или иной степени.

– Электрон, по вашему, волна?

– Разумеется. Вот вы химик, а как вы объясняете валентность элементов? Почему она именно такая?

– Этого никто объяснить не может.

– Я вам сейчас объясню.

Рассказываю о спине, о статистике Ферми-Дирака, об орбиталях, об одном, двух, трёх периодах за круг.

– Позвольте, вы мне рассказываете, как устроен атом? Причём рассказываете неверно – орбитальная модель атома невозможна, электрон станет излучать радиоволны и просто упадёт на ядро.

– Не забывайте, электрон – волна. Да, он быстро упадёт до минимально возможного уровня, то есть до одного периода на круг. А если этот уровень занят – то до второго, третьего – самого низкого из свободных. А иначе он бы сам себя погасил, что противоречит закону сохранения энергии.

Менделеев молчит, и смотрит на меня, как будто бегемота увидел. Затем достаёт мои 50 рублей и отдаёт обратно.

– Я вижу, вы не так просты. Даже если то, что вы говорите, это ложь, то как в полиции придумали такое, чего даже я не могу сходу разоблачить? А опыт с рублием – не сомневайтесь, я это проверю. Так вот о чём вы хотели со мной поговорить...

– Дмитрий Иванович, это физика, то, что я говорил. Тут я от вас не жду ничего. От вас мне нужна химия, и в первую очередь – нефтехимия. Поверьте – это большая тема, и очень важная. Ещё удобрения – но это уже не так важно.

– Вы понимаете значение нефтехимии... Интересно. Кажется, я понимаю, как вы заинтересовали Государя. Я вот тоже заинтригован. Но – позвольте отложить этот разговор на завтра. Мне ещё о завтрашней экскурсии надо договориться. Надеюсь, вы это серьёзно предлагали?

Встаю и кланяюсь.

– Разумеется, Дмитрий Иванович, жду вас и ваших товарищей завтра в 10.

Пролётка с человеком Плеве всё ещё меня ждёт, и я с удобствами возвращаюсь домой, во дворец.

Вот уж сегодня я посетую баню. Рублик теперь – не проблема. Правда, нет сменного белья. Но скоро будет, а пока обойдусь. А вот и Еремей заглянул:

– К вам господин Евтюхов.

– Да разумеется, пусть заходит.

– Господин Попов, вот ваши 20 рублей, конечно же, вы вправе их получить-с.

– Павел Георгиевич, как это вы так передумали?

– Так ведь к вам сегодня министр господин Плеве заходили-с. Кто же знал-с, что у вас такие знакомства-с. Да ещё и был от него человек, оказывается, он знает про эти двадцать рублей-с.

– Признаться, не решился от него скрыть. Ему многое известно.

– Многое-с, многое-с. Надеюсь, вы на меня не в обиде-с.

– Что вы, Павел Георгиевич, напротив, хочу с вами хороших отношений. Вот завтра, вы не забыли – в 10 утра должны прибыть господин Менделеев и его товарищи.

– А вы знаете-с, Сергей Михайлович, к кому вхож господин Менделеев? К самому Государю-с.

– И Государь совершенно прав, что умных людей привлекает. Витте, тот же Плеве. А Менделеев великий учёный.

Здесьняя баня – это, пожалуй, первое, что мне по-настоящему понравилось. Даже еда с царского стола не впечатлила, даже поездка в поезде свиты и плавание на царской яхте. Нет, по меркам 21-го века не так уж всё это и роскошно. А вот баня хорошая. А особенно хороши банщики. Пар наводить они умеют. Добавки ароматические – хорошо владеют. Веником работают – отлично, мастера. Ну и массаж. И куча внимания к моей персоне. И всё это за рублик. Да, есть что-то хорошее в моём высоком положении. А то, блин, горшок и Глаша вместо унитаза – может, кому-то и нравится, когда за ним выносят и моют горшок, а мне вот не очень.

Добавляю денег Глаше – пусть будет готова, вдруг завтра на обед будут несколько человек?

Утром, без четверти десять, Еремей уже дежурит. И точно, Менделеев и компания приезжают на двух пролётках за 10 минут до десяти. Компания – это три человека, один лет тридцати и два бородача за сорок. Я выхожу к ним на улицу, в знак уважения к Дмитрию Ивановичу, веду сначала в Эрмитаж. Экскурсоводов я слушал не слишком внимательно, но вот, что-то запомнилось, и я довольно складно даю пояснения. Самый молодой из компании Менделеева, тоже Дмитрий, отчество забыл, не выдерживает:

– Простите, господин Попов, нам сказали, вы тайный советник. Откуда же вы всё это знаете?

– Да много ли я знаю? Так, отдельные отрывки. Да, интересовался искусством, но далеко не специалист. Вы вот тоже интересуетесь, не так ли?

– Я? Меня эта тема в основном интересует в связи с её общественным значением. Ведь это преступление – держать все эти картины в месте, недоступном для народа. Вы согласны?

– Но почему вы, химик, этим заинтересовались?

– Я не химик, я... В какой-то степени журналист. Я не в штате, а просто свободно мыслящая личность.

Я укоризненно смотрю на Менделеева. К его чести, он смущённо отводит глаза.

– А вы, господа, – обращаюсь я к бородачам, – Вы химики, или просто личности?

– Это сильные химики, – вмешивается Менделеев, – Мои помощники и ученики.

– А что – если человек не химик, то он недостоин всё это видеть?

– Если Дмитрий Иванович решил, что вы достойны, я его решение не берусь оспорить. Но если вам моё мнение интересно – да, я уважаю химиков, других учёных, специалистов, инженеров. Им хватило способностей и трудолюбия стать специалистами, и теперь они могут то, чего не может человек без их знаний и навыков. Думаю, России необходимы такие люди, чтобы развивать промышленность, делать передовую технику. В общем, строить, создавать.

– Такое мнение мне не интересно. Расскажите лучше ваше мнение о том, что всё это скрыто от народа. Надеюсь, это не позорное мнение.

Я снова смотрю на Менделеева. Он слегка морщится и пожимает плечами.

– Народ сейчас в полях, заканчивает посевную. Как вы собираетесь показывать им картины?

– Ну, разумеется, я не имею ввиду мужиков. И всяких мастеровых, городских, дворников и разнорабочих. Я говорю об образованных людях.

– Значит, не народ, а ещё один узкий круг. В общем, я не против организации музея, возможно, прямо здесь. Но на какие средства? В какую цену вы думаете сделать билеты?

– Разумеется, на средства государства. А билеты – самые дешёвые, для студентов бесплатно.

– Вы хотите, чтобы государственные средства пошли на помощь не мужикам и всяким мастеровым, а образованным людям? А как же мужики, мастеровые, армия? Ведь средств не хватает.

– А то, что эти картины здесь заперты – это правильно?

– Они здесь собраны, в России. И хранятся в неплохих условиях. Думаю, это 80% необходимого. Недолго осталось ждать, и такие люди как я, Дмитрий Иванович, его сотрудники – мы сделаем так, что мужики будут приезжать сюда, в Санкт-Петербург, на экскурсии. И каждый мужик будет образован, не ниже среднего образования. Вот для этих не столь далёких времён картины и хранятся. А теперешний узкий круг здешней публики – их проблемки важны в основном только для них самих.

– Значит, помогать образованным людям не нужно? Все средства на мужиков и армию?

– Я не только считаю, я намерен конкретно помогать конкретными деньгами химикам, инженерам, конструкторам. В какой-то степени мастеровым. Считаю, что именно эти люди способны вывести Россию в число индустриально развитых держав.

– Сначала надо изменить порядки, а для этого нужна критика, – бормочет личность себе под нос. Ладно, пусть последнее слово за ним останется.

– Продолжим, господа, время наше ограничено, – и я продолжаю экскурсию. Увы, Менделеев запланированные мной полтора-два часа на ногах не выдерживает, и остаётся побеседовать с Евтюховым сидя на диванчике. Мы переходим в основное здание дворца, и через час я вижу, что мои подопечные устали от избытка впечатлений. А может, и курить хотят. Все они охотно соглашаются, что на сегодня хватит, и укатывают на пролётках. А Дмитрия Иванoviча я отвожу в свой кабинет.

– Господин Попов, я всё время думаю о том, что вы мне сказали. Эта модель атома и его электронной, так сказать, оболочки... Вы могли бы написать об этом статью в научный журнал. Даже если вы не правы, ваша идея очень интересна. Поверьте, у меня достаточно опыта, чтобы уже сейчас сказать, что это не пустышка. Если бы ещё вы могли как-то доказать волновую природу электрона...

Рассказываю об опыте с двумя щелями и интерференцией.

– Да, но нужно иметь надёжный источник электронов.

Черчу приблизительную схему электронной пушки. Менделеев по простецки чешет в затылке.

– Ну и ну... Вы так молоды, но такое впечатление, что профессор здесь вы, а я студент. Вы не думали о научной карьере?

– Я не считаю себя большим учёным. Возможно, у меня бы получилось, но... Вы же видели эту личность, и он такой не один. Он искренне не замечает 90% населения России. Или трактует их как скот. Какое ему, образованному человеку, дело до коров, свиней, мужиков, мастеровых? Он замечает только власть и таких вот образованцев, как он. Выбить у власти побольше средств и привилегий, занять место поудобнее на шее русского мужика – для него это благороднейшая задача. К сожалению, наша власть такова, что такие вот личности таки могут её уронить. И что тогда? Вы-то умный человек, и можете представить, что будет, когда эти самые 90% выйдут на первый план, причём с винтовками.

– Да... Я кое-что видел... Но, возможно, после бури установится более справедливый порядок.

– Возможно. В Америке уже порядок более справедливый, и даже во Франции. Но и там до полной справедливости далеко. А главное – цена. Вот как бы обойтись без миллионов погибших?

– Вы знаете как?

– Боюсь что нет. Но я понимаю, что может случиться. Войны, революции, те самые миллионы. Я собираюсь действовать по двум направлениям: во-первых, советовать Государю, тем более, что я его советник. Во-вторых – я бы хотел развивать в России промышленность. Но всю промышленность мне не потянуть, и я думаю сосредоточиться на моторостроении. А именно – на бензиновых двигателях внутреннего сгорания. Нахожу это очень важной и перспективной темой. Думаю таким образом принести пользу России, большую, чем если бы занялся наукой.

– Бензиновые? Уж не Костович ли вам это внушил?

– А кто это?

– Изобретатель. Он давно уже такой двигатель запатентовал. Вы его правда не знаете?

– Теперь, после ваших слов, наверно, познакомлюсь.

– У него здесь, в Питере, заводик небольшой, арборитовый. Так что найти его не сложно. А если бы вы смогли его работу профинансировать – тогда он ваш с потрохами. Хотя, есть у него навязчивая мечта – воздухоплавание. От этого его трудно будет отвадить.

– И не надо. Давайте я запишу: Костович, а звать как? Так, Огнеслав Степанович. Поляк?

– Серб. Есть и ещё кое-кто, но в основном моторы сейчас Нобель делает.

За разговором время летит незаметно, и вот Глаша в дверь голову просовывает:

– Барин, обед готов, подавать?

– Дмитрий Иванович, не откажите пообедать с вами и ещё поговорить. Ведь о нефтехимии и не начинали ещё.

Великий химик (хотя, на мой взгляд, староват он уже) решил не капризничать, и Глаша подаёт нам куриную лапшу. Лапша вкусная, возможно, потому, что самодельная. Она сама замешивала тесто, раскатывала, сушила, резала. Я прямо во время еды продолжаю говорить:

– Двигатели внутреннего сгорания на бензине, естественно, требуют бензина. И если у меня получится, и таких двигателей у нас будет много, то и бензин нужен в соответствующем количестве.

– Так вот, значит, каков ваш интерес. А я-то думал, вы и вправду понимаете значение нефтехимии.

– Дмитрий Иванович, мне известно, что топить нефтью – это расточительно. Я также знаю, что из нефти можно сделать много хороших вещей. Я даже знаю об этом больше, чем вы думаете. Но поймите и вы: хотим мы с вами, или нет, но в этом веке бензиновые двигатели будут иметь огромное значение, в том числе военное. И нам надо не дуть против ветра, всё равно не остановим, а делать эти двигатели раньше и лучше других. В том числе сделать их экономичнее – это уже экономия нефти. Поэтому давайте обсудим две темы: сначала производство бензина, а затем и остальную нефтехимию.

– Вы хотите, чтобы всё было по-вашему. А давайте что-то и по моему: сначала нефтехимия, я хочу знать, как вы её понимаете, а затем и ваше примитивное производство бензина.

В разговоре образуется пауза: Глаша подаёт второе, снова курица, жареная, и жареная картошка. Мне не нравится её манера жарить картошку на сале и оставлять шкварки среди картошки. Это хорошо для крестьянина или лесоруба, калорий много, а мне зачем? Но курица очень вкусная, видимо, фермерская и без антибиотиков и гормонов. Ну и солёные опять очень идут к этой жирной картошке.

– Хорошо, Дмитрий Иванович. Я надеюсь, вы что-то знаете о полимерах...

– И удивляюсь, что вы о них знаете. А главное – то вы их не с целлюлозой связываете, а с нефтью.

– Я знаю не так много. Простейший полимер, это, видимо, полиэтилен. Устроен он так: – и я рисую цепочку углеродов с парами водородов по бокам, – Чем длиннее цепочки – тем твёрже полиэтилен. Из него хорошо делать плёнки, для разных целей, в частности, упаковка, некоторые виды ёмкостей для холодных материалов. Например, тазики, или ту же нефть перевозить: железный каркас, а внутри полиэтиленовая ёмкость. Есть и другие полимеры, но очень важен вот такой: – теперь в цепочке каждый углерод имеет три связи с соседями и один водород. – Это резина, искусственный каучук. Он очень важен для изготовления колёс, да и для других дел пригодится. Нам надо обязательно освоить его производство, и в ближайшие годы. А кто это сделает? Больше я почти ничего не знаю, разве что вот здесь можно заменить половину водородов на хлор, получится хороший изолятор для электрических проводов. Ещё могут быть разные добавки, работы много.

– И как же вы видите область применения этих полимеров? Кроме упаковки, колёс, проводов?

– Во-первых, это замена дереву. Хороший пластик легче, прочнее, однороднее. Его можно лить, вообще обрабатывать легко. Наступит время, когда кругом будет пластик, например, рамы для окон, корпуса разных приборов. Пластик же не рассыхается, не набухает. Ну и во-вторых – это полимерные нити.

– И одежда из них, не так ли?

– Ну, поначалу хорошие верёвки, шнуры, стропы. Одежду, приятную для тела, сделать не так просто. Надо научиться делать полимерные трубочки...

– Какой толщины?

– Как волос или чуть толще. И тогда можно будет, смешивая эти трубочки и другие волокна делать хорошую одежду, тёплую и прочную. Гораздо прочнее шерсти.

– Но как сделать эти трубочки?

– Не знаю. Знаю, что это возможно. Но это дело будущего, а пока надо хоть полиэтилен для начала уверенно делать, другие пластики осваивать. И, обязательно, резину. Работы много, но начинать придётся с разделения нефти на фракции. Светлые фракции, увы, на топливо уйдут, но не на обогрев, а на моторы. А из тяжёлых выхимичивать полимеры – тут вам и флаг в руки. Подбирайте сотрудников, и работайте.

– Вы неплохо всё это понимаете. Лучше многих. Тазики, рамы... Откуда у вас все эти идеи?

– Я обучался... не здесь. Некоторые вещи полимерные в руках держал. Но где – не могу вам это рассказать, Государь велел держать в секрете.

И снова пауза, Глаша «принимает» грязные тарелки и приносит отвар шиповника с яблочным пирогом. Но не шарлотка, а с яблочным повидлом.

– Сергей Михайлович, вы интересно говорите, но... Пожалуй, я с вами даже соглашусь: начинать надо с нефтеперерабатывающего завода, с разделения фракций. Но всё это разговоры, вот, за чаем с пирогом. Поговорили, и разошлись. А дальше что? Чтобы что-то с места сдвинуть – нужны деньги, и немалые. Вы представляете, сколько стоит подобный завод?

– Вот как раз хотел у вас спросить. Сколько?

– Чтобы это не кустарная развалюха была, а с нормальным оборудованием – минимум сто тысяч. Дешевле можно, но на практике так сделают, что мучение будет, лучше уж сразу хорошо делать.

– Ну а если делать очень хорошо, с прицелом на будущее? И чтобы оборудование хоть бы и из Германии получать, чего у нас нет?

– Можно сделать хороший завод, у меня уже всё обдумано. Но это полмиллиона. У вас есть полмиллиона? И ведь это только разделение фракций, а полимеры делать – это выйдет ещё дороже. Если делать так, как надо, чтобы получилось, и резина ваша, и полиэтилен – это миллионы.

– Деньги – это полдела. Нужен человек, который возьмёт дело в свои руки, всё организует, наймёт, кого нужно.

– Я старик, но с этим справлюсь, есть надёжные люди, которые помогут. Но у всех семьи, нужна оплата, рублей семьдесят в месяц по меньшей мере. Я бы взялся, хотя мне интереснее именно второй этап, изготовление полимеров, изделий из них.

– Дмитрий Иванович, но ведь вы вхожи к Государю. Почему не попросили у него, не организовали?

– Просил. Он меня к Витте направил, тот к Коковцеву. А к тому если пришёл без высочайшего повеления, то ничего не выжмешь из него.

– Я в таких делах новичок... Чиновником недавно стал. Но, что нам мешает – давайте прямо сейчас к Витте и отправимся. Вот не знаю, примет ли он нас. Ну, на худой конец, хоть поговорю ещё с великим учёным. Адрес вы знаете?

– Он сейчас, вероятно, в присутствии, в кабинете министров.

– Еремей! Найди нам пролётку, и побыстрее.

Ехать оказалось недолго, и вот мы уже представляемся швейцару: Менделеев и Попов к его превосходительству Сергею Юльевичу. Сидим в приёмной в креслах роскошного вида, но не слишком удобных. Время идёт, ответа нет, разговор не клеится – каждую минуту могут вызвать.

– Сергей Михайлович, – тихо говорит Менделеев, – Вы на моё имя рассчитывали, а ведь он может меня и не принять. Мне-то что, я не чиновник, а вам? Не получится ли бесчестье, если выпроводят?

– А мне что? Меня никто не знает, о карьере я не забочусь. Ну, какого-то Попова не пустили к министру. Такая новость никому не интересна. А вот скажите, Дмитрий Иванович, где бы вы разместили такие заводы?

– В районе Баку, разумеется. Чтобы нефть далеко не возить.

– Да, конечно... Где-то на побережье, с причалом. По пути к Волге. Ну а если два завода, то где второй?

– Второй? Я ещё и о первом не знаю, стоит ли думать. Ну, возможно, там же?

– Я бы предложил Поволжье. Поближе к Башкирии. И от Баку возить не так далеко, и потребители близко, те же Нижний и Самара, ну и, я думаю, там есть нефтяные месторождения, надо только открыть их.

Менделеев смотрит на меня... ну, скажем, как на редкого чудака. И тут нас приглашают войти. Не швейцар, а кто-то ещё, я не разбираюсь. Кабинет Витте явно побольше ста метров и очень светлый, с большими окнами.

– Сергей Михайлович, извините, что заставил ждать. Но вы ведь в неурочное время, а дел у меня много. Впрочем, верю, не по пустякам отвлекать намерены.

– Спасибо, Сергей Юльевич. Вы ведь понимаете, дело, за которое я взялся, большое, масштабное. Тут решающее значение имеют хорошие сотрудники, одному не справиться. К счастью, вот, великий учёный, Дмитрий Иванович, готов мне помочь. Нам, я имею в виду Россию, необходимы нефтеперерабатывающие заводы, для начала два. Хороший завод обойдётся в полмиллиона рублей, два, выходит, в миллион. Затем, когда заводы начнут работать, Дмитрий Иванович намерен заняться нефтехимией, в частности, изготовлением полимеров из тяжёлых фракций нефти. На это понадобятся ещё ассигнования, и немалые. Но это не прямо сейчас, пока что мне нужен миллион для двух заводов.

– Позвольте, Сергей Михайлович. Вы говорили о моторах, а теперь вот о нефти. Ваши интересы изменились?

– Моторы будут работать на бензине и дизельном топливе. Горючего надо много. Это важная часть проекта. Кроме того – вот, Дмитрий Иванович не даст соврать – нефтехимия сама по себе важна для России. Почти так же, как моторостроение.

– Сергей Михайлович, вы знаете сумму, одобренную для вас Государем. Видимо вы, молодой ещё человек, полагаете, что один миллион это ерунда, не сильно убудет. Но это на самом деле серьёзные деньги.

– Поверьте, Сергей Юльевич, это деньги на серьёзное дело, очень серьёзное, и доверены они будут серьёзному человеку. Вы знаете кого-то компетентнее Дмитрия Ивановича?

– Признаться, как раз хотел вам рекомендовать. Вы упоминали Нижний Новгород, сейчас как раз здесь крупный купец оттуда, Ситников. У него там и недвижимости немало, есть и пароходы, баржи. Человек в возрасте, солидный. Разумеется, хорошо знает местные условия. И тут вы сами заговорили о сотрудниках...

– Хорошо. Как мне его найти?

– Ну, вам искать не надо. Вам где удобно с ним встретиться? Можно здесь.

– Да, пожалуй. И ещё: с ним, возможно, придётся договор оформлять. Вы не могли бы выделить толкового сотрудника, помочь мне с этим?

– Хорошо. А что касается денег – вот здесь, пожалуйста, оставьте образец вашей подписи. По вашим распоряжениям министерство финансов будет выдавать деньги. В сомнительных случаях, разумеется, будем у вас подтверждение запрашивать. Для Дмитрия Ивановича можете не писать – я сам распоряжусь. Форма распоряжения? Ну, давайте я вам напишу, будет для вас образец.

И премьер не ленится собственноручно писать красивым почерком. При этом негромко ворчит:

– Как это вы так быстро подружились с Менделеевым? Он ведь довольно нелюдимый, а уж под старость...

– Так ведь я и Государя заинтересовал.

– Да, и даже меня. Эта ваша идея бронепоезда – я консультировался со специалистами, в том числе по башенным орудиям. Мнения, конечно, расходятся... Они всегда расходятся. Но одно уже ясно: это действительно можно сделать.

Министр говорит это значительным тоном и ещё смотрит на меня, подчёркивая значительность.

– Более того, это можно сделать довольно быстро. Буквально завтра начинать проектирование, как вы и предсказывали.

Он ещё раз делает паузу и смотрит – осознал ли я значительность сказанного.

– Уже предлагались различные модели, и что удивительно – то, что вы мне нарисовали, представляется наиболее разумным. Я беседовал и кое с кем из военных, и, кажется, понял, откуда растут ноги этой идеи. Академия генерального штаба, не так ли? Слишком уж они оказались готовы к принятию этой идеи. Признайтесь, я угадал?

– Признаю, что я не автор этой идеи. Услышал её от других. Но вот кто её автор – поверьте, не знаю. Давайте считать, что вы – думаю, никто не оспорит. У вас столько же оснований, сколько и у меня, а учитывая вашу связь с железнодорожным ведомством – и побольше. Ведь воплощать идею – для этого нужен серьёзный человек. Кто, если не вы?

Кажется, Витте идея понравилась, он еле заметно покраснел. Передал мне образец распоряжения, и мы с Менделеевым откланялись.

В приёмной наш гений тяжело опускается в кресло:

– Уфф... Дайте в себя прийти. Я ведь думал, вы надеетесь на мой авторитет. А тут – в пору мне на ваш авторитет надеяться. Миллион, и без всякой волокиты... А ведь я думал, вы хвастун. Хлестаков. А теперь вспоминаю, и не могу найти, где вы соврали. Но, конечно, ваши идеи о строении атома... Чем больше я об этом думаю, тем больше они мне нравятся. Да, стройно, красиво. Но надо ещё работать, опыты, публикации. Возможно, конференции, доклады. Разве вам не хочется всем этим заняться, ведь это верный путь к славе. К всемирной славе.

Присаживаюсь рядом на кончик стула.

– Дмитрий Иванович, я не стремлюсь к славе. Вот поверьте – хочу помочь России. Откроют всё это и без нас, и про атом, и про свет. А для России сейчас другое важнее – моторы, индустрия, в том числе и нефтехимия. Ещё бы реформировать нам сельское хозяйство, но не готов я за всё братья. Мне бы таких, как вы, с десятков...

– Нда... Простите старика. Хорошо, пойдёмте, не дело вас задерживать.

– Дмитрий Иванович, ещё одно: мне понадобятся хорошие аккумуляторы. Не могли бы вы порекомендовать специалиста, способного создать аккумулятор и наладить производство?

– Это связано с электричеством? Слышал об этом. Да вот, Иванову, которого вы по Эрмитажу водили – он этим очень интересуется. Но что именно вы хотите? Возможно, это уже есть, я слышал, работы ведутся, но подробностей не знаю.

На этот раз у меня с собой хороший блокнот, и есть хорошие карандаши. И я начинаю рисовать:

– Вот такой ящик, скажем, из стекла. Здесь пластины в виде решётки, свинцовые, а здесь оксид свинца. Всё это залито серной кислотой, кажется, 40%, но точно не уверен. И такая штука должна электроэнергию накапливать, и немало. Здесь, сверху, клеммы, для снятия тока и они же для зарядки. Напряжение пусть будет 12 вольт. Ну и надо всё отработать, чтобы циклов зарядки разрядки побольше, обслуживание чтобы простое, ну и вес – хорошо бы в пуд уложиться. Размеры – пяди полторы-две.

Я вырываю листочек и отдаю Менделееву.

– 12 вольт? А почему вы думаете, что напряжение будет таким?

– Вы же видите, я нарисовал несколько источников, подключённых последовательно. А 12 вольт – это моё задание, так надо для моторов. Ну и это безопасное для человека напряжение.

– Ну, если вы готовы финансировать... Многие учёные нуждаются в государственном финансировании, к вам очередь выстроится.

– Только мне нужны не исследования, даже не научные знания, а именно аккумуляторы. И завод по их производству.

И мы, на той же пролётке, едем к дому Менделеева а потом и к моему дворцу.

7. Костович.

Я, конечно, помнил, из какой конторы мой извозчик. Но... Везёт, делает своё дело, ну и хорошо. И когда утром, в самом начале завтрака, Еремей доложил "Барин, к вам извозчик", я с трудом удержался от реплики "Пусть убирается". Но – что за барские замашки? Уж не влияет ли на меня мой чин и жизнь во дворце? И, укорив себя и раскаявшись, отвечаю "Проси".

– Ваше превосходительство, вы выражали интерес... Хотели повидать господина Костовича. Он здесь, в Петербурге. Не угодно ли проехать, у него свой арборитовый заводик.

– Да, конечно. Но не так сразу, минут через 30-40. А ты, если хочешь позавтракать – так вот, Еремей тебя на людскую кухню проводит.

"Извозчик" из МВД держится с достоинством, не исключено, что и чин у него не самый низкий. Но за свой стол я его не приглашаю. В конце концов, назвался извозчиком – полезай в людскую.

– Барин, к вам бородатый господин, который вчерась был, – снова Еремей. Кажется, я становлюсь популярным. А боялся, что придётся здесь сидеть, всеми забытому.

– Проси. А, Александр Георгиевич! Вам Дмитрий Иванович сказал? Быстро же вы. Не позавтракаете ли со мной? А то времени не так много, вот собрался господина Костовича повидать.

Иванопуло, не чинясь, усаживается за стол. Но ест мало, разве что выпил кружку чая, на этот раз действительно неплохой чай, а не отвар шиповника. Зато он как клещ вцепился, допытываясь в подробностях об аккумуляторе и откуда я всё это знаю.

– Ну, это просто такая идея мне в голову пришла. А подробности... Я не специалист, всё уже сказал Дмитрию Ивановичу. Вот вы бы и занялись, исследования, а главное – производство наладьте.

– Если вы и мне выделите денег, то я, как и всякий честный человек... Но мне всё же непонятно... Дмитрий Иванович сказал, что вас личная слава не интересует, но ведь такое устройство, если оно и впрямь окажется эффективным, а я в это уже верю... Ведь вы бы могли прославить свою фамилию. Неужели вы совсем отказываетесь от славы, или... Вы поставите условия об авторстве?

– Авторство? Да хоть вам готов уступить, при условии успеха как в создании устройства, так и в организации производства. Можете даже вместо слова аккумулятор использовать свою фамилию.

– Но вы не передумаете? Не захотите своей фамилией назвать?

– Моей фамилией? Не аккумулятор, а поп? Давайте не будем смешить народ.

Иванопуло малость занудлив, и соображает не слишком быстро. Заметно, что до таких людей, как Менделеев, Витте, Плеве он сильно не дотягивает. Но ведь и задача у него несложная, делать аккумуляторы по готовой схеме. Он и к Костовичу едет со мной, продолжая в пролётке донимать вопросами. А я прошу его составить смету, сколько денег ему нужно на первое время.

"Завод" Костовича напоминает кустарную мебельную мастерскую, а "арборит" – обыкновенную фанеру. Да и сам хозяин... Огнеслав Степанович. Вот настораживают меня такие имена. Ну и вид у него соответствующий – упёртого фанатика. Протягиваю ему руку, представляюсь тайным советником.

– Огнеслав Степанович, по высочайшему поручению и в согласии с премьер-министром, заручившись финансовой поддержкой казны, я занимаюсь двигателями внутреннего сгорания и некоторыми машинами на их основе. А вас мне рекомендовали как человека, уже построившего подобный двигатель.

– Да, построил, давно уже, 15 лет назад. Вот только не смог я заинтересовать казну и получить деньги. А вы... Если вам угодно купить патент – так я к вашим услугам. Но дело это не дешёвое, знали бы вы, сколько денег я вложил в это дело...

– Нет, патент мне пока не нужен. Я хочу наладить производство двигателей здесь, в России, и гораздо более совершенных, чем все существующие. Если вы для этой работы подойдёте, постараюсь вас нанять. Или, если хотите, выделить вам средства для работы над конструкцией и организации производства. А чтобы это понять – я хотел бы ознакомиться с вашей работой в этой области.

Костович по простецки чешет затылок. Пожалуй, он начинает мне нравиться. Улыбка у него открытая, слегка наивная.

– Господин советник... Если вы и вправду тайный советник. Ладно, согласен вам его показать. Вы ведь и без меня сможете... Знаете, где он находится?

– Нет, но ведомство господина Плеве, я думаю, может легко выяснить. Я попросил их найти вас, потому что вы мне больше нужны, чем ваш двигатель. Надеюсь, что нужны.

– Вы понимаете, о чём я думаю. Если вы хотите бесплатно узнать все секреты... У меня патенты, английский и северо-американский.

– Мне нужно немного другое. Я хочу понять, на что способны вы, как изобретатель, конструктор и организатор производства.

За разговором мы подошли к пролётке.

– А где же господин Иванопуло?

– Ваше превосходительство, так ведь места два, ну я ему и сказал... Он уже ушёл. Ладно, авось не обидится.

– Господин советник – вы позволите так вас называть? Скажите, насколько вы разбираетесь в двигателях? Чтобы мне было понятнее, как с вами разговаривать.

– Я не инженер, а организатор. Поэтому я знаю и меньше, и больше вас. Подробности – тут я не слишком силён. Но общая картина, перспективы – надеюсь, тут я превосхожу многих.

Костович смотрит на меня с сомнением. Ну, каждый думает, что уж общую картину он хорошо понимает, а вот подробности... Скучно и лень. По дороге выясняется, что мощность его двигателя 80 лошадиных сил при весе 15 пудов. Ого! Кажется, у первых жигулей двигатель был послабее. Сколько весил, не знаю, но вряд ли легче. И такое чудо Костович сделал 15 лет назад? И это работало? И зажигание было от электричества? Ну и ну! Уж не гений ли этот Огнеслав?

До Охтинского завода не так близко, и по пути Костович развлекает меня разговором:

– Этот двигатель я сделал для дирижабля. И арборит для дирижабля. Я строил дирижабль, но он сгорел. А на новый нет денег, вот и пытаюсь на арборите заработать. Только пока не получается. Вы понимаете, какие нужны деньги? Воздухоплавание – это моя мечта. Подняться в воздух... И не на монгольфьере, а чтобы лететь, куда надо, и не зависеть от ветра. Я убеждён, что это будущее человечества, и не столь отдалённое. Неужели и Государь это понял? Ведь тогда... Россия могла бы стать первой воздушной державой, примером для всего мира!

– Ну, Огнеслав, разрешите мне так вас называть? А меня тогда просто Сергей. Разумеется, в неофициальной обстановке. Так вот – всё не так просто. Вот те же моторы. Легко ли в России наладить их производство, и чтобы с Европой успешно конкурировать? У нас сам уровень промышленности, культура производства недостаточно хороши. Вы убеждены, что всё дело в деньгах? Ну а сталь подходящего сорта? А детали так делать, чтобы для механизма, сделанного на одном заводе, подходили части, сделанные на другом? Ну а то же электрооборудование – как вы собираетесь его обеспечить? Аккумулятор, генератор сможете сделать? Выпрямитель, свечи? Вот, вы видели господина Иванопуло – он аккумуляторами как раз займётся.

– Да, электричество... Я в этом не силён, но ведь какая интересная наука! Я уверен, что и электричество, это тоже в будущем путь к успеху. Какой интересный век начинается! Век науки и техники.

– Ну, в общем, да – век электричества и век авиации. Но не дирижаблей, тут вы ошибаетесь. Это будет век аэропланов, или, если хотите, самолётов.

– Такое мнение не ново, но вы так уверены... А если это тупиковый путь? А дирижабли – это верный успех.

– Одно связано с другим. Если самолёты не полетят – ну, остаются тогда дирижабли. Но они полетят, и скоро. Это быстрые аппараты. Вы ведь понимаете, что медленно лететь они просто не могут? Ну и другие преимущества. Меньше, дешевле, не так уязвимы. Водород, да ещё и в таких объёмах, это очень опасно. А представьте, на войне? Есть такой газ, гелий. Слышали? Нет? в общем, он всего вдвое тяжелее водорода, но совершенно не горит. Увы, получать его в большом количестве пока трудно. В общем, я вам обещаю – если справитесь с двигателем, включая серийное производство, займётся с вами самолётами. В первую очередь – военными.

На Охтинский завод меня поначалу не хотели пускать. А вот Костовича – без проблем. Но у нашего извозчика оказалась какая-то важная бумага, и охранники сразу снякли.

Зная мощность и вес двигателя, я ожидал увидеть чудо техники. Возможно, даже что-то похожее на современный двигатель, ну, может, не столь вылизанный. Увы, действительность разочаровала. Двигатель Костовича... он был очень некомпактный. Восемь цилиндров, большое колесо для равномерности работы, огромные шатуны. Почему-то паровоз мне вспомнился. Изобретатель суетился, бегал (буквально), с кем-то договаривался. И ему удалось дого-

вориться: выделили ему поллитра бензина и завели двигатель. Электричество от внешнего источника подавалось, не входящего в двигатель. Нда, конструкция... Работать ещё и работать. С другой стороны – все основные элементы – вот они. Цилиндры, коленвал, даже карбюратор.

У Костовича здесь, похоже, друзья, и он ведёт меня в местную столовую, угостить обедом. Столовая не для рабочих, а для инженеров, начальников и т. п. Но еда не очень, даже Глаша лучше готовит.

– Ну что-ж, Огнеслав Степанович, вы показали товар лицом. Будьте готовы передать ваше арборитовое производство заместителю, и заняться настоящим делом. Вы спрашивали про деньги. Деньги есть, и немало. Производство наше разместится, вероятно, в Нижнем. Дело это – вершина того, что человечество достигло в технике. Соответственно, нам понадобится передовое оборудование, станки. Для их закупки у нас все возможности: не только Россия, но и Европа. Ещё нам нужны люди, способные работать на таком уровне. И вот вам первое задание: прикиньте список оборудования, необходимого для такого производства. Подумайте о жаловании, на которое претендуете. Ну и присматривайтесь к людям – кого нам взять вам в помощь.

– Сергей, а вы мне не объясните вкратце об электричестве, что будет делать тот господин...

– Иванопуло. Он должен сделать аккумулятор.

Объясняя, что это такое.

– Чтобы он сам заряжался во время работы двигателя, нужен генератор. Это маленькая динамо-машина, работающая от того же двигателя. Но она даёт переменный ток, поэтому нужен ещё выпрямитель. Ещё – наш аккумулятор даёт напряжение 12 вольт, а нам для свечей желательно гораздо больше. Поэтому нужен преобразователь, устройство вполне возможное. Ну и такой бегунок, тоже связанный с коленвалом, который подаёт напряжение на свечи по очереди, в нужном порядке.

– На свечи?

Рисую примерный вид свечи. После всего этого Костович смотрит на меня чуть ли не с благоговением.

– И ещё, Огнеслав: двигатель должен быть покомпактнее. Твой на самолёт не установишь, слишком велик. Вот смотри, возможен двигатель с V-образным расположением цилиндров, – и я рисую что-то похожее на такой двигатель в блокноте. Коленвал – снизу. Здесь, под коленвалом, типа корыта, картер называется. Он заполнен маслом. Двигатель должен смазываться в процессе работы. Свечи, подача топлива – это здесь, сверху. Ну и надо будет сделать водяное охлаждение, с выводом на радиатор. Радиатор ветром обдувается, можно и вентилятор сделать. И лобовое сечение должно быть поменьше, такие длинные шатуны не пойдут, экономя место. Цилиндры тоже покороче. Что касается мощности: для самолёта для начала нужно сто сил, а потом всё больше, вплоть до двух тысяч. Но это ещё не скоро. А вот для наземных машин – там нужны разные моторы. От небольших, сил на 15, и до двухсот и больше.

– Вы говорили про самолёт. Что это за аппарат, как вы думаете?

Вырываю для Костовича лист с V-образным двигателем, и пытаюсь изобразить У-2. И даже что-то у меня получается. Иногда роняю слова: фюзеляж... здесь лонжероны... стабилизатор, он управляется штурвалом... повороты педалями... шасси из двух колёс, сзади костыль... пропеллер впереди, за ним радиатор.

– Понимаете теперь, что двигатель не может быть широким?

Костович смотрит, как заворожённый.

– Эх, если бы и вправду такое сделать... И полететь.

– Главное, разумеется, мотор. Остальное не так сложно. И ваш арборит пригодится для фюзеляжа.

Обед закончен, и мы едем обратно. Костович очень оживлён, заметно, что он сдерживается, стараясь не говорить лишнего и поменьше жестикулировать.

– Сергей, правильно я понял, что вас интересуют разные двигатели?

– Да. И если с самолётами всё однозначно, двигатель нужен мощный, лёгкий и не слишком большой, то с наземной техникой... Она же разная, совершенно разной массы, назначения. Вот и двигатели нужны разные. В том числе и маломощные. Но вот ресурс часто нужен побольше.

– Но вас интересуют именно четырёхтактные двигатели, бензиновые, карбюраторные, с зажиганием от электричества?

– Не обязательно, но думаю, что такие двигатели перспективны.

– С зажиганием от сжатия двигателя как вы оцениваете?

– Дизели? Для самолётов никак, а вот для тяжёлой наземной техники хорошо годятся.

– Именно дизели, не тринклеры?

– Что за тринклеры?

– Ну, моторы. Дизель своей фамилией назвал, а Тринклер своей. Как вы думаете, я могу мотор моей фамилией назвать?

– Тринклер... Это немец?

– Не знаю. Я с ним мало знаком. Зовут Густав, кажется, Васильевич. Он недавно стал свои моторы делать. По мощности моему не чета, но хороший КПД, под 30%. Ну, ему и запретили их делать. Дали привилегию господину Нобиллю, а он как раз дизели и делает.

– Подождите, Огнеслав, кто дал привилегию?

– А кто её даёт? Патентное бюро.

– Так он где эти двигатели делал?

– Здесь, на Путиловском. В прошлом году ему как раз и запретили. Потому что двигатели хорошие, а у господина Нобеля и деньги, и связи.

– А сейчас он где, этот Тринклер?

– Не знаю. Не видел его давно. Да мы не так уж и близки.

Некоторое время Огнеслав молчит, возможно, прикидывает, нужен ли ему сильный конкурент. Но мы уже подъезжаем к его заводу, и он снова начинает говорить:

– Сергей, даже если вы шарлатан, я вам всё равно благодарен. Вы мне напомнили мою мечту. Я человек увлекающийся, но без этого... Знаете, этот завод, этот арборит... Да, верный кусок хлеба, но это не для меня. Небо! Пусть даже я не полечу. Пусть я лишь промасленный и пропахший бензином мастерской. Но я хочу делать эти ваши самолёты. Пусть двигатели для них, но для меня работа без мечты и работа с мечтой – это как ад и рай. Даже если я вас больше не увижу... Ах, как я бы хотел, чтобы всё это оказалось правдой!

– Не радуйтесь раньше времени. Самолёт – это годы упорной работы. А потом много лет совершенствования, гонка с другими странами, с той же Германией. Вы готовы к такой работе, к тому, что мы сделаем машину, лучшую в мире?

– Я чувствую, что я для этого рождён. Поверьте, когда у человека есть талант, а реализовать его не дают... У кого-то женщины, у других вино, тщеславие. А у меня вот это – хочу сделать этот ваш самолёт.

Мы прощаемся за руку, причём Костович под конец явно расчувствовался. Горячий человек, Огнеслав. Заезжаю ещё в ателье на первую примерку, и домой, во дворец. Прежде, чем отпустить пролётку, обращаюсь к кучеру:

– Вас как зовут?

– Степаном.

– Вы слышали? Мне нужен этот Тринклер. Густав Васильевич. Кто там у вас этим занимается, найдите его, пожалуйста. Вы передадите?

– Не извольте беспокоиться. Я на службе не новичок.

Дома меня ждёт красивый конверт, запечатанный сургучом с печатью, а в нём на гербовой бумаге записка от самого Витте. Я приглашаюсь завтра в 10 утра в министерство для встречи с Ситниковым. Ну что-ж, дело завертелось. Жаль, мой извозчик уже укатил, как завтра к министру ехать?

8. Ситников.

Всё оказывается не так сложно. Еремей и разбудил меня вовремя, и мой морской костюм вычистил и выгладил, и извозчика поймал. Глаша не подвела с завтраком. Кажется, я начинаю привыкать к здешней жизни. Недостаток удобств компенсируется наличием слуг. И боюсь, что этих двоих мне даже и недостаточно. Ещё бы курьера, с поручениями посылать.

Я перебдел: приехал минут за 17 до назначенного времени. Но Витте даже доволен, сразу меня принимает.

– Господин Попов, вы заранее приехали, похвально. Не люблю тех, кто спит всё утро, работать надо. Понимаете ли вы, что всё должно быть организовано? Я не за бюрократизм, но должен быть порядок, особенно в денежных делах. Вот вы господина Иванопуло привлекли, других будете привлекать. Сейчас вы просто всё помните, а дальше? Большие суммы, много людей, много статей расхода. Я вот что предлагаю: давайте создадим комиссию, для начала один человек возьмёт на себя ваши дела, наряду с другими, ну а затем и подмога ему понадобится, тогда расширим штат. Согласны?

– Разумеется, Сергей Юльевич. Такая работа нужна. Ну и юридическое сопровождение: с тем же Ситниковым договор заключить, может, и с Иванопуло.

– Скажем, комиссия по... по моторам? Как бы вы назвали?

– Я бы назвал так, чтобы враги не догадались. Дела это военные, а значит, секретные. Никаких моторов, двигателей, бронеходов и аэропланов. Скажем, комиссия среднего машиностроения. Или даже не надо машиностроения – комиссия средней промышленности. Не лёгкая, не тяжёлая – средняя промышленность. Вы не против?

– Мне всё равно. Хотя юмор у вас... не купеческий какой-то. Вот Ситников – это купец. Да сами сейчас увидите.

У премьерера слуг явно больше, чем у меня. Ему есть кого послать за Ситниковым. И тот вскоре входит в кабинет. Да уж – это купец, двух мнений быть не может. При росте примерно 165 весит он явно не меньше центнера. Но, несмотря на объёмистое брюхо, выглядит не рыхлым толстяком, а коренастым. Широкие плечи, толстые сильные руки, мощная шея. Разумеется, борода лопатой и волосы на пробор посредине. Ему, вероятно, полтинник, волосы уже седеют. Но лысины нет. Человек явно с хитрецей, я бы такому верить поостерёгся. Но, вероятно, купец таким и должен быть? И имя у него подходящее: Савва Нилович. Держится он с достоинством. А вот я, в морском костюме, молодой, без бороды и усов, вряд ли могу его впечатлить.

Инициативу берёт на себя Витте. Представляет нас, несколько слов о моих планах, ещё несколько о возможностях Ситникова. Мы с купцом упорно молчим. Приходится премьеру и дальше говорить. Оказывается, Ситников запросил десять миллионов. На порядок больше, чем Менделеев. Но тот должен два хороших завода построить, а этот?

– Не извольте беспокоиться, зато всё будет в лучшем виде. И площадки обеспечим, и транспорт по рекам, и всё что надо. И рабочих найду, и грузчиков, и пароходы у меня есть, и баржи с буксирами.

Я молчу. О десяти миллионах он ничего не сказал, куда они пойдут. Я бы ему ничего не дал, но не зря же его рекомендует Витте? И потом – я пока займусь главным, людьми и оборудованием. В Нижний потом поеду, может, через месяц. Так пусть там уже идут дела.

Ситников уходит, а я остаюсь.

– Сергей Юльевич, вот не пойму я, на что ему десять миллионов? Что он с ними будет делать? Я мог бы спросить, но ждал, что он сам объяснит. Вам он смету не представил? А то я бы хотел изучить. Мне кажется, нам для него нужен хороший контролёр, который все деньги отследит, документами подтвердит. Тут я на вас надеюсь. Или лучше господина Плеве привлечь?

– Не беспокойтесь, Сергей Михайлович. Будет за этими деньгами контроль.

9. Аудиенция у Государя.

Всё как я люблю – вроде, я ничего не делаю, а дела идут, крутятся. Иванопуло и Костович приняты на службу, им теперь жалование идёт. Первый ещё и деньги получил на начало работ, второй составил список оборудования. Но такой куцый, что я велел список расширить, и не экономить.

Тринклер, как выяснили люди из МВД, увы, теперь в Германии, в Ганновер уехал. Ну, я ведь тоже туда собираюсь, так найду. Удастся ли переманить – это вопрос.

Тем временем готов мой мундир. Действительно, сидит хорошо, точно по фигуре. Я ещё бельём обзавожусь, постепенно обживаюсь. Готовимся мы с Костовичем в командировку поехать, в Германию. Не просто оборудование закупить по списку, а посмотреть, что там у них есть. И взять лучшее. Может, и людей переманим, Тринклера в первую очередь. Деньги можно перевести в тамошний банк с помощью посольства. Я на всякий случай аж полтора ста миллионов прошу перевести. Хорошо бы недели за две туда сгонять. Но вряд ли выйдет быстрее трёх, а то и четырёх недель. И это мы ещё в Англию не едем.

И вот приходит мне... Даже не скажу, что вызов – скорее напоминание. Должен я явиться в Царское пред светлы очи царя-батюшки для еженедельного доклада. И выделен мне час на все проблемы. Ну, зато мундир теперь есть. Отправлюсь по железной дороге, она же первая в России, Питер – Царское Село.

Но – человек предполагает, а располагает в данном случае царица. Накануне аудиенции прибыл ко мне флигель-адъютант, а это чин не из последних, не пешка. Оказывается, Государыня озабочена тем, чтобы я случайно не встретился с Ольгой. И вот, офицер проделал путь, нашёл меня, чтобы предупредить, а затем и помочь справиться с таким серьёзным поручением. И мы отправляемся в Царское в карете, накануне, а там переночую, и мне помогут добраться обратно, чтобы опять же случайно не встретить маленькую великую княжну. Причём новый мундир и свежее бельё я везу с собой в свёрнутом виде, там переоденусь. А мыться считается не обязательным, не каждый же день. Вот следить за усами – это да, это важно.

Государь выглядит... не просто уставшим, хуже. Впечатление такое, что ему категорически не хочется работать, надоело. А тут опять лезут с докладом. Стараюсь в лёгкой форме рассказать о своих достижениях: установил контакт с Витте и с Плеве, Менделеев, Костович, Иванопуло, Ситников приступили к работе, собираемся найти Тринклера. В целом – готовлюсь к командировке в Германию вместе с Костовичем и запрашиваю высочайшего позволения. Николай слегка повеселел – у него ничего не просят.

– Я ведь и сам вскоре отправлюсь в Крым, потом в Саров. Так что дальнейшие ваши доклады пока отложим, до осени. Как вам видится свежим взглядом, понравились ли мои министры?

– Да, Витте и Плеве люди умные, дельные, хорошо соответствуют своему месту. Если и остальные министры им под стать – то я удивляюсь, почему в стране такие проблемы серьёзные. Жаль, что недолго им осталось работать.

– Я помню, вы говорили про Витте, вместо него Столыпин будет. Но ведь и он хорош, не так ли? А Плеве – с ним что?

– Кажется, я упоминал – его должны террористы убить в следующем году. Но совершенно не помню дату, даже приблизительно. Не знаю, можно ли этого избежать.

– Да, жаль, очень жаль, – я уже понял, что по виду Николая ничего понять нельзя, а вот по голосу... Мне кажется, он это равнодушно сказал. Наверно, не слишком любит своего МВД.

– Вы знаете, господин Попов, я ведь ваши слова об отрезках и выкупных платежах не забыл. Этот вопрос будет вынесен на госсовет, и, я полагаю, будет решён этой же осенью. Надеюсь, вы довольны?

Я не думаю, что это нужно лично мне, но киваю. Кажется, несколько растерянно.

– И ваши соображения о патриархе. Я говорил с Победоносцевым, Константином Петровичем. Он желает с вами лично побеседовать. Вы не против?

– Разумеется, мне было бы приятно побеседовать с таким умным и значительным лицом.

И всё, аудиенция заканчивается. Своего часа я полностью не использовал. Так ведь и работать только начинаю. Тот же флигель-адъютант отвозит меня, на этот раз, на вокзал, и я еду в Питер первым классом.

10. Победоносцев.

Подготовка к командировке оказывается несложной, потому что за меня опять всё делают другие. Люди из ведомства Витте на этот раз. Например, нам с Костовичем выделены суммы – из них мы будем получать командировочные, я 25 а он 10 рублей в день, ну и все подтверждённые расходы – гостиницы, транспорт, нам тоже оплатят. Билеты на поезд до Берлина нам предоставлены, посольство и даже пограничники предупреждены. В Берлинский банк переведены деньги – аж полтора миллиона я решил перевести. Основные расходы этого года, как я полагаю, это приобретение оборудования. Ну и дальше будем докупать, но сейчас надо заложить основу.

Встречу с акулами пера Плева пока не организовал, здесь летом принято уезжать из Питера на природу, многих нет на месте. Ну и ладно – другим сейчас голова забита, всяким железом. С Костовичем постоянно совещаемся, список оборудования корректируем. Увы, я в этом дилетант, и он не так далеко ушёл. То, что он предлагает, можно купить не за полтора миллиона, а за полтора тысяч. Привык он за личные копейки пытаться решить глобальные проблемы.

Завтра, седьмого июля, (я уже привык к старому стилю), на поезд с утра. Вещей у меня немного, бельё и всякие мелочи там собираюсь докупить. Ещё попариться в бане собираюсь. И тут Еремей докладывает:

– Господин Победоносцев!

Пришёл таки... А я уж думал, он слишком горд и к себе вызовет. И отложится на после командировки. Но я уже понял, что в этом времени многое значит личное знакомство с императором. Я неизвестно кто, и даже чин тайного советника далеко не высший (четвёртого класса, а есть ещё три класса выше), но право аудиенции, этот час в неделю, делает меня влиятельным лицом. Жаль, что сказки детям закончились, а то бы я был ещё влиятельнее.

Внешность обер-прокурора весьма характерна, он такой один. Уже старый человек, лысый, с морщинами. Очёчки с небольшими стёклами, галстук бабочка. Характерные оттопыренные уши. В целом выглядит так, будто его законсервировали 40 лет назад, и он ничуть не изменился. Сначала мне кажется, что он похож на Ипполита Матвеевича, Кису Воробьянинова. Но когда я слышу его гладкие фразы, как будто заранее написанные, неспешный стиль рассуждений, вижу его нервные пальцы... Да это же Каренин! Ай да Толстой, ай да сукин сын! Так описать человека всего несколькими словами! Да уж, талант. В наше время этого не оценишь, Победоносцев-то умер. И уже по другому воспринимается роман, что-то остаётся непонятным.

– Господин Попов, я уже слышан о вас от разных лиц. В том числе и от господина Менделеева. И это несмотря на то, что вы всего две недели назад появились ниоткуда. Бук-

вально, из воды вынырнули. Но я человек пожилой и по своей должности духовный. Новости, слухи, сплетни, всё, чем живёт свет и так называемое "общество", всё это для меня есть то, чем и должно быть – суета сует и всяческая суета. Но мне небезразлична судьба России, судьба православия и судьба Государя. А вам удалось заронить в его душу сомнение. Эта расхожая идея – о необходимости патриарха. Кто только её не высказывал. И не только вертопрахи из журналистской братии или из адвокатов иудейского вероисповедания, но и духовные лица, даже арихиереи. К вам я зашёл исключительно ради Его Величества. Я его знаю с детства. Это искренне верующий человек. Вы полагаете, что нашли его слабую струнку и хотите на ней сыграть? Скажите, кто за вами стоит, кто на самом деле хочет патриаршества? Уж не Львов ли, человек беспринципный и даже бессовестный?

– Поверьте, Константин Петрович, у меня нет никакой поддержки, за исключением знакомства с особами, кого я встретил в последние две недели. Теперь вот и с вами беседую, большая честь для меня. Но зато нет и обязательств ни перед кем, за исключением Государя.

Мой собеседник откровенно некрасив, и можно понять, почему Анна Каренина променяла такого на блестящего офицера аристократа. Но мне он почему-то симпатичен. Глаза умные, а главное – почему-то сразу возникает убеждение, что он честен. Не станет вилить, хитрить. Прямо говорит, что думает. И это царедворец, уже десятки лет приближенный к трону. Неплохо, да?

– Хорошо, не буду пока настаивать, у меня нет доказательств обратного. Пока нет. Допустим, вы по собственной инициативе решили, что это благо для России. Скажите, господин Попов, насколько вы в данном вопросе компетентны? Многих ли знаете иерархов нашей церкви? Это я не потому спрашиваю, что хочу выведать стоящих за вами, а чтобы понять, вы дилетант, сдуру ляпнувший что в голову пришло, или это обдуманное мнение? Может быть, не иерархи, а простые священники и монахи? Или даже один священник или монах, но сославшийся на общее мнение? Ответьте, пожалуйста, не называя имён, но указав на степень компетентности ваших единомышленников.

– Увы, Константин Петрович, во всей России нет никого, с кем я бы об этом беседовал за исключением Государя а вот теперь и вас. А с границей я вовсе не связан. Сам же я от жизни церкви далёк. Вы совершенно верно предположили мою низкую компетентность в этом вопросе. Я считаю себя честным человеком, и не стал бы ничего государю советовать на тему, в которой не разбираюсь, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство это секретное, и говорить о нём я не могу без прямого указания Государя.

Победоносцев с минуту молчит глядя вниз и хрустя суставами пальцев.

– Такая постановка вопроса чрезвычайно затрудняет для меня аргументацию. Но всё же попробую высказаться. Вы, вероятно, знаете, кто ввёл современный порядок управления церковью? – и он смотрит на меня с таким видом, как будто я могу и не знать. Это не риторический вопрос, он серьёзно спрашивает. Я лишь слегка наклоняю голову.

– Ну а почему он это сделал, как вы думаете?

– Борьба за власть. Ситуация была сложная, и он решил подчинить себе в том числе и церковь.

– А сейчас ситуация, по вашему мнению, простая?

– Гм... Как раз по моему мнению нас ждут серьёзные испытания, и уже в ближайшие годы. Но за два века многое изменилось. Я не уверен, что то решение Петра было удачным, скорее, временная мера против конкретных лиц. А наш государь – он далеко не Пётр. Держать всех в кулаке – вовсе не его манера. Ну и дать церкви больше свободы. Вряд ли это повредит, но покажет стране, что преобразования вполне возможны, для этого не нужен ни террор, ни, тем более, революция.

– Преобразования... Дать свободу, отпустить гайки. Самодеятельность сначала церкви, потом и всей страны. Выборы патриарха, потом и президента. И страна, восхищённая таким

доверием и свободой, на всех парусах помчится вперёд, опережая Европу. Так вы думаете, или вы поумнее?

– Наша страна сейчас находится на определённом уровне развития. Большая часть народа вовсе безграмотны, остальные – образованцы, получившие азы и верхушки, и мнящие себя исключительными умниками. Для этого уровня развития и уровень свободы должен быть соответствующий. Перегибать со свободой опасно, страна может пойти в разнос, и даже совсем развалиться. Но и недодать свободы не намного лучше. Недовольство зреет, копится, и когда-нибудь прорвётся. Надо пройти между Сциллой и Харибдой, да ещё и избежать войн. Это очень трудно, и мы должны помочь Государю и России.

– Очень хорошо. С вами можно говорить как с серьёзным человеком. А то я никак не мог понять, как Ники, мой ученик, мог увлечься каким-то вертопрахом. Это для него совсем не характерно. Вы кое-что понимаете, примерно половину. А именно, видите опасность ослабления гаек. Но вы ошибочно считаете, что надо лишь ограничить это ослабление определёнными рамками. Я намного старше вас, многое повидал, а ещё больше размышлял о России, её пути и её судьбе. Мой вывод: в настоящее время любое ослабление гаек – это путь в пропасть. Так называемое "общество" не удовлетворится, будет требовать ещё и ещё. А народ... он итак не требует никаких свобод. Народу нужно другое...

– Но позвольте, Константин Петрович. Как же так? Где же логика? Если вы хотите максимально всё законсервировать, то не признаёте ли вы тем самым неизбежное поражение? Ведь это лишь средство его оттянуть, но не предотвратить.

– Это и есть мой тяжёлый крест. Я один из немногих вижу неизбежность катастрофы. Да, я лишь хочу уберечь Государя и его семью. Россия... Я не вижу средства её спасти.

– Если так, Государь с семьёй мог бы уехать. Например, в Англию. Навсегда.

– Да... Государь предупредил, что вы умны, но очень наивны. Вижу, проницательность его не подвела. Он помазанник Божий, не забывайте. Бросить свой крест – он скорее умрёт.

– Хорошо, допустим, вы правы, и катастрофа неизбежна. Но что дальше? Россия никуда не исчезнет, и жизнь не прекратится. Она станет другой, но она продолжится. Значит, наш долг смягчить катастрофу и подумать о том, что будет после неё.

– Таких немало, кто об этом думает. Строят воздушные замки, измышляют утопии. Так этим увлекаются, что хотят, даже жаждут, чтобы катастрофа побыстрее наступила. Сознательно разрушают страну, ослабляют власть. Но катастрофа снесёт все их построения как песочные замки. Вы молоды и образованы, а я знаю наш народ. Вы мне не поверите, никто мне не верит, а я убеждён, что образованное сословие вовсе не возвысится в результате катастрофы. Счастливы будут те из них, кто уцелеет. А уж как они будут жить, какую получают свободу... В суровые времена не до свободы, жизнь сохранить не всем удаётся.

– Значит, вам не верят? Глупцы. Несомненно, вы говорите правду. Но не всю. Катастрофа смоеет их честолюбивые мечты, часто вместе с жизнями. Это так. Но всё ли она смоеет, или что-то останется? Вот винтовка Мосина – хорошая для этого времени. Она останется. Я собираюсь заняться производством моторов и машин на их основе. Сами машины в основном пропадут, многие инженеры тоже погибнут. Но русская школа машиностроения сохранится, если я смогу её создать. Или вот наша православная церковь. Я знаю, её хотят уничтожить. Против неё очень серьёзные силы, возможно сам сатана. Но, как вы думаете, она сохранится?

– Я верю, что церковь не умрёт. Не знаю как, но она сохранится. Вопреки всему.

– Да. Это ваша зона ответственности, вот и укрепите церковь. Один из бастионов, который переживёт катастрофу.

Обер-прокурор снова делает паузу, хрустит пальцами, смотрит вниз.

– Я не думал, что мне удастся вас переубедить. Но считал, что если вы умны, то есть шанс. В основном хотел посмотреть, что вы за человек. Новое лицо около Государя. Что вы будете переубеждать меня – это мне и в голову не приходило. Но признаю – ваша попытка сильна. Ещё

лет тридцать назад я бы, вероятно, задумался. Но я слишком стар. Мир после катастрофы... Я потратил десятки лет, доказывая, что это не будет общество всеобщего счастья и свободы. Начать работать на тот мир... Мне поздно перестраиваться, моя жизнь в основном прожита. И... как я посмотрю в глаза Государю? Вы полагаете, он тоже будет таким бастионом, который устоит?

– Боюсь что Государь как раз не устоит. А вот патриарх – возможно. Церковь точно станет сильнее, авторитетнее, в том числе и в мире. Это хоть как-то смягчит катастрофу.

Победоносцев снова смотрит вниз, но лишь несколько секунд. Снова поднимает голову, смотрит мне в глаза.

– Возможно, вы правы, теоретически. Но нашу церковь вы знаете плохо, не так ли? И я начинаю вам верить. Нет, вы не марионетка. Тем более, что по словам господина Менделеева... Он убеждён, что вы талантливый учёный. Станный разброс интересов. Можно сделать вывод, что этот вопрос, с патриаршеством, для вас не основной. Да, в эту схему всё укладывается. А вот я – я хорошо знаю их всех. Ну, возможно, не всех в равной степени. Всех наших архиереев, многих игуменов. Да, каждый из них – это личность. Но – вы понимаете, как сложен умный человек? Столько всего намешано... Мудрость, способности, в том числе к интригам. Не так просто возвыситься в нашей церкви. И, почти у всех – честолюбие, властолюбие, упрямство. Нехорошо так говорить, но это грустная правда. Уже несколько раз я удерживал церковь от раскола. Нет, они не станут бунтовать против власти. А вот переругаться между собой, возможно, даже до раскола – это весьма вероятно. Церковь итак разделена, и это всех нас, христиан, очень ослабляет. Мы говорим, что наша церковь единственная истинная. Но по количеству верующих это не самая большая церковь на Земле. И другие церкви себя называют истинными. Как это сказывается на вере? А если начнётся битва за патриарший престол, удастся ли удержаться в рамках приличия? У нас нет популярной фигуры, которую бы поддерживало большинство. Боюсь, что мы не укрепим церковь, а чередой скандалов дадим повод нашим врагам ещё больше её ослабить. А уж если произойдёт раскол... Противоречия уже накоплены, не принципиальные противоречия, а между личностями. Нет уж, безопаснее сейчас сохранять прежние порядки. А если Бог пошлёт такую фигуру, перед которой склонятся все – тогда, пожалуй, я с вами соглашусь, авторитетный патриарх, пользующийся единодушной поддержкой церкви, усилит наши позиции. Государю вряд ли понравится независимый от него центр власти, но... постараюсь его убедить. А вы – если и вправду хотите патриарха, молитесь. И если Бог пошлёт нам такого человека – напомните мне. Не в моих правилах отказываться от своих слов.

Победоносцев поднимается – беседа окончена. Он это сам решил, единолично. Я тоже встаю, вежливо провожаю его до кареты. Если быстро, ещё успею в баню. Хоть часок попарюсь перед поездкой.

11. Германия.

Хорошо в командировке, особенно в поезде. Дома всё время висит забота: а что я забыл и что ещё можно сделать? А здесь – все старые дела отрезаны, а новые ещё не начались. Голова отдыхает.

Мы с Костовичем очередной раз прикидываем, каким должен быть завод и какое нужно оборудование. И можно никуда не торопиться, время есть, дел нет. До Берлина более двух суток поезд едет, у нас купе на двоих. На вокзале нас встречает господин Шварц. Несмотря на фамилию, он русский, в нашем посольстве возглавляет отдел содействия торговле и промышленности. На меня смотрит несколько оторопело, а рассматривая мои документы замирает на несколько секунд, задумывается.

– Господа, у меня достаточно работы, торговля России с Германией идёт хорошо и всё возрастает. Но такая сумма... Признаться, такого пока не было даже близко. И, я слышал, дело доложено самому Государю? И я принял решение: я лично буду вас сопровождать, помогать вам. Ну и, признаться, получено указание из Петербурга. Так прямо не написано, что я в вашем распоряжении, но... некоторые намёки даны. Давайте проедем в посольство, комнаты для вас готовы. А затем... Желаете отдохнуть с дороги, или изложите мне ваши планы, хотя бы в общих чертах?

– Господин Шварц, в поезде было достаточно комфортно, мы не устали. Но я привык мыться чаще, чем раз в неделю. Нельзя ли организовать баню, или хотя бы душ? Что касается наших планов, они, увы, недостаточно конкретны. Дело в том, что нам нужно ознакомиться с моторостроением здесь, в Германии, и отчасти с машиностроением. Затем решить, какое оборудование нам понадобится, чтобы организовать подобное производство в России, закупить его, организовать доставку в Нижний Новгород. Ещё мы бы хотели встретиться с господином Тринклером, Густавом Васильевичем, который, как мы предполагаем, работает теперь в Ганновере. Ну и было бы неплохо, хотя и не обязательно, встретиться с господином Ульяновым Владимиром Ильичём. Но мы не знаем, где он сейчас, возможно, в Швейцарии.

– О господине Ульянове нас предупреждали по линии... ну, вы, наверно, знаете. Он, действительно, жил одно время в Швейцарии, а теперь решил перебраться в Англию. Мы осмелились просить немцев его задержать для углублённой проверки документов, и он теперь в Штутгарте. Думаю, мы сможем обеспечить доставку его сюда, в Берлин.

– Да, хорошо, но надо оплатить его дорожные расходы, билеты. Ну и в целом по минимуму создавать ему неудобства.

Весь этот диалог происходил в карете посольства, но ехали мы не слишком долго. Вскоре Шварц уже показывал нам наше временное жильё. Две уютные комнатки на втором этаже, моя больше раза в два. На первом этаже столовая, для нас будут готовить. Там же, на первом этаже, есть душ.

– Господин Шварц, должен вас предупредить: господин Костович свободно говорит по-немецки, а вот я нет. Он, конечно, будет мне помогать...

– Я всё время буду рядом, и тоже постараюсь вам помочь чем только смогу. В том числе, буду переводить. Вот сейчас я намерен выяснить, где в Германии наиболее развито моторостроение. Надеюсь, это поможет вам определиться с вашими планами. Вам же рекомендую всё же отдохнуть, возможно, погулять. Здесь тихо и безопасно.

И мы с Костовичем отправляемся гулять по Берлину. Часть рублей поменяли на марки, я купил себе бельё, включая полотенце, хорошую бритву, мыло, зубную щётку. Душ оказался странным: вода подогрета, но примерно до 30 градусов, и менять её температуру нельзя. Для меня не вполне комфортно. Надо будет выяснить насчёт бани.

Я уже начал прикидывать, надолго ли задержусь в Берлине и что мне здесь делать. Но Шварц навестил меня тем же вечером. Моё предложение пригласить Костовича он отверг жестом руки.

– Господин Попов, моторостроение это пока экзотика, хотя и перспективная, но, оказывается, вы правы, именно Германия продвинулась в этом дальше других. Наиболее знамениты два предприятия. Во-первых, завод господина Отто в Кёльне. Сам он умер, но завод продолжает работать. Во-вторых, в Штутгарте завод господ Даймлера и Майбаха. Сейчас жив только второй, но дела там спорятся.

– Так может быть, это судьба? Отправимся поскорее в Штутгарт, заодно и с господином Ульяновым встретимся. Как вы полагаете, они согласятся нам показать своё производство, оборудование?

– Когда речь идёт о покупках на такие суммы, они покажут всё. Когда бы вы хотели выехать?

– Да поскорее, прямо завтра. Здесь, в Берлине, нет значительных заводов?

– Кое-что есть, но по моторам, кроме уже названных крупнейших, ещё Мюнхен, Ганновер. Вы ведь и в Ганновер собирались, к господину Тринклеру? И... ещё одно, весьма деликатное... Вы человек молодой, с деньгами, и оказались далеко от дома. Вы ведь не женаты?

Вообще-то, я уже два года как разведён. А близкие отношения с женой ещё за полтора года до этого прекратились. Это она меня бросила, к другому ушла, хоть и было ей уже 44. Но здесь я, разумеется, не женат.

– Видите ли... Здесь, имея деньги, нетрудно найти... Есть и бордели, и просто частные лица. Но это не совсем желательно. Кажется, что мы всем безразличны, но сумма, переведённая вами сюда, в Берлин... В общем, вами интересуются, и если вы будете злоупотреблять... Здесь к этому странное отношение. С одной стороны, это вполне разрешено, ничего особенного. Но с другой стороны, есть такой стереотип: варвар, дорвался до наших женщин. Для высшего слоя здесь требования строже, чем для среднего класса. И вот мы здесь, после предупреждения из Петербурга, нашли одну женщину... Она вдова, долгое время жила в России. Она не проститутка, а имеет помощницу по хозяйству, горничную – это вполне прилично. И с ней допустимы любые отношения. Но... Я не думал, что вы так молоды... Ей уже 30 лет. Она сейчас здесь, и вы можете сразу отказаться от неё или сначала поговорить. Искать другую... Если мы завтра уже уезжаем...

Я уже немного знаю ситуацию в Питере. Как ни странно, женщин там вовсе не половина, а лишь примерно треть. Мастерские, дворники, извозчики – многие приехали в столицу на заработки, как в наше время гастарбайтеры из Узбекистана и Киргизии. И даже чиновники иногда не могут позволить себе содержание семьи, и живут в одиночестве. Соответственно, проституция процветает, от клиентов нет отбоя. Любая сколько-нибудь приемлемая женщина пользуется вниманием. Была у меня мысль, опробовать новое тело, но... быть 1021-м мне не хочется, да и болезни – умеют ли их тут лечить? Да и денег у меня оставалось немного после пошива мундира и других расходов.

– Поговорить-то можно, почему бы и нет.

И вот вместо Шварца передо мной сидит Эльза Крафт. По-русски она говорит уверенно, но с заметным акцентом, хоть и прожила в России 11 лет. После смерти мужа два года назад вернулась в Германию. У неё две дочери, 10 и 7 лет. Моим 50-летним сознанием она воспринимается как молодая и симпатичная женщина. По местным стандартам она худышка, но в 2020-м её упитанность сочли бы средней. Голубоглазая блондинка, слегка наивного вида – норм. И вообще – сколько уже у меня не было женщины? В 50 лет к этому проще относишься, но сейчас-то моему телу примерно 20.

– Господин Попов, извините, я не думала, что вы такой молодой. Мне сейчас надо уйти? Или вас может заинтересовать моя работа горничной? Господин Шварц говорил... Поверьте, я бы никогда не пошла на такое, но мои девочки... Я зарабатываю 10 марок в неделю, и мне приходится работать очень много. Семь марок в неделю я плачу фрау Зауэр, за пансион для моих девочек. Но одежда, ещё некоторые расходы, еда для меня... Я сейчас очень некрасивая, худая, это из-за того, что я не могу тратить на еду более полутора марок в неделю. В Берлине всё очень дорого.

– Эльза, я готов платить вам сто марок в неделю (с моими суточными – легко), но есть два обстоятельства, которые могут вас не устроить. Во-первых, мы завтра же выезжаем в Штутгарт. И дальше возможны переезды – Гамбург, Ганновер, возможно, Мюнхен.

– Но вы будете платить за мои билеты и проживание, или это из моего жалования?

– Да, буду платить, и даже за еду. Но не за одежду.

– Тогда в этом нет проблем. Но если бы вы выплатили мне аванс, хотя бы марок 15. Для фрау Зауэр.

– И второе. Я не знаю, сколько пробуду в Германии. Надеюсь уложиться в две недели, но возможно дольше придётся остаться. Но потом я уеду, а вы останетесь. И я перестану вам платить.

– Разумеется, господин Попов. Двести марок за две недели – это очень меня устроит. Я молила Бога, чтобы позволил мне получить подобную сумму. Для моих девочек, и совсем немного для меня. Ведь хочется надеть что-то нарядное, покушать сосисок...

Да уж, потенция в 20 лет – что надо. Я уже привык думать, что в 50 лет лучше, гормоны не давят, свобода. Но и в 20 лет есть свои преимущества. Пожалуй, и не маленькие. Ну, теперь можно и аванс Эльзе выдать, заслужила. У меня сложилось впечатление, что она очень страстная. Но сама предложить ничего не может, это, вероятно, неприлично. Чисто ведомая, но ведётся очень охотно. Даю ей 50 марок в счёт оплаты, пусть что-то останется у неё и поднимет настроение.

– Господин Попов, мне так не удобно брать за это деньги... Но это для моих девочек, поверьте, они заслуживают лучшей участи. Женщине трудно без мужа, и дело не только в деньгах. Эрих умер больше двух лет назад, и он был старше меня на 27 лет. Кроме него у меня никого не было, мне тогда только исполнилось 17. Мне кажется, это я должна вам платить, и вы такой молодой и красивый. Но у меня нет денег. И ради девочек я готова брать у вас деньги, но мне придётся краснеть. Если бы я могла сделать ещё что-нибудь...

– Ах, Эльза – так получилось, что у меня есть деньги. Немного поделиться ими с тобой – это только справедливо. И ты же видишь – ты мне тоже нужна. Ты хорошая, но я не могу на тебе жениться. И я постараюсь, чтобы ты не забеременела от меня.

Шварц купил на всех нас билеты на поезд, в том числе и для Эльзы. Два двухместных купе. Поезд только в 14:22 отходит, но я не скучаю – Эльза, душ, завтрак, снова Эльза, снова душ, немного поговорили с Костовичем, обед, и нас везут на вокзал. Кажется, Костович не обижается на меня из-за появления Эльзы. Не знаю, чем она питалась на свои полторы марки в неделю, но аппетит у неё отменный. Всё съедает до крошки и, кажется, съела бы и ещё. Но не хочу её перекармливать.

12. Ленин.

Определённо, в немецких женщинах что-то есть. Вот Эльза – совершенно не выставляет свои глубокие и ценные переживания. На мой взгляд, она сосредоточилась на трёх страстях: во-первых, охотно отвечает на любую ласку, даже мимоходную. И, кажется, с удовольствием. Во-вторых, неустанно смотрит, чем бы мне услужить. И на любую возможность кидается, как терьер на крысу. А третья страсть – это просто еда. В поезде подали ужин, на мой взгляд, простецкий: две сардельки, тушёная капуста и пиво. Эльза каждую капельку сока от сарделек подобрала. Я не выдержал, и отрезал ей четверть своей сардельки. Она тут же съела, и сказала, как бы извиняясь:

– Очень хорошие сардельки, качественные и свежие.

И это в благополучной Германии. Пиво она тоже пьёт без всякого смущения, очень охотно.

Часть времени я всё же уделю беседе с Костовичем и Шварцем. Разумеется, мы обсудили список оборудования и возможности его доставки. А поздно вечером мы уже приехали, и разместились в отеле, в двух номерах. Уже завтра утром, в 9 часов, назначена встреча с Лениным. Эх, не выплыву, а хочется быть в форме. Вдруг внукам придётся рассказывать: "Я видел Ленина". Отложить бы встречу, но неудобно, его уже не успевают предупредить. Ладно, сокращу сегодня программу с Эльзой.

Встреча назначена в кафе рядом с отелем, и я экономлю время, не завтракаю, поем во время разговора. Надеваю на столь ответственную встречу свой мундир тайного советника.

Впрочем, выбор у меня не велик, а морская форма вряд ли уместна. Надо будет расширить гардероб.

Без двух минут девять Ленин уже сидит за столиком, читает газету. Но мне навстречу он вежливо встаёт, и приподнимает котелок в качестве приветствия. Да, он довольно изящно одет в костюм тройку и котелок. Многие отмечали его невысокий рост, но я бы сказал, что он очень невысокий. Вряд ли сильно выше метра шестидесяти. Но глаза живые, внимательные, любопытные. Движения быстрые. И он, довольно экспансивно, первым начинает разговор.

– Так это по вашей милости я тут застрял? Уже и сюда дотянулись руки охранки. Так вы, значит, тайный советник? Хороший мундир, вероятно, дорогой? Первый раз вижу такого юного тайного советника. И кто же, позвольте спросить, ваш папа? За какие заслуги ему позволили пристроить сыночка на тёплое место?

Ленин не просто картавит. Он говорит так, как будто это стоит ему усилий, больших, чем другим людям. Он как будто повышает голос до громкости, гораздо большей, чем ему удобно. Возможно, поэтому голос звучит монотонно, и приходится слегка напрягаться, чтобы его понять. Как адвокат с таким голосом умудрился выиграть все свои дела? Разве что благодаря гениальному уму?

– Мой папа? Убеждён, что он теперь совсем не известен. Нет, это не он сделал меня советником.

– Гм... Неизвестный папа... Возможно всё дело именно в этом?

Зачем он пытается меня оскорбить? Продуманная тактика, или он всегда так себя ведёт? Вероятно, первое. Хочет сорвать мой план разговора. Увы, у меня и плана-то нет.

– Я на папу очень похож. Никаких сомнений в отцовстве. И мама никогда не встречалась ни с кем из людей, которые теперь влиятельны. Мне это известно наверняка.

– Извините. Не хотел её обидеть. Может быть, пройдемся, здесь неплохой парк, и совсем близко.

– Э... Владимир Ильич... Позвольте мне вас так называть...

– А не слишком ли фамильярно?

– Ну, тогда товарищ Ленин.

– А почему не просто господин Ульянов?

– Согласен, нет достаточных оснований. Но мне очень хочется называть вас одним из этих двух способов. Ульянов – это самая обычная фамилия, как, впрочем, и моя.

– А как прикажете называть вас? Ваше превосходительство?

– Да как вам угодно, хоть Сергеем. Или товарищ Попов.

– Ловлю вас на слове. Так Сергей, как насчёт прогулки? Вы не находите, что мозг лучше работает во время ходьбы?

– Дело в том... Мы вчера поздно приехали... И чтобы хоть сколько-то выспаться я ещё не завтракал. Если позволите, один круасан и чашечку кофе, чтобы проснуться окончательно.

Ленин кивает, и я делаю заказ. Он не заказывает ничего, и отказывается, когда я предлагаю угостить.

– Так чему обязан, милостивый государь?

– Чему? Это одна из целей моей поездки, поговорить с вами.

– Я – цель вашей поездки?

– Одна из целей, не главная. Главная цель – закупка оборудования для моторостроительного завода. На крупную сумму. И ещё повидать двух людей, вас и господина Тринклера.

– Тринклер? Кто это? – кажется, Ленин весьма любопытен. И он не даёт мне спокойно обстоятельно излагать. Слишком быстр.

– Это изобретатель, инженер. Он создал довольно неплохой мотор, но в России его, увы, не оценили. И вот я хочу это исправить, пригласить его...

– Ну а я какое отношение имею ко всем этим моторам?

– Вы? Вы, если позволите, "особь статья". Если Тринклера я твёрдо рассчитываю переманить в Россию, то вас...

– Переманить меня? Вы это серьёзно?

– Я знаю, это сложно. Вы, Владимир Ильич, не поверите, но для меня просто поговорить с вами, познакомиться, это уже интересное и значительное событие. Я считаю вас очень способным человеком, даже читал некоторые ваши работы...

– Это какие же?

– "Что делать", "Развитие капитализма в России" (я и другие читал, без этого в СССР никак, но, кажется, они были написаны позже).

– И что же, вам нравится?

– Да не особо. Но я убеждён, что вы способны на большее, гораздо большее. Видите ли... Я не просто тайный советник. Я имею некоторое влияние на Государя. И хотел бы использовать это влияние на благо России. Разумеется, один я многого не сделаю, нужны люди, такие как вы. Способные сделать много, и способные увидеть, что же наиболее важно в данный момент. В идеале я бы хотел, чтобы вы стали министром юстиции, а в будущем, возможно, и премьер министром.

К этому времени я уже съел свой круасан, и мы неторопливо идём к парку.

– Признаться, очень похоже, что вы несёте чушь. Этот мундир – он точно ваш, или это часть карнавала, устроенного ведомством господина Плеве? Я вижу, вам и обо мне кое-что известно. Откуда же? Не из того же ли ведомства?

– Нет из другого источника. Я, правда, беседовал с господином Плеве не далее, как...

– И у вас хватает наглости в этом признаваться? Я, разумеется, и без того не сомневался – как бы вам удалось меня задержать? Но прямо представляться представителем этого палача и его палаческого жандармского ведомства... Хорошо, что я не подал вам руки при встрече, – и Ленин демонстративно закладывает руки за спину.

– Палач? Он всего лишь служит своей стране, и, насколько я могу судить, служит успешно.

– Но вы согласны, что есть профессии предосудительные? Проститутки, жандармы, воры...

– Не думаю, что в это число входят министры. Вообще, современные предрассудки мне чужды, например, насчёт жандармов. Зато мне очень нравятся умные люди. А ещё лучше – не просто умные, а успешно делающие своё дело. И мне на таких везёт – беседовал недавно с Менделеевым, Витте, Плеве, Победоносцевым, теперь вот с вами...

– Победоносцев? Этот старый филин... Уж не он ли вас сюда прислал? Как же вы собираетесь работу на благо России сочетать с церковным мракобесием?

– Владимир Ильич! Читали ли вы "Бесы" господина Достоевского?

– Пасквиль!

– Тем не менее, есть мнение, что вы-то и есть мракобес. И из самых опасных. Что касается церкви, то давайте конкретно: в чём же там мракобесие? Обещаю вам, если в ходе работы мы с вами столкнёмся с мракобесием церкви, я выступлю против мракобесия.

– Вы, значит, серьёзно рассчитываете переманить меня на сторону зла?

– А что вы считаете злом?

– Это просто. То, что способствует прогрессу – добро. А то, что его тормозит – зло.

– Но Владимир Ильич, вы, как марксист, надеюсь, согласитесь, что есть прогресс производительных сил, и есть прогресс производственных отношений. И сами знаете, что из них первично. Вот я собираюсь развивать в России моторостроение, а на его основе машиностроение. Например, широкое применение тракторов, другой сельхозтехники – вы понимаете, что это неминуемо приведёт к перевороту в сельском хозяйстве России? Получается, что я сильно

способствую прогрессу производительных сил, и тем самым служу добру. Вы в этом не специалист, и развивать производительные силы – не ваш конёк...

– Не только техника. Ещё и люди...

– С их навыками и умениями. Знаю. Поверьте, я хочу добиться в России всеобщей грамотности, высокой культуры производства, а образованные люди нуждаются и в общем повышении уровня культуры. Но я один со всем не справлюсь. Давайте оставим мне машины и моторы, а вы бы занялись укреплением законности. Вплоть до принятия конституции и определённых свобод, но не с целью ослабить власть, а наоборот, для её укрепления. Вы ведь согласны, что укрепить власть можно не консервацией, а умеренными реформами?

Ленин, который постоянно меня перебивал своими быстрыми репликами, теперь замолчал, задумался. Лишь слегка кивнул, соглашаясь, и идёт, глядя под ноги. Пользуясь паузой, продолжаю излагать:

– У меня есть влияние на Государя, но... я не убеждён, не могу гарантировать... Всё зависит от нас с вами, сумеем ли мы сделать многое. Я надеюсь на ваши способности, в частности, способность много работать.

– Вы ещё не сталкивались с этой прогнившей системой. Вас ещё жареный петух не клюнул в одно место.

– А кому легко, Владимир Ильич? Да, изменить судьбу империи, возможно, и мира... Но ведь шанс есть. Вы ведь умеете использовать шанс, если он вам представился, даже и неожиданно? Знаете, я думаю, ключевой вопрос следующий: вам что нужно: отомстить за брата, разрушить страну, и тогда плохо станет всем, в том числе и царю, или помочь России, её народу? Разумеется, и прогресс ускорив.

– Я бы с наслаждением пошёл на дуэль с убийцами брата. Но разрушать страну... Я здравомыслящий человек, не фанатик. Но я понимаю, что без революции в этой стране ничего с места не сдвинешь. А уж с этим царём – нет, безнадежно. Вы человек молодой, но разумный. Если действительно хотите помочь России – лучше вы переходите на нашу сторону, сторону революции. Самодержавие ведь тормозит не только социальный прогресс, но и технический.

– Вы знаете, что Пушкин сказал о русском бунте?

– Бессмысленный и беспощадный? Да, во времена Пугачёва так и было. Хотя... Даже тогда не бессмысленный. Народ заставил себя уважать, хоть немного. Но теперь, имея теорию марксизма, имея партию, имея пролетариат – разве теперь революция будет бессмысленной? Вот скажите честно, если сможете.

– Честно... Есть такая притча, если хотите, анекдот. Приходят двое противников к мудрецу, чтобы рассудил. И один из них рассказывает свою правду. "Да, ты прав", – отвечает мудрец. Рассказывает и другой, в своей интерпретации. "И ты прав", – говорит мудрец. И тут один из зрителей возражает: "Как же так, они оба правы, но ведь их мнения противоположны. Разве это не противоречие?" "Да, и ты тоже прав" – констатирует мудрец.

Ленин вдруг начинает залихватисто смеяться. Буквально хохочет, даже слёзы выступают.

– Ха-ха-ха, "и ты тоже прав"! И кто же автор сей притчи, позвольте узнать?

– Не знаю автора, слышал, а об авторе не спросил.

– Но вы позволите мне упомянуть это при случае?

– У вас столько же прав, сколько у меня, а я вот упомянул.

– Да, но к чему эта любопытная история?

– Видите ли, я пытаюсь ответить честно. Да, в ваших словах есть доля правды. Да, марксизм, партия, вы с вашими способностями. Но и Пушкин тоже прав. Революция в России – это реки крови, это гибель значительной части образованных людей, разрушение производства. В общем, значительная деградация производительных сил. Россия и без того от Европы отстаёт, а уж после революции... Тут будет не до жиру, как-нибудь бы ситуацию стабилизировать. Вот, допустим, перейду я на вашу сторону, надеюсь на революцию. Допустим даже, революция про-

изойдёт и победит. Допустим, я останусь жив, а революция, вы знаете, пожирает своих детей. Допустим, вы станете на место царя, а я с вами знаком. Даже в этом случае мои возможности будут меньше, чем сейчас. Хотя бы из-за деградации производительных сил. Нет, всё однозначно, и для меня, и даже для вас, надо использовать возможности, имеющиеся сейчас. Тем более, что до трона вам пока далеко.

– Я и не собираюсь его занимать, я бы его сжёг на площади. В том, что вы говорите, есть определённый смысл. Но есть две, если угодно, заваyki. Во-первых, я не стал оспаривать ваши якобы большие возможности, но они, разумеется, нуждаются в доказательстве, если мы намерены говорить серьёзно. Во-вторых, вы мне предлагаете перейти в противоположный лагерь, можно сказать, покупаете меня. Но тогда будьте любезны и уплатить цену. Давайте так договоримся: вы ведь слышали о проблеме отрезков, не так ли? Ей уже более сорока лет, этой проблеме. Так вот: вы, пользуясь своим влиянием, передаёте эти отрезки крестьянам, причём безвозмездно. Этим мы убьём сразу двух зайцев: вы докажете ваше влияние, а я получу свою цену. Вы скажете, что цена велика? Да, я высоко себя ценю. И я, уввы, упрям – без этого я не брошу всех своих товарищей, всю свою жизнь. Вы ведь понимаете, что будет с моей репутацией в революционной среде, если я начну сотрудничать с правительством? Уж не в этом ли и состоит ваша истинная цель – подорвать мою репутацию? Вполне в духе охранного отделения.

– Владимир Ильич, знаете, на какую сумму мы с товарищами собираемся оборудования закупить? В берлинский банк переведены сто пятьдесят миллионов рублей, обеспеченных золотом. И мы обдумываем, не взять ли ещё оборудования в кредит. А мы можем его вернуть, государство гарантирует. А вы думаете, что я, наряду с этим, ещё и вашей репутацией занимаюсь. Вы ведь пока не согласились на моё предложение, тем более не стали значительным лицом. Так что ваша репутация... Да и не просто её подорвать, сами знаете.

Я вам другое хочу сказать. Дело в том, что я уже поднимал перед Государем вопрос об отрезках и выкупных платежах. Об их отмене. И уже в этом году госсовет будет это обсуждать. Возможно, и даже вероятно, что всё будет решено и без вашего условия. Не сочтёте ли вы тогда, что я уплатил вам фальшивой монетой, ведь я делаю это не ради вас, а ради крестьян и ради России.

Ленин снова смеётся:

– Вы сделайте, а уж что вы при этом думаете – это для меня неважно, я же материалист. А вы? Вы материалист?

– Я вовсе не философ. Если двигатель работает надёжно и выдаёт требуемую мощность – то мне всё равно, что первично, сознание или материя.

– Хорошо, договорились. Как только я узнаю из газет, что отрезки переходят крестьянам безвозмездно, приду в русское посольство. А вы уж организуйте переезд, должность, всё, что считаете нужным.

– Можно заранее посольству инструкции оставить. Но вы в какое посольство придёте?

– Сейчас в Лондон еду, а потом... Не знаю.

– Ничего, связь есть, организуем. Но вы обещаете серьёзно работать, не уйдёте из-за какого-нибудь пустяка?

– Вы же понимаете, пути назад нет. Моя репутация...

– Ну, может быть, в адвокаты, в публицисты, в эмиграцию. Да и последователи у вас, я думаю, найдутся.

– Давайте так: три года обещаю. А что касается результатов – и Ленин выразительно разводит руками.

– Я и сам хотел вам предложить именно такой срок.

Мы уже возвращаемся к отелю, и тут Ленин меняет тему:

– Вы говорили о ваших товарищах. И кто же это?

Кажется, он весьма любопытен. Видимо, объём памяти позволяет собирать гигантские массивы информации. Да и объём головы – череп весьма внушительный, особенно это заметно на фоне его маленького роста.

– Это господин Шварц из посольства и господин Костович, тоже изобретатель, как и Тринклер, и тоже создатель замечательного двигателя, но несколько другого рода.

– Костович... Он серб?

– Да, и родился в Австро-Венгрии. Но работает в России.

– И что же, оценили в России его талант?

– Увы, не сказал бы. Но я надеюсь это исправить. Надеюсь и ему предложить не меньше, чем вам.

– Что же, портфель министра?

– Нет, завод. Вот закупим сейчас оборудование, площадка уже готовится в Нижнем, и будет он работать, изобретать, создавать. Такие возможности – это именно то, чего он хочет.

– Интересно. Вы позволите с ним поговорить?

– На здоровье, надеюсь, он не против. Вы хотите наедине, без меня? А господин Шварц – он вас интересуется?

– Нет, с господами такого рода я разговаривать не желаю.

Костович не против беседы с неведомым ему господином Ульяновым, а мы с Эльзой тем временем идём погулять по Штутгарту. Я не наелся одним круасаном, она покушать всегда не против, и мы ещё раз завтракаем в открытом кафе, под деревьями. Затем и в магазины заходим. Мне нравится покупать ей хорошее бельё. Она, кажется, искренне рада таким не самым дорогим подаркам, а мне хорошее настроение любовницы не мешает.

Ленин уже ушёл, и вероятно, готовится к переезду в Лондон, а Костович заметно впечатлён состоявшимся разговором.

– Умный человек... Хороший человек. И он так хорошо понимает нашу несчастную Сербию, наши беды. Турки, австрийцы, хорваты, албанцы... А надеяться можно только на себя и на Россию. Но Россия далеко...

13. Снова Германия.

Даймлер, Майбах... Определённо, я слышал эти фамилии там, в будущем. Деталей не помню, но точно что-то связанное с автомобилями. Завод их неплох, главное, всё по уму сделано. И чувствуется, что не новички, уже есть определённый опыт. Делают они не только двигатели, но и автомобили и мотоциклы! Правда, выглядят эти шедевры, как творения колхозного умельца, но хорошо покрашенные и прилизанные. Они так и называют автомобиль: самодвижущаяся карета. И вправду, сняли крышу кареты, поставили мотор... А ходовая в основном та же.

Но есть и другая сторона: меня трижды подмывало спросить: это всё хорошо, а где же остальное? Где мощь германского автомобилестроения? Но, видимо, эта мощь ещё в будущем. Неплохой заводик, но совсем небольшой. Работников – меньше сотни.

Отношение к нам было неоднозначное. Сначала приняли хорошо, спросили, действительно ли мы хотим сделать покупки на крупную сумму. Мы подтвердили, мол да, десятки миллионов, и это рублей, а марок ещё больше. Они не могли скрыть радости, охотно всё показывали. Но постепенно выяснилось, что нас интересует не их продукция, а оборудование, на котором они работают. Мы, получается, не покупатели, а будущие конкуренты. И отношение сильно изменилось. Внешне продолжали вежливо говорить, но я вскоре понял, что ничего нового больше не покажут.

Я закинул удочки, мол, нет ли желающих поработать в России? Но реакция была резко отрицательной: мол, покупайте лицензию, там в договоре будет и о поддержке в освоении. А бесплатно выведывать и переманивать – это нехорошо.

Главное, нам не сказали, где лучше оборудование приобрести. Не у них, они его не производят. А где – не сказали, жлобы. По всей Германии теперь искать?

Пока что отправляемся в Гамбург, через Ганновер. Человека со странным именем Тринклер Густав Васильевич мы нашли без труда. Беседовать в рабочее время он не захотел, и вечер мы вчетвером, кроме Эльзы, провели в некоей смеси ресторана и пивной. Вроде, неплохой ресторан, но в основном посетители пьют пиво и едят. Держится Густав очень уверенно, цену себе знает. А с нашей стороны отдуваться пришлось мне, младшему по возрасту, но старшему по чину. Всё-таки я генерал, хоть и гражданский.

– У меня здесь неплохое место. Не то, что я хочу, но деньги платят исправно. Вы хотите меня переманить, вернуть в Россию. Это возможно, но сразу предупреждаю: деньгами меня сманить трудно. Разве что это будут очень большие деньги. В первую очередь меня интересуют две вещи: интересное дело, которое устроит меня как инженера, и высокая должность в этом деле, для меня, как руководителя. Ну и в третьих, разумеется, деньги.

– Мне приятно, что вы так ясно излагаете. Расскажу о нашем проекте, который, признаюсь, пока на начальной стадии. Его можно разделить на две части, пока не знаю, условно разделить, или реально. Одна часть – это производство карбюраторных двигателей с зажиганием от электричества и на их основе производство техники, в основном автомобилей и аэропланов. Вторая часть касается двигателей, с зажиганием от сжатия, предназначенных для более тяжёлой техники: в частности, тракторов, катеров, буксиров. Для этого будет построен завод, возможно, два завода, а со временем это будет большая отрасль промышленности. Возможно, несколько отраслей. Ваша роль – быть главным инженером второй части, двигателей Дизеля или, если угодно, Тринклера. Для назначения на эту должность достаточно вашего согласия, но в дальнейшем от вас потребуется справляться с этими обязанностями, в частности, создавать хорошие двигатели, желательнее лучшие в мире. Кроме того, нужен директор этого завода или половины завода – я ещё не решил, что лучше – делать эти двигатели на одном заводе, или на разных. Если вы готовы занять обе должности и способны с ними справиться – то мы нашли прекрасную кандидатуру и достойная оплата у вас будет.

– Это всё ваши планы, так сказать, прожект, или что-то уже сделано?

– Сделано и много, и мало, смотря как считать. Мы уже получили из казны значительную сумму, десятки миллионов золотых рублей, и нам обещано щедрое финансирование на десять лет вперёд. Высочайше обещано. Судите сами, много ли это. А кроме этого, сделано, действительно, немного. В Нижнем Новгороде сейчас готовится площадка под завод, мы здесь для приобретения оборудования. Ну и выделены средства для строительства нефтеперерабатывающих заводов и для начала работ по производству электрооборудования.

– Гм... Деньги... Деньги всё решают, но при одном условии: распоряжаться ими должен деловой человек. Тогда всё остальное – преодолимо.

– Я бы назвал ещё и третий фактор: талантливые конструкторы.

– Да. Но с этим у меня проблем нет. Проблему я вижу в другом. То, что вы сказали – это и интересно и привлекательно. Да что там говорить – это мечта любого талантливого инженера. Проблему я вижу в другом. Вы молодой человек, представившийся как обладатель высокого чина. Очень высокого. Вы утверждаете, что располагаете значительными суммами. Есть ли у вас убедительные доказательства ваших слов?

– Два вида доказательств. Вот этот человек, Костович Огнеслав Степанович, вам известен?

– Впервые вижу. Если, конечно, это не тот самый Костович, создавший весьма любопытный двигатель...

– Да, двигатель с зажиганием от электричества. Мне уважаемый Сергей Михайлович предложил подобную же должность, но касающуюся того, что он назвал первой частью. Я, разумеется, согласился и уже получаю жалование.

– И второе доказательство: деньги, которыми мы располагаем. Сумму вы узнаете, если согласитесь. Но это значительная сумма, и её достаточно для приобретения оборудования для большого завода.

– Господин Шварц, я слышал о вас. Вы, как я понимаю, официальное лицо в посольстве. Подтверждаете ли вы слова господина Попова?

– Я подтверждаю перевод значительной суммы в берлинский банк, в распоряжение господина Попова. Кроме того, нами получена инструкция из Санкт-Петербурга с требованием оказания господину Попову полного содействия. Как видите, я сопровождаю его лично.

– Хорошо, господа. Завтра я оформлю отпуск за свой счёт на две недели и постараюсь помочь вам в приобретении оборудования. Если я увижу на деле серьёзность этого проекта... Вы понимаете, от такого не отказываются.

И мы задержались в Ганновере на второй день, и на половину третьего дня. Оказалось, что здесь изготавливают очень интересные станки: по производству труб. Трубы побольше из стального листа, и маленькие трубы просто тянут, как проволоку. Этими станками заинтересовался именно я, а не Костович с Тринклером. Я-то знаю, что трубы понадобятся, если не для двигателей, то, например, для элеронов. Но цена этих станков тоже впечатляющая. Мы пока что ограничились внимательным осмотром.

Завод Отто в Гамбурге большого впечатления на меня не произвёл. Сложилось впечатление, что за последними достижениями техники они следят не так внимательно, как Майбах и компания. Впрочем, Густав предупреждал. Зато именно в Гамбурге мы не только купили первые наши станки, но и договорились об отправке всего, что закупим, морем до Риги. А оттуда в Нижний по железной дороге. Увы, всё это не так быстро.

Густаву не понадобились две недели: на третий день, после того, как мы купили станки на 21 миллион, и не марок, а рублей, он согласился на моё предложение. И именно он оказался для нас самым ценным человеком. Очень быстро этот суховатый, но деловой немец вышел в нашей компании на первые роли. Он, единственный среди нас, прекрасно знал машиностроительную промышленность Германии. И он же, при участии меня и Костовича, но в основном он, составил список необходимого оборудования. Как раз на 150 миллионов. Я настоял на покупке двух трубных станков, это 23 миллиона, и кое-что добавил Костович. Всего получилось 180 миллионов. И мы закупили всё, заплатив 120 миллионов, а на остальное получив отсрочку платежа, беспроцентную. В этом помогли тот же Тринклер, и, отчасти, Шварц, гарантировавший платёж от имени правительства Империи. Вскоре нас стало шестеро. Тринклер привлёк своего тезку, Густава Шпреля, с которым вместе работал в Ганновере. Шпрель, правда, простой механик, но по словам Тринклера, хороший, золотые руки.

Несмотря на то, что мы, благодаря Тринклеру, работали по плану, а не ездили вслепую, затратили мы не две недели, а сорок семь дней. Это всего, с момента приезда в Берлин. Почти всё это время нам помогала Эльза, которая вела хозяйство всей нашей компании. Я настоял, чтобы ей за работу платили, 20 марок в неделю от русской казны, в придачу к тем ста, что я платил ей из своего кармана. Получив деньги за шестую неделю, она попросила три дня отпуска и 180 марок вперёд. Я дал ей двести – мне нравится, как она сияет в такие моменты. Через три дня выяснилось, что она купила дом в пригороде Берлина, в сторону Потсдама.

– Что, целый дом? И сколько же ты заплатила?

– 850 марок. Но это мало, он стоит как минимум 1200. И даже 1500, если найти хорошего покупателя. Но он продавался с молотка, срочно, а служанка, которая там работала, моя троюродная сестра.

– А те, кто там жил, его хозяева? Их выселили, или ты их сама будешь выселять?

– Что вы, хозяйева – это господа из Берлина, они там не жили. На первом этаже прислуга, а на втором – небольшая гостиница, два маленьких номера и один побольше. Господин Попов, я вам так благодарна, вы столько для нас сделали. Теперь мои девочки будут жить за городом, и там можно гулять в парке.

– Так ты просто поменяла одну работу на другую, будешь теперь сама прислугой в своей гостинице?

– Это совсем другое дело. Я могу прибрать весь дом за полтора часа, ещё готовка, но это вообще не работа, а удовольствие, как и закупка продуктов, постельного белья, посуды. И останется много времени на моих девочек, а ведь я работала в Берлине 11 часов в день, и только по воскресеньям 8 часов. Там есть участок земли, небольшой, но хватит, чтобы посадить картофель, капусту, лук и морковь. Есть место, чтобы держать нескольких курочек и кроликов. Девочки будут мне помогать, они такие послушные. И они будут есть досыта, и бегать босиком по траве. И это совсем другое дело – быть дочерьми домовладелицы. Я уже всё подсчитала, даже с учётом того, что не все номера всегда заняты, доход будет не меньше 20 марок в неделю, а иногда и 30. И не надо платить за пансион. И ещё свои овощи, куры, кролики. Я смогу откладывать хорошие деньги.

– Да, ты расчётлива и бережлива, и ещё старательная.

– Да. Знаете, сколько вы тратите на мою еду?

– Нет.

– Вы не считаете? Почему? Я же вижу, вы образованный, вам нетрудно посчитать. Примерно пять с половиной марок в неделю, и это только еда, не считая подарков.

– В три с половиной раза больше, чем те полторы марки, которые ты тратила.

– Полторы – это максимум. Я старалась уложиться в марку и двадцать пфеннигов. Чтобы отложить хоть что-то. Но иногда так хочется есть...

Я смотрю на Эльзу с восхищением. Да, такая женщина и в России могла бы пригодиться. Но – ничего уникального. Ладно, пусть своих кур выращивает.

14. Нижний Новгород.

В Россию мы возвращаемся по морю, так проще всего до Питера добраться. Я немного опасался, что Эльза будет плакать – какое там! Довольна, как слон. Типа, провернула блестящую сделку, лучшую в жизни. Ну а я, как любовник... Похоже, что деньги для неё важнее. Или сильно соскучилась по дочкам, и рада, что едет к ним и к своей недвижимости. Шварц тоже доволен, с поручением справился, а мотаться по гостиницам, видимо, ему надоело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.